АЛЕКСЕЙ КУНИН
БЭКАП

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Опасайтесь своих желаний. Ведь иногда они исполняются. Кто из нас хотя бы раз в жизни не задумывался о возможности бессмертия? Питер Рыкоф, прошедший за девяносто три года долгий путь – от эмигранта, солдата, наемника, до миллиардера и владельца крупнейшей частной военной компании, готов отдать все состояние за шанс жить вечно. И вот он уже заключает контракт с таинственной корпорацией «Церебрум», но после операции, которая должна принести бессмертие, приходит в себя в морге, голый и босый. Кто-то должен ответить за обман. Но был ли обман?

- Алексей Кунин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

Алексей Кунин
БЭКАП

1

– Интересно, кто тренировал этих бойскаутов? Накадзава-сан, вы не знаете?

– Откуда мне знать? В отличие от вас, я не имею отношения ни к полиции, ни к армии. И нисколько об этом не жалею. Я еще раз взываю к вашему благоразумию…

– К моему благоразумию? Как вы там меня называли? Грязный наемник, у которого руки по локоть в крови? Я не ошибся?

– Признаю, это было глупо и неосторожно с моей стороны, но я был в несколько…взвинченном состоянии. Прошу меня понять.

– Отлично вас понимаю, иси[1].

Я крутанулся в кресле, взглянул на японца и бельгийку, мимолетно убедившись, что наручники все так же надежно сковывают запястья заложников с подлокотниками кресел, и вернулся к камерам слежения. На центральном мониторе как раз можно было наблюдать, как десяток расплывчатых силуэтов скользит между деревьев парка к одному из боковых входов в корпус «Е»: в нем размещалась силовая установка, питающая весь комплекс.

Вот ведь материал нынче негодный пошел. Думают, если упаковались в «Голиафы», последнюю разработку «Japan armored systems», включили «хамелеоны», то теперь им и сам черт не брат. Нет, двигались они *правильно*, двойками, расчетливо страхуя друг друга, используя особенности ландшафта, явно созданного поклонником фэн-шуй. Я усмехнулся пришедшей на ум мысли: можно ли сказать, что парни передвигаются гармонично? Но, как бы там ни было, самоуверенность в этой работе всегда опасна.

Что бы их командиру не убедиться, что комплекс «Церебрума» оснащен несколько лучшим оборудованием, чем какой-нибудь банк или торговый центр? И в это «несколько лучше» входят не только «Циклопы», воспроизводящие сейчас на экране температурные контуры фигур штурмовиков. Да, конечно, можно сделать скидку на то, что им не сказали, кто именно захватил комплекс. Подумаешь, старик миллиардер, божий одуванчик, одной ногой стоящий в могиле, внезапно сбрендивший и угрожающий жизни персонала – плевое дело для ребят из токийского SATа[2].

Дождавшись, пока первая двойка доберется до точки, изумрудно подмигивавшей на экране, я взял стилус и прошелся лазерным лучом по плывущим в воздухе символам, запуская наскоро составленный, вместо беззубого местного, пакет

защитных кодонов. Первый сюрприз, стандартный «Райдзин», окативший штурмующих фонтаном нехитрой, но эффективной смеси химикатов, нейтрализовал «хамелеоны», но большого впечатления не произвел: бойцы лишь ускорили бег, пытаясь добраться до входа в здание.

Не погасили их порыв и пара установок «Роя», осыпавших стремительно приближающиеся фигуры градом светошумовых гранат: безгильзовые Heckler`ы, оснащенные системами интеллектуального наведения, сработали безупречно, уничтожая снаряды еще в воздухе. Нейропарализаторы «Горгон», клейкие арамидные сети «Ретиариев» также не стали для штурмовиков непреодолимым препятствием. Один за другим, словно на полигоне, атакующие справлялись с остальными задачками боевых программ, пробиваясь ко входу в здание. Со стороны сцена штурма наверняка выглядела весьма эффектно и драматично, приводя в экстаз новостные каналы, особенно когда в дело вступили «Смауги», разогнав ранние городские сумерки огненными струями.

Несмотря на стандартные кодоны, применявшиеся службой безопасности, «Церебрум» имел гораздо более высокий уровень защиты, чем мог себе представить сторонний наблюдатель. Потратив больше часа на изучение систем допуска, вооружений и оборудования, ответственных за охрану, я пришел к выводу, что комплекс защищен, пожалуй, на уровне «тяжеловесов» вроде Форт-Нокса, Пентагона или резиденции Ким Чен Сена, так что в случае необходимости можно было потягаться в огневой мощи с целой бригадой СБР[3]. Впрочем, корпорация с годовым оборотом в пол триллиона старых, дореформенных долларов, вполне могла позволить себе самое лучшее.

Сейчас, правда, столь сложных задач решать не требовалось, так что пускать в ход против SATa тяжелые игрушки, оставившие бы от нападавших только горстку пепла, в мои планы не входило. Но быстрое продвижение спецназа к цели тоже не годилось, так что я запустил следующий защитный пакет.

Пять цветочных клумб, засаженных химавари – японским подсолнечником, скользнули в сторону, открывая небольшие бункера, и на волю вырвались пять сфер, размером с гимнастический мяч. Докатившись до выбранных управляющим интелом позиций, они трансформировались в «Иглозубов» – пехотных дронов, разработанных Харьковским заводом перспективных вооружений и состоявших на вооружении армий десятка стран. Ощетинившись унифицированными 20-мм «кочевниками» с электроприводом, и миниракетницами, дроны обрушили на нападавших настоящий огненный шквал, заставив

тех залечь. Потерь спецназ не понес, прежде всего, благодаря мне – я выставил в настройках дронов беспокоящий огонь, не сопряженный с поражением целей – но двигаться дальше не мог, теряя темп атаки.

Впрочем, командующий штурмом размышлял недолго и через пару минут за спинами залегших бойцов замаячило полдюжины «Единорогов» – беспилотных боевых платформ, оснащенных управляемыми противотанковыми ракетами. Две из из них были сразу же подбиты – атаковать механизированные цели дронам не возбранялось – но оставшиеся начали накрывать позиции «Иглозубов», маневрируя между деревьев. Одновременно камеры наблюдения зафиксировали еще одну группу спецназа, зашедшую с тыльной стороны корпуса. Становилось горячо и я уже подумывал о применении тяжелого вооружения, но тут обнадеживающе замигал огонек на экране интела.

Все выглядевшие со стороны столь эффектно взрывы, вспышки и метавшиеся туда-сюда в кажущемся хаосе лазерные лучи были лишь ширмой. Главный удар, как всегда, был нанесен беззвучно и внешне незаметно. Пока вычислительные мощности интелвирта, расположенного в Токийском центре антитеррора и управлявшего всей начинкой «Голиафов», были заняты решением задачи по преодолению защитных систем «Церебрума» без потерь в личном составе, несколько запущенных мной программ, подобно червям, рыли норки в его позитронных мозгах. Наконец, достигнув цели и перехватив управление, цифровые лазутчики отдали приказ об аварийном отключении энергопитания костюмов.

Одновременно с этим через графеновые ленты, составлявшие основу экзоскелетов, был пропущен точно дозированный электроразряд, повлекший за собой то, что конструкторы «Голиафов» называли «последний шанс». Реагируя на пробежавшие по ней электроны, словно паук на колебания сети, кристаллическая структура чудо-материала, доработанного в лабораториях «JAS», перестроилась, потеряв гибкость, но взамен приобретя алмазную прочность. Теперь находившийся внутри «Голиафа» человек не мог пошевелить и пальцем, однако сам костюм смог бы выдержать падение с высоты десятиэтажного дома или прямое попадание противотанковой ракеты.

И вот уже вместо десятка бегущих фигур на разном расстоянии от здания расположились, в причудливых позах, статуи нападавших. Да уж, «море волнуется раз, море волнуется два…»[4]

Покончив со спецназом, шпионы занялись «Единорогами». Автономных источников питания силовые установки платформ не

имели. Снабжение углеводородом XXI века – электроэнергией, обеспечивалось дистанционно, с зависшего в километре над комплексом беспилотника. Установленный на его борту лазер испускал импульсные когерентные пучки света, поглощаемые приемными устройствами платформ, превращая их в энергию. Подчиняясь командам виртуальных диверсантов, перехватившим управление интелом, беспилотник отключил лазерную установку и взял курс на базу. Через секунду все «Единороги» замерли там, где стояли.

Удовлетворенный результатом, я откинулся на спинку кресла и пробежался взглядом по мониторам камер наружного наблюдения. Между застывших метрах в пятистах от парка бронированных машин оживленно бегали и суетились полицейские: внешний периметр оцепления безуспешно пытались прорвать толпы журналистов. Неудачный штурм наверняка должен был произвести впечатление на местных шерифов, так что ждать, судя по всему, предстояло недолго.

В унисон с моими мыслями на одном из экранов вспыхнул красный ромб входящего вызова и в развернувшемся на мониторе изображении возникла голова Ясунари Есимото, с которым мы расстались меньше двух часов назад. Выглядел переговорщик подавленным, совсем не как следует самураю, скрывающему эмоции. Морщинистый лоб, несмотря на вечернюю прохладу, покрывали капли пота.

– Konbanwa[5] еще раз, Ясунари-сан, – приветствовал я японца. – Сдается, ваши коллеги были чересчур оптимистичны, обещая доставить вам сумасшедшего гайдзина[6] в кратчайшие сроки, – почти процитировал я отрывок из последнего разговора шефа токийского управления полиции с Есимото.

– Рыкоф-сан, примите мои уверения в том, что я никоим образом не причастен к этим безответственным действиям, – с видимым смущением заговорил японец. – Я убеждал генерального инспектора не торопить события, но он настоял на своем. Уверяю вас, он бы никогда не осмелился отдать приказ о штурме, если бы мы обладали более детальной информацией.

– А, то есть вы считаете, что имя Ангольский палач сказало ему несколько больше, чем мистер Рыкоф, старый выживший из ума миллиардер? – усмехнулся я. По лицу японца пробежала тень гримасы, но присутствия духа он не потерял, лишь почтительно кивнув на мои слова.

– Примите мои уверения в том, что сейчас мы в полной мере осознаем, с кем имеем дело, Рыкоф-сан, – склонил он голову. – Давайте попытаемся начать сначала. Назовите еще раз требования, которые могли бы вас удовлетворить без ущерба

интересам корпорации «Церебрум», администрации Токио и находящимся внутри комплекса людям.

– Мои требования, безусловно, записаны вами еще во время нашего первого разговора, – ответил я, – но если вы так просите, я могу повторить. Итак, я требую публичных гарантий от совета директоров корпорации в безвозмездном проведении повторной операции, согласно заключенного контракта. Вместо гарантий я могу обойтись решением Верховного суда Японии, обязывающем «Церебрум» провести бесплатно операцию в удовлетворяющие меня сроки. Все детали реализации этих требований вы можете обсудить с моими адвокатами, они уже вылетели из Нью-Йорка. Если мои условия не будут выполнены в течение двадцати четырех часов, я начну уничтожать заложников, а затем и инфраструктуру комплекса. Ах, да, и еще можете сообщить вашему руководству, что уровень защиты комплекса мной лично оценивается в три девятки. Говорю вам на тот случай, если шишки из корпорации не сочли необходимым делиться с вами подобной информацией. Надеюсь, вам не надо разъяснять, каких усилий будет стоить токийским силам правопорядка захват комплекса такого уровня? И какие негативные последствия возможны для близлежащих городских кварталов?

– Я немедленно передам ваши требования в соответствующие инстанции, – закивал японец. – Также я уполномочен вас заверить, что попыток штурма со стороны полиции больше будет: только что из офиса премьер-министра получена соответствующая директива.

Я удовлетворенно ухмыльнулся. Судя по всему, ребята из «Ross, Litt Specter» уже начали отрабатывать свои астрономические гонорары.

– Однако, со своей стороны, – продолжил японец, – нам необходима уверенность в том, что вы удержитесь от каких-либо неосторожных действий, которые могли бы привести к печальным последствиям…

– В этом можете быть уверены, – прервал я его. – Я ведь уже говорил: я не террорист и не смертник, о чем вам отлично известно, хоть и имею некоторое отношение к… силовым конфликтам. Все, чего я хочу – это надлежащее исполнение контракта со стороны «Церебрума». Я бы мог сейчас выйти отсюда и заняться судебными разбирательствами, но боюсь, у меня нет лишних пяти лет на все связанные с этим крючкотворства. Так что в интересах всех сторон – разрешить текущий конфликт в сжатые сроки.

– Да, я понимаю, – вздохнул японец и позволил себе утереть салфеткой лоб. – Но, все же, возможно, вы хотя бы позволите

покинуть комплекс части персонала? К примеру, женщинам и…

– Ясунари-сан, – снова перебил я его, поморщившись. – Мне известна ваша репутация переговорщика, но со мной лучше в эти игры не играть. К тому же, как мне кажется, мы уже пришли к выводу, что нынешняя ситуация отличается от тех, с которыми вы обычно сталкиваетесь. Работники лабораторий, как поведал мне лично иси Накадзава, – я бросил взгляд на сжавшегося в кресле ученого, – часто задерживаются на рабочих местах допоздна и ночуют в комнатах отдыха, так что прекрасно могут провести сутки в изоляции в лабораторных помещениях. Искренне надеюсь, что более времени и не понадобится.

– Кхм, кхм, – откашлялся японец, видимо, перебирая в голове варианты, способные сподвигнуть меня на освобождение персонала. Не найдя таковых, он снова посмотрел в экран.

– Что ж, Рыкоф-сан, я вас понял и также, как и вы, надеюсь, что ваш конфликт с корпорацией будет улажен в кратчайшие сроки. Если вам вдруг что-либо понадобится, может в любой момент связываться со мной. Oyasumi nasai[7].

– Oyasumi, – отозвался я, ткнул стилусом в точку возле уха японца и изображение свернулось в точку, прервав связь.

2

Итак, задача-минимум выполнена: по меньшей мере в течение суток можно быть относительно уверенным в том, что столичные вояки меня не побеспокоят. Бдительность, конечно, ослаблять не будем – я запустил «Аргус», пакет кодонов, обеспечивающих неусыпный надзор за внешним периметром парка – но теперь хотя бы можно вплотную заняться насущными проблемами. Покончив с настройкой защитных систем я встал из кресла и обернулся к своим невольным пленникам.

– Ну вот, Накадзава-сан. – Я прошелся по комнате и остановился возле стола. – Видите, все не так страшно, как вам казалось. Надеюсь, ваше руководство проявит благоразумие и доставленные мной временные неудобства скоро закончатся. Вам что-нибудь нужно? Может, хотите пить?

– Спасибо. – Страх в глазах ученого если и не исчез, то значительно уменьшился. – Не отказался бы от стакана сока. Позволю себе повториться: я совсем не уверен, что совет директоров пойдет вам навстречу. Сто миллиардов – не та сумма, с которой легко расстаются.

– Десять миллиардов, – поправил я его, освобождая одну руку, чтобы он мог взять со стола поставленный мной стакан. – Впрочем, я вас понимаю, от старых привычек трудно отказываться: уж пять лет прошло, а нет-нет и скажешь сто долларов вместо десять амеро или Линкольн вместо Вилья.

– Десять или сто, – пожал тот плечом, – главное, что это – очень много. Годовой бюджет корпораций уровня «General Tesla» или «Orange». Хотя, кому я это говорю: вы-то в этой сфере куда как больше меня разбираетесь.

– Разбираюсь, – кивнул я. – И допускаю, что ваш совет не захочет идти навстречу. Поэтому и включил в список требований возможность разрешения нашего спора Верховным судом. Конечно, при обычной процедуре до него дело бы дошло дай бог лет через пять, но уверен, что сложившиеся чрезвычайные обстоятельства и мои адвокаты сумеют обосновать необходимость срочного рассмотрения спора. Ну, а если уж ситуация зайдет в тупик, то… – я в свою очередь пожал плечами, – будем оптимистами и надеяться, что до этого не дойдет.

– А вы, Амели, – обратился я к девушке. – Тоже хотите пить?

– Не отказалась бы. – Она смотрела на меня все с тем же поражающим спокойствием, что и при нашей внезапной встрече сегодняшним утром. – Только перед этим хотела бы избавиться от несколько иной…проблемы.

– Ах, да, понимаю, – кивнул я и наклонился, чтобы снять с нее наручники, когда на меня *накатило*. Виски заломило, под веки словно сыпанули песка, в бок будто воткнули спицу, желудок сжался мячом для гольфа. Меня бросило в пот и сразу же холодный озноб пробежал по спине.

– …у вас приступ, – издалека, как сквозь вату, донесся голос ученого. Будто я сам не знаю. Медленно, словно шагая по зыбучему песку, я двинулся к столу, на котором лежало несколько разноцветных упаковок и стоял стакан с водой. Воистину, дьявол кроется в мелочах. Я должен был принять свой обычный набор еще десять минут назад, но порция эндорфинов после удачной нейтрализации штурма затуманила мозг. Наконец, я дошагал до стола, мучительно вспоминая, успел я отстегнуть наручники девушки или нет. Но мысль повернуть голову, чтобы разрешить внутренний спор, представлялась более болезненной. Трясущимися руками, ломая хрупкий пластик оберток, я выдавил на стол десяток капсул, собрал их в ладонь и, с трудом закинув эти фармацевтические пули в рот, запил водой.

Боль потихоньку отступала, сознание прояснялось и первым делом я оглянулся. Переживания были напрасными: запястья девушки все также надежно фиксировали наручники. Она смотрела на меня взглядом, в котором плескался коктейль из любопытства, ожидания, капельки сочувствия. Нет, определенно ее стоит напугать, чтобы увидеть страх в этих красивых темных, словно спелая черешня, глазах. Но сначала закончим дело.

Уже почти без боли я взял со стола пневмошприц, поднес к шее, нажал на донышко. Негромкий пшик и резкий холодный укол подтвердили успешное завершение операции по очередному спасению моего бренного тела. Шумно дыша, отходя от приступа, я опустился в кресло и посмотрел на своих пленников. Только сейчас ощутил, что рубашка вся мокрая от пота.

– Вы нас напугали, мистер Рыкоф, – спокойным голосом, без тени страха, сказала Амели. – Обычно мы рекомендуем нашим пациентам включать в интелфонах функцию напоминания о необходимости приема лекарств.

– Последние три года эту функцию выполняет мой секретарь, – утирая лоб, сообщил я. – В девяносто три года, знаете ли, трудно доверять бездушной машинке.

Мы сидели каждый в своем кресле, смотрели друг на друга и с трудом верилось, что только сутки назад передо мной лежал новый мир, плод шестилетних усилий, который надо было лишь сорвать и вкусить его сладость. А сейчас мне, как в плохом боевике, сцепив зубы приходится бороться против тех, кто решил вырвать его прямо изо рта.

Как же я позволил этому случиться?…

3

– Итак, как прошла неделя?

– Честно говоря, не очень. Снова те же сны.

– Луанда?

– Луанда. Сан-Кристобаль. Хайберский перевал. Везде, где убивал я и где могли убить меня. Особенно часто почему-то снится одна девушка, анголка. Ее убили свои же, мятежники: считали, что она работает на гонконгцев. По-моему, у нее не осталось ни одной целой кости. И они вырезали ей глаза.

– Принимали лекарства, которые я прописала?

Я посмотрел на Оливию, размышляя, говорить ли правду. Затем решил, что если обманывать личного психотерапевта, то какой тогда вообще в нём толк.

– Нет, – наконец покачал я головой. – Я чувствую себя после них как зомби: передвигаюсь, словно с ватой в ушах, в голове туман. Это плохо сказывается на работе.

– Хорошо, я выпишу новый рецепт, – кивнула Оливия. – А какое чувство преобладает в ваших снах? Страх, тревога, может быть, апатия или беспричинное отчаяние?

– Скорее, тревога, – сказал я. – Мне все время кажется, что я куда-то опоздал и из-за этого могут пострадать люди. Близкие мне люди. Кажется, что я чего-то не успел. Что-то важное для меня. А когда почти уже понимаю, что именно, то просыпаюсь.

Задумчиво покивав, Оливия спросила.

– Вы подумали над вопросом, который я задала на прошлой неделе?

– Верю ли я в бога? Нет. В смысле, подумал и мой ответ – нет.

– Ваш ответ звучит весьма уверенно. Почему же вы не озвучили его в прошлый раз?

– Ну, вы же сказали, чтобы я подумал и ответил на следующем сеансе, – слабо улыбнулся я.

– Хорошо, – Оливия сделала пометку в блокноте. – То есть, вы отрицаете возможность посмертного существования? Вы это каким-то образом обосновываете для себя или просто верите?

– Знаете, – начал я, – отец мне в детстве рассказывал, что в Советском союзе – это страна, в которой я родился и провел детство – в удостоверении личности была так называемая «пятая графа», в которой указывалась национальность. В армии США, как потом оказалось, тоже существовала своя пятая графа, только она выбивалась на армейских жетонах и отмечалось в ней вероисповедание солдата. Никогда не мог понять, зачем рядом с личными данными и группой крови надо указывать, к какой

религии ты относишься. Разве что это полезно мусульманам: вы знаете, что Аллах велит хоронить их в день смерти до захода солнца? В армии я не раз задавался вопросом: если бы я назвался поклонником Одина, меня бы сожгли в погребальной ладье в случае смерти?

– И на вашем жетоне, наверное, значилось «атеист»? – предположила Оливия.

– Да.

– Это, конечно, интересно, но вы так и не ответили на мой вопрос.

– Я обосновываю это очень просто, – улыбнулся я. – В своей жизни я видел больше убитых, чем крупиц кофе в этой банке, – кивнул я на стоявшую в шкафу за спиной Оливии банку молотого «Kimbo Premium». – И никто из них мне с того света даже весточки не прислал. Хоть бы завалящий призрак – так нет же.

– Понятно, – наморщила она переносицу. – Но вы ведь участвовали в боях. Неужели вас никогда не посещало чувство, что вас способно спасти только обращение к какому-то высшему всесильному существу?

– Нет, – покачал я задумчиво головой. – Даже в Афганистане или Ираке, сидя в укрытии под перекрестным огнем – а знали бы вы, как противно завывают минометные снаряды – я чаще думал о том, что сегодня приготовила на ужин отцу мама, или какого размера прелести у раздатчицы из солдатской столовой. Когда после Луанды мне удалили селезенку и часть желудка, я думал не о каком-то абстрактном боге, а о мастерстве профессора Соболева, вырастившего новые из моих же клеток. Честно говоря, больше всего меня тогда интересовало не прощение грехов, а технология изготовления искусственных органов. А впоследствии я волновался из-за того, что, как оказалось, современная медицина не может обеспечить их стопроцентное приживление. Являюсь ли я рабом божьим – это еще вопрос, а вот рабом фармакологии, с тех пор – однозначно.

Оливия, поразмышляв, кивнула и задала новый вопрос.

– Скажите, я знаю, что в 2036-м вы, к сожалению, потеряли жену и двоих детей. Почему вы не женились повторно?

– Сложный вопрос, – пожал я плечами. – Скорее всего, не хотел, даже теоретически, еще раз пройти через то, что довелось испытать в тот год. Вероника и близнецы…они были моей жизнью. Наверно тогда от каких-нибудь крайностей меня спасла только работа. А когда я немного отошел, то решил, что лучшим выходом будет никогда и никого не пускать так глубоко в сердце. Так что с тех пор и до 2054-го я довольствовался ни к чему не обязывающими кратковременными связями.

Блеснуло ли во взгляде Оливии, когда она услышала год, когда я потерял интерес к противоположному полу – все-таки почтенные семьдесят четыре – уважение или мне только показалось? Впрочем, какое это имеет сейчас значение?

– А дети вне брака? – спросила она.

– Исключено, – я решительно рубанул рукой в воздухе.

– Тогда вы не могли не задумываться о том, для кого создали такую громадную компанию, я бы даже сказала – империю, – предположила Оливия.

– Задумывался, – нехотя ответил я и, не дожидаясь нового вопроса, продолжил. – Вообще-то, если между нами, я размышляю над вариантом создания собственного клона с последующим усыновлением и передачей компании по наследству.

– Вот как, – подняла та брови и даже ее раскосые глаза, казалось, сделались больше. – Но ведь клонирование человека, если я правильно помню…

– Запрещено десятком конвенций, – закончил я за нее. – Но вы ведь сами упомянули про империю. Я вам даже больше скажу, – вошел я во вкус, – я подумываю о включении в завещание пункта, обязывающего передавать все права на «*Military and tactical Resources Inc*» каждые пятьдесят лет новому клону. Тогда можно будет сказать, что я воистину обрел бессмертие и мои точные генетические копии будут продолжать благородное дело по уничтожению себе подобных. Я посчитал, что половины моего состояния должно хватить, чтобы доказать его действительность в любом суде. Как вам? – торжествующе посмотрел я на нее.

Та неопределенно пожала плечами, черкая в блокноте.

– Так что вы скажете? – спросил я. – В чем мои проблемы? Как мне избавиться от этих снов?

– В общем-то, Питер, – сказала Оливия после недолгого молчания, – ваша проблема, учитывая возраст, довольно банальна. – Она сделала паузу. – У вас – средней тяжести танатофобия. С этим вполне можно работать и я…

– Танатофобия – боязнь смерти? – уточнил я свои знания древнегреческого.

– Да.

– Помилуйте, – усмехнулся я. – Каждый знает, что рано или поздно умрет. И я – не исключение. Но чего тут бояться?

– Именно так вы и думаете в обычном состоянии, – удовлетворенно кивнула Оливия. – Когда бодрствуете. А во время сна ваш подспудный страх освобождается: отсюда и та самая неясная тревога, боязнь куда-то не успеть и страх за близких вам людей. Вы только не волнуйтесь. В вашем возрасте – это вполне распространенное явление. Восемьдесят семь лет – даже в наше

время не шутка.

– Да половине моих соседей по «Forbes» за восемьдесят, – сказал я. – У каждого – собственные клиники, лучшие специалисты. С нашими возможностями, таким, как мы – ещё пыхтеть и пыхтеть на этом свете. У меня все внутренние органы после замены – как у молодого: главное, блокираторы отторжения тканей вовремя принимать – и живи себе, радуйся.

– Питер, – сочувственно, вроде бы, вздохнула Оливия. – Если бы вы знали, сколько из этого списка посещают психотерапевтов с такими же проблемами – вы бы сильно удивились. Миллиардное состояние – это не таблетка от смерти, к счастью ли или к несчастью. Вы можете сколько угодно убеждать себя и меня, что вам неведом страх перед смертью, но пока вы не признаете, прежде всего, перед самим собой, наличие проблемы, вы так и будете страдать от бессонницы или видеть сны, которые мы с вами обсуждали в прошлый раз. И моя задача – помочь вам в этом. Поэтому…

Я вдруг выпал из разговора, размышляя над тем, что увидел в ее приемной, автоматически отвечая на вопросы и кивая в нужных местах.

– Мистер Рыкоф, сосредоточьтесь, пожалуйста, – обратила та, наконец, внимание на мой отстраненный вид.

– Оливия, а как вы относитесь к теориям о генетическом пределе? – неожиданно вырвался у меня вопрос.

– Хм, – она внимательнее присмотрелась ко мне. – Интересный у вас ход мысли. Я, конечно, знаю, что эта теория сейчас довольно популярна и многие частные центры заявляют, что могут спрогнозировать предел жизни отдельно взятого человека. Но я бы, честно говоря, запретила такие тесты специальным законом.

– Почему?

– По-моему, это очевидно, – сердито поджала она губы. – Вне зависимости от реальности этого метода, если вы верите в него – вы просто программируете себя на определенную дату смерти, указанную в тесте. Так что таймер включает не какой-то там ген, а ваш собственный мозг. Это очень опасная вещь, Питер, так что советую вам держаться от этого подальше.

– Понятно, – кивнул я и посмотрел на часы на ее столе. – Мое время, насколько я понимаю, истекло?

– Да, – кивнула она. – Итак, резюмируя сегодняшнюю встречу: я рада, что мы выявили вашу проблему, хоть вы еще, судя по всему, не готовы признать ее существование. Я бы хотела, чтобы до следующего сеанса вы посмотрели эти голофильмы, – подала она мне листок с десятком строчек. Мне бросилось в глаза

одно из названий: «Старикам здесь не место». – Сегодня к вечеру я пришлю вам на почту новый рецепт.

– Всего доброго, – я встал из глубокого кресла, пожал ее узкую чуть прохладную ладонь и откланялся.

Выйдя из кабинета в приемную, где сидела секретарь, я подошел к небольшому столику, стоявшему возле дивана для посетителей. На столешнице лежала перемешанная стопка цифровых листов. Именно их я просматривал полтора часа назад, в ожидании застрявшей в пробках Оливии. Потащив за краешек, я вытащил один из листов, «Петербургские вести», убедился, что это тот самый, привлекший мое внимание, свернул в трубочку и, проигнорировав удивленный вопрос помощницы Оливии, вышел из кабинета к ожидавшему Анджею.

4

– Куда? – обернулся ко мне Анджей, когда мы упаковали свои тела в просторный «Руссо-Балт Люкс».

– В офис.

Я активировал интелфон, отключенный на время визита к Оливии, и он сразу завибрировал, отмечая пропущенные вызовы. Больше половины было от Донны. Я набрал номер.

– Ну, что там? Я же говорил, что буду без связи два часа.

– Я знаю, – хладнокровно ответила Донна. Она была со мной больше двадцати лет, так что давно научилась пропускать недовольство мимо ушей. – Но с вами пытался связаться Бенджамин Уоршоу: он сейчас в городе и хотел лично обсудить какие-то вопросы.

– Хмм. – Уоршоу был правой рукой Романа Корнева, а тот, в свою очередь, возглавлял совет директоров компании, заправлявшей десятком подводных добывающих платформ на шельфе моря Лаптевых. Вместе с инфраструктурой компании в Тикси, куда перекачивались добытые углеводороды, это составляло лакомый кусок для любой частной охранной структуры.

– Ладно, свяжись с Уоршоу и скажи, что я готов с ним пообедать, скажем, через полтора часа. Закажи столик в «Золотой Орде» и напомни через час. И еще: скажи Надзаро, что он мне минут через сорок понадобится. Отбой.

Отключившись, я достал цифролист, развернул. Если Оливия действительно заботится о том, чтобы ее клиенты не задумывались о разных вредных, с ее точки зрения, теориях, то ей надо лучше следить за тем, что секретарь оставляет на столе для развлечения посетителей. Впрочем, к главному титулу – «*Ужасный скандал в английском королевском семействе: сын наследника престола – чернокожий*» – занимающему треть листа, претензий быть не могло, а заинтересовавшая меня надпись приютилась где-то в подвале, так что немудрено, что девица могла ее пропустить. А скорее всего, ей было просто наплевать.

«*Генетический предел: богатые тоже плачут*», гласил скромный заголовок в рубрике «Интересно о науке». Я ткнул в надпись и на большую часть листа развернулась статья, которую я мельком пробежал в приемной Оливии.

«*Каждый из вас, читатель,* – писал некий Изяслав Клецкин, – *конечно же, не раз встречался с рекламой услуг клиник по замене органов. Еще бы: новое слово в медицине – поизносилась печень или забарахлило сердце? Просто смени их на выращенные из твоих же*

клеток и живи, как говорится, до сто двадцать лет. Ведущий специалист московского центра «Возрождение плюс», профессор Игорь Дравинцев в специальном комментарии для «Петербургских вестей» высказал мнение, что после решения проблемы отторжения замененных органов, возможно говорить о том, что на жизненный цикл человека будет влиять лишь физическое состояние его мозга. На вопрос нашего издания, может ли идти речь о практическом бессмертии, он ответил: «пожалуй, именно это нам всем и предстоит узнать».

Однако любому, кто интересовался услугами подобных клиник, известно, что средняя стоимость одной операции по замене, к примеру, легкого или селезенки, по карману лишь весьма состоятельным людям, или обладателям страховок класса «бриллиант». Пользуясь случаем, наш долг – напомнить читателям, что Страховая компания «Петербургский Щ.И.Т.» предлагает страховые полисы по самым низким ценам в рассрочку.

И что же, спросит взволнованный, а возможно, и разгневанный, читатель: теперь сладко жрущие и мягко спящие богатеи будут жить вечно? Но не все так просто, как выяснили специально для вас «Петербургские вести».

Все больший вес в научном мире набирает теория о генетическом пределе биологического организма. Ее адепты, среди которых, к примеру, один из ведущих академиков РАН, Г.С. Васильев, считают, что старение любого организма на нашей планете, в том числе и человека, изначально заложено в его геноме. В продолжении всей жизни организма, как следует из этой теории, в геноме накапливаются ошибки, до тех пор, пока в один прекрасный или, скорее, ужасный, день жизненно важные для него гены постепенно начинают отключаться. Такими генами, по мнению Васильева Г.С., могут быть те, что регулируют энергетический обмен на клеточно-молекулярном уровне и отвечают за обновление клеточного материала. При этом, как он считает, более других на пути обоснования этой теории продвинулся известный японский биохимик Мацумото Окадо, удостоенный в 2045-м году Нобелевской премии сразу в двух направлениях – химии и физиологии, и медицины, за исследования в области старения генов. Напомню читателям, что это тот самый ученый, который десять лет назад объявил о разработке нового метода омоложения организма, подвергнутого обструкции научным миром.

Медицинский центр Окадо уже почти двадцать лет проводит генетические анализы для всех желающих узнать свой естественный предел. И, насколько известно нашему изданию, еще никто не пережил срок, указанный в результатах теста. Как

говорится, доводы Окадо оправдывает само время.

Итак, если эта теория верна, то радуйся, среднестатистический читатель: никакие деньги мира не спасут современных Крезов и Шейлоков от встречи с высшими силами и от адских котлов за прегрешения в земной жизни. А это значит, что еще не все в этом мире можно купить за деньги. Этой оптимистической новостью вас сегодня удивлял и огорошивал всегда ваш – Изя Клецкин.»

Я ткнул в уголок листа и статья снова скукожилась до заголовка. В задумчивости поводил пальцем по поверхности и вдруг от неожиданности сначала вздрогнул, а потом раздражённо выругался сквозь зубы: взгляд упал на ещё одну колонку, озаглавленную «*Elysium Space» предлагает места на марсианских кладбищах*».

Я откинулся на кожаную спинку сиденья и начал считать до ста, успокаивая зашедшее в испуге сердце. Оливия даже не подозревала, насколько права, называя мне диагноз: страх смерти. Только проблема была совсем не в том, что я не хотел этого признать. Дело, как раз, было в том, что я осознавал его чересчур ярко. Все началось примерно месяц назад, когда мне впервые за последние сорок лет приснилась Луанда и я проснулся в холодном поту с колотящимся сердцем. И с четкой мыслью, оставившей странное послевкусие: я не хочу умирать! Я не принимаю аксиому, что я – смертен.

Не то, чтобы я не знал или не думал об этом раньше. Но, как и все, держал это знание где-то на периферии сознания, как пьяница, знающий, что у него в подкладке пиджака зашита мелкая купюра на крайний случай. В молодости к этому добавлялось то, что я слишком часто встречался лицом к лицу с курносой, воспринимая тогда смерть скорее игрой в русскую рулетку, чем неотвратимостью.

Но почему-то настоящий страх пришел ко мне только сейчас. Возможно, это было связано с Донной? Ей всего сорок пять, двадцать из которых она провела возле меня. Наверно, после Вероники она была самой близкой женщиной в моей жизни. Два года назад у нее в мозгу нашли какую-то редкую разновидность опухоли. Естественно, я сделал все, что в моих силах: самые дорогие клиники, лучшие нейрохирурги, цена не имела значения. Опухоль вырезали и все забылось как страшный сон, но через полгода она объявилась снова и все завертелось по новому кругу. И снова, вроде бы, все чисто, и вновь рецидив через три месяца. За два года врачи шесть раз выжигали кусочки ее мозга и с каждым разом все ближе вероятность того, что после очередной операции она превратится в овощ, когда беспощадный луч

медицинского лазера сожжет очередную порцию нейронов.

Как бы там ни было, с того дня практически каждую ночь мне снились страницы моей жизни, связанные со смертью и, смотря правда в глаза, приходилось признать, что в этом фолианте чересчур много листов. В конце концов я обратился к Дитмару, главному врачу кельнского медицинского центра компании. Без подробностей, просто сказал, что мне нужна консультация психотерапевта. И он посоветовал Оливию Вэй – наглядное опровержение киплинговских строчек: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». Ее отцом был француз, а мать – китаянка из Шанхая. Союз двух цивилизаций принес отличный плод – восточная утонченность лишь подчеркивала французский шарм.

Целью походов к Оливии было вовсе не желание получить ответ о подоплеке моих снов. Я хотел, сам не знаю почему, чтобы о моих страхах мне сказал чужой человек, профессиональный поверенный чужих тайн. Самому признаться в этом мне мешал непонятный стыд. Я дважды начинал разговор с Дитмаром, намереваясь поделиться своими проблемами, но оба раза так и не смог решиться.

Сегодня, когда я услышал от Оливии собственный диагноз, вроде бы даже стало легче дышать. Остается лишь дождаться ночи, чтобы узнать, принесет ли это также облегчение в мою ночную жизнь.

5

– Приехали, – вырвал меня из раздумий голос Анджея.

Я вышел из машины и зашагал к зданию, мельком глянув на полуметровые буквы названия на фасаде: «*Military and tactical Resources Inc.*». Никакой краски: голый титано-вольфрам. За те десять лет, что они тут висят, даже царапинки не заимели.

Зайдя в вестибюль и кивнув охранникам, в сопровождении Анджея я зашел в личный лифт и через полторы минуты уже выходил в своем офисе. Кивком отпустив телохранителя, я подошел к огромному, во всю стену, окну, за которым расстилалась гладь Финского залива. Со стометровой высоты открывался великолепный вид на море, особенно во время ненастья.

Я прижался лбом к холодному стеклу и пару минут просто стоял, ничего не делая и стараясь ни о чем не думать, отдаваясь на волю мысленного созерцания собственного «Я». Это, конечно, не было каким-нибудь дзен-буддизмом, но все же помогало расслабиться в перерывах напряженного дня. Я вернулся за стол, из-за которого поднялся каких-то три часа назад, сел в кресло. Активировал селектор.

– Да, – откликнулась Донна.

– Что там Надзаро?

– Обещал через пять минут быть.

– Хорошо. Соедини с Дитмаром.

Секунд через двадцать голотарелка перед столом тихо загудела и выбросила пучок лазерных лучей. Воздух над ней загустел призрачным облаком.

– Привет, Дитмар, – сказал я, адресуясь проявившейся в воздухе голове. – Не отвлекаю?

– Как может отвлекать главного врача центра его владелец? – улыбнулся он. Я до сих пор не мог привыкнуть к тому, как улыбка меняет его узкое суровое лицо викинга, смягчая и разглаживая морщины, которые он принципиально не желал сводить медицинскими методами. – Я тебя слушаю, Питер.

– Да вот, хотел узнать, как ты относишься к теории о генетическом пределе организма. – Я поудобнее устроился в кресле и налил в стакан клюквенного морса.

– Хмм. – Дитмар присмотрелся ко мне, как будто пытаясь обнаружить какой-то, один ему известный знак, на моем лице. – Интересный вопрос. И неожиданный. Можно спросить, с чем связан такой интерес?

– Просто прочитал статью, – пожал я плечами, – появились

вопросы. Насколько она верна, по-твоему?

– Трудно сказать, – теперь уже он повторил мой жест. – На мой взгляд, твердых доказательств этой теории до сих пор нет. Те исследования, что есть, выглядят солидно, но проверить их истинность не представляется возможным. Разве что со временем, когда накопится достаточный статистический материал…

– Ты имеешь в виду результаты генетических анализов? Умирают ли люди в предсказанное им время?

– В том числе и это, – кивнул тот. – Хотя существует мнение, и я его, по чести разделяю, что эти результаты могут играть роль своеобразного плацебо, только с обратным знаком: такие тесты обычно заказывают люди, уже верящие в эту теорию, а следовательно, узнав результат, также могут уверовать в его истинность и убедить себя, что им надо умереть в определенный отрезок времени. – Дитмар потянулся куда-то вбок и вытащил из воздуха сигарету. – Некая разновидность НЛП[8], в общем. – Так, может, теперь ответишь, с какой целью интересуешься. Я бы крайне не рекомендовал…

– А что скажешь о Мацумото Окадо? – перебил я его. – Ведь он за исследования в этой области получил Нобелевскую премию, так?

– Мацумото, – протянул Дитмар. – Ох и вопросы у тебя сегодня. Ну, получил. И что? Он же за исследование получил, а не за доказательство. Он многое осветил, конечно, но…

– А что ты сам о нем думаешь? – я отпил морса.

– Кто-то считает его гением, – почесал он переносицу, – кто-то – шарлатаном и прожектером.

– А ты?

– Я, скорее, поставил бы на первое, – после недолгих раздумий ответил тот и вопросительно посмотрел на меня, безмолвно требуя объяснений.

– Ладно. – Я оперся локтями на стол. – Ты хотел знать, зачем я все это спрашиваю? Изволь. Я хочу, чтобы ты заказал в центре Окадо анонимный анализ моей генной карты для определения генетического предела.

– Что?! – лицо Дитмара перекосилось. – Питер, не сходи с ума. Тебе восемьдесят семь, ты понимаешь, что…

– Дитмар, придержи коней, – поднял я руку. – Ты за кого меня принимаешь? За какого-нибудь фаталиста, желающего покориться Року? Я никогда ничего не делаю просто так, пора бы уже запомнить.

– Ну, хорошо, – смирился тот. – Как там у вас говорят? Вольному – воля? Я займусь.

– Вот и отлично. Как только получишь результаты, сразу

переброс мне. Как там Донна? Боюсь уже её спрашивать.

– Пока без изменений, – он досадливо передернул щекой. – Ждем очередного рецидива. Крайний срок – неделя. Будем надеяться, что на этот раз обойдется.

– Спасибо. Не буду больше задерживать. Отбой.

Я отключил голотарелку, включил селектор.

– Донна, что Надзаро?

– Ждет.

– Пусть зайдет.

Дверь открылась, пропуская Марко Надзаро, главу аналитического управления корпорации. Из моего ближнего круга он был самый молодой: всего сорок лет, последние девять из которых работал на «MTR Inc». Типичный итальянец – смуглый брюнет с волоокими черными глазами, сразившими немало дам. Быстрая торопящаяся походка, при разговоре вечно жестикулирует, рубя ладонями точки и восклицательные знаки. Густая шевелюра усыпана колечками жестких, как проволока, волос, будто после завивки.

– Добрый день, Питер.

– Привет, Марко. Выпьешь? – я пододвинул ему стакан и графин с морсом.

– Воздержусь. – Он сел в кресло, закинул нога на ногу, вопросительно взглянул.

– Как Джанин? – спросил я. – Как дети?

– Питер, когда вы задавали мне подобный вопрос в этом офисе в последний раз, – усмехнулся тот, – все закончилось поиском шпиона в нашем отделе перспективных разработок. Почему бы сразу не перейти к делу?

– Что ж, можно и перейти. Держи, – я положил на стол «Петербургские вести», ткнул в интересующий меня заголовок и щелчком отправил лист через столешницу в сторону Марко. Тот, ловко подхватив его, зафиксировал открытую статью.

– Там упоминается некий Мацумото Окадо, – кивнул я на лист. – Японец. Я хочу, чтобы ты собрал на него максимальное досье. Акцент – на всем, связанном с его научными изысканиями. Заниматься будешь один, все данные – на бумажных носителях. Уровень допуска – три А.

Марко, просматривая статью, неопределенно хмыкнул, услышав, что делиться полученной информацией он вправе исключительно со мной одним.

– Значит, генетический предел и метод омоложения, – посмотрел он на меня исподлобья. – Для того, чтобы выхватить суть предстоящего задания, ему понадобилось меньше минуты. Именно за это я его и ценил. – Сроки?

– Предварительный доклад жду через неделю. Потом, возможно, уточню направления, по которым рыть дальше. Вопросы?

– По сути задачи – нет, – пожал тот плечами, что означало, что вопросы иного характера его явно одолевают.

– Вот и хорошо. Тогда более не задерживаю.

Дождавшись, пока Надзаро выйдет из офиса, я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и помассировал веки, размышляя над только что состоявшимися разговорами. Уверенность, что я всё делаю правильно, не покидала меня всё время, пока я говорил с Дитмаром и Марко. Но стоило остаться одному, как внутри поднялась волна сомнений, в попытке всё переиграть и оставить как есть. «Танатофобия, – шептал один из внутренних «я». – Это всего лишь страх смерти вынуждает тебя бросаться из крайности в крайность. Но от судьбы ведь не уйдешь, Питер. Так зачем же ты хочешь узнать отмеренный тебе срок? Неужели ты нашел алмаз в навозной куче, которую из себя представляет этот «желтый» листок?»

Наконец, преодолев внутреннее искушение, я открыл глаза и вызвал Донну.

– Скажи Анджею, пусть готовят машину: я еду на встречу с Уоршоу.

6

– Так что пока мы уперлись в соглашение о неразглашении. Без него юристы «Церебрума» исключают какие-либо переговоры.

Я задумчиво подергал мочку уха, рассматривая несколько листов, врученных мне Харви.

– И что, у них нет даже просто деловых предложений? Никакого намека на метод?

– Абсолютно, – покачал тот головой. – Только цена: сто миллиардов.

– Ладно. – Я встал и прошелся по кабинету к стеклянной стене. – И почему бы нам не подписать соглашение? Для судебного спора, если вдруг что, оно все равно роли не играет, а за пределами суда мне и самому не с руки с кем-либо это обсуждать.

– У меня и самого бы не было возражений, – пожал тот плечами, – но напрягает, что начальником юридической службы у них – Алекс Таннер.

– Таннер? – я остановился возле кресла, в голове завертелись колесики. Фамилия звучало знакомо. Таннер, Таннер…

– Постой, – я посмотрел на Харви. – Это не сын ли Трэвиса Таннера?

– Точно, – кивнул он. – Он самый и есть.

– Хм. – Я вернулся в кресло, задумался. «Ross, Litt Specter» представляли интересы «MTR Inc» с первого дня создания компании, и фамилия Росс в то время означала Майкла, отца Харви. Трэвис Таннер был одним из его злейших врагов, попортив немало крови и ему, и мне. Именно он представлял интересы истцов в Международном уголовном суде Гааги после ангольской истории.

– А мы не можем переговорить напрямую с Мацумото? – спросил я.

– Нет. Вот, – Харви подвинул мне еще один листок. – Пресс-релиз «Церебрума», информирующий, что Окадо официально отошел от дел в связи с подготовкой к собственной операции. Сейчас там вместо него заправляет некий Акихиро Накадзава, но без отмашки Таннера он к нам и на пушечный выстрел не подойдет.

– Ясно. – Раздумывая над ситуацией, я машинально переворачивал страницы досье, собранного Надзаро. Передо мной медленно перелистывалась выжимка из жизни Мацумото Окадо.

В 2000-м году талантливый японец окончил медицинский факультет Университета Осаки, чтобы следующие двадцать лет

провести в лабораториях «Takeda Pharmaceutical Company Ltd». Затем, удачно женившись, открыл на деньги тестя собственный медицинский центр, занимающийся продвижением новой фармацевтики, основанной на применении модифицированных генов, а также исследованиями в области молекулярной биологии и биохимии.

В 2045-м получает уже упомянутую Нобелевскую премию, а его центр начинает на платной основе делать генетические тесты всем желающим узнать дату своей «естественной» смерти. Три годя спустя, в возрасте семидесяти лет, создает новую компанию, в форме закрытого акционерного общества, под названием «Церебрум». Полный состав акционеров неизвестен, но по неподтвержденным данным среди них есть такие гиганты, как швейцарская «Novartis», французская «Sanofi» и китайская «Artificial intelligence system».

В 2056-м пресс-служба «Церебрума» распространила информацию о создании Мацумото методики продления человеческой жизни, однако каких-либо подробностей в пресс-релизе не раскрыла, приводя лишь предполагаемую стоимость операции – около ста миллиардов долларов. В поисках деталей Марко потратил баснословную по любым меркам сумму, но на выходе получил лишь смесь домыслов, сплетен и слухов, в которых, в разных пропорциях, упоминались доктор Эйнард Шварцкопф, мировое светило в области клонирования, и Алекс Чен, самый молодой профессор MIT[9], специализирующийся в сфере систем искусственного интеллекта. К этому можно было лишь добавить тот факт, что Япония была одним из пяти государств, на территории которых разрешены эксперименты по клонированию организмов, исключая человеческие. Впрочем, секретность, непроницаемой завесой окружающая проект Мацумото, сама по себе подтверждала уровень серьезности его притязаний на открытие.

Несмотря на обструкцию Окадо, устроенную мировой научной общественностью, японец так и не раскрыл в публичных источниках деталей разработанного метода, однако в 2058-м было объявлено о подписании контракта между «Церебрумом» и Робертом Марсом, восьмидесятилетним владельцем продуктовой «Mars incorporated», капитализация которой оценивалась около ста двадцати миллиардов. Дети и внуки Марса пытались оспорить контракт в судебном порядке, заявляя о недееспособности магната, но после трехлетней тяжбы иск был отклонен и старый миллиардер стал первым пациентом Окадо.

Дальнейшая судьба Марса каждый год обрастала новыми слухами и сплетнями, но непреложными были лишь два факта:

после приезда старика в медицинский комплекс «Церебрума», расположенный в Токио, его никто не видел; через год после исчезновения душеприказчики Марса из юридической фирмы «Dewey LeBoeuf» подтвердили, не разглашая подробностей, что их клиент удовлетворен предоставленными услугами и в настоящее время проходит ряд процедур, связанных с «полным обновлением клеточного материла», как туманно выразился один из старших партнеров конторы.

На момент, когда Марко начал собирать досье на Окадо, контракты с «Церебрумом» уже подписали семь человек, все, естественно, из верхушки «Forbes», поскольку, судя по всему, Мацумото строго придерживался указанной в пресс-релизе цены в сто миллиардов. Также было объявлено, что в 2069-м году ученый, которому исполнится к тому времени девяносто один год, сам подвергнется операции по собственному методу.

– Кстати, ты разговаривал с адвокатами Марса, как я просил? – вспомнил я свою просьбу.

– Да, пообедал с Джоном Дьюи. Он мало что мог сказать и я его понимаю: наверняка они подписали такое же соглашение. Но уверяет, что у него есть связь с Марсом и что условия контракта со стороны «Церебрума» выполняются.

– Ладно, – принял я решение, закрывая тощую папку. В самом низу лежал непритязательного вида листок – результаты теста, заказанного Дитмаром. Сухие строчки бесстрастно свидетельствовали, что генетическим пределом неизвестного анонима, биологический материал которого подвергся анализу, является 2076-й год, с погрешностью до трех лет в ту или иную сторону. Выходило, что если я до этого времени не попаду под машину или не упьюсь насмерть, через шесть лет над моей головой нависнет со своими ножницами Атропос[10], в ожидании отмашки Лахесис[11].

– Подписываем соглашение, а если Таннер что-нибудь выкинет – закопаем его, как когда-то папашу. Просто хорошенько следи за ним.

– Хорошо, с этим разобрались, – кивнул Харви. – Но хотел бы уточнить одну вещь. Питер, я понимаю, что это не мое дело, но потянешь ли ты такую сумму? Я не аудитор, но…

– Ценю твою заботу, но я уже разговаривал с Клаусом, – прервал я его. – Нам пришлось пару дней попотеть за расчетами, но сейчас я уверен, что за пять-шесть лет смогу аккумулировать необходимые средства. Конечно, придется ужаться, урезать расходы, кое-что заложить, но главное – компания сможет работать и после оплаты контракта. Главное, что мы сможем использовать золото из центр…

– Стоп, стоп, – поднял Харви руки. – Питер, я же тебе уже говорил: никаких подробностей этого дела при мне. Если хочешь, конечно, чтобы я оставался твоим адвокатом, если возникнут проблемы.

– Извини, – согласился я. – Но, все же, восемь лет уже прошло. Ладно, по поводу оплаты, кстати, у тебя будет свой кусок работы. Мне нужно полтора десятка новых трастовых фондов: я буду постепенно заводить на них деньги. Оттуда будем переводить в «Церебрум». Не хочу, чтобы журналюги пронюхали что-нибудь раньше времени.

– Не проблема, – Харви встал из кресла. – Тогда, как только их юристы проверят бумаги, я договариваюсь о встрече с Накадзавой.

– За работу.

7

– Даю обратный отсчет. Три, два, один. Есть обнуление.

– Йеххуу! – Я расстегнул ремень безопасности и с восторженным кличем взмыл в воздух. Когда в разговоре со знакомыми магнатами упоминался мой «Skylon»[12], я всем рассказывал, что приобрел его исключительно для оперативного передвижения между земными полушариями. Конечно, это было недалеко от истины: когда за два часа можешь добраться из Петербурга в Пекин – это дорогого стоит. Но где-то в глубине души я всегда знал, что главное – это возможность в каждом рейсе испытать чувство невесомости.

Добравшись до линии Кармана[13], двигатели ракетоплана отключали на семь минут и он, увлекаемый законами Ньютона, устремлялся в свободное падение, скользя по стратосфере, как сёрфер по гребню океанской волны. Я парил посередине салона, словно в бассейне, ныряя то вверх, то вниз, или просто раскинув руки, наслаждаясь отсутствием давящего на тело атмосферного столба. Из своего кресла на меня неодобрительно смотрел Анджей. Невесомость он переносил плохо, так что всегда оставался под защитой ремня безопасности.

Я подплыл к иллюминатору, всмотрелся сквозь толстое стекло. На земле сейчас был почти полдень и звездный купол скрывался за пронзительной синевой неба. Я же наслаждался угольно-черным космическим пространством, видя одновременно Солнце, Луну и остро-яркие холодные брызги звезд. Привычные созвездия время от времени перечеркивались искрящимися полосками метеоров.

Но больше звезд меня привлекали россыпи отблескивающих в солнечных лучах точек, не застывших на месте, а двигающиеся по своим траекториям. Сотни спутников связи, исследовательских платформ и станций придавали ночному небу, словно расцвеченному остатками экзотичного фейерверка, праздничный вид. Где-то там среди них плыл по своей орбите «1961-й», космический отель со стоимостью проживания около пяти миллионов в сутки. Я дважды брал на него недельные туры. В отличии от двух других станций с теми же туристическими функциями, один из модулей «1961-го» вращался, обеспечивая искусственную гравитацию, равную двум третям земной. К сожалению, постоянному проживанию в отеле, кроме цены, препятствовали размеры модуля: при общей вместимости станции около ста человек, в нем могло разместиться всего десять. Так что там, в основном, проводил время обслуживающий

персонал, пытаясь обойтись без возвращения на Землю.

Но в происхождении большого светового пятна сомнений не было. Мне оно виделось размером с футбольный мяч, но на самом деле его площадь равнялась нескольким тысячам квадратных километров. Первая геостационарная электростанция, составленная из сотен тысяч панелей солнечных батарей, работала всего три года, но уже перегнала по объему выработанной электроэнергии все углеводородные электростанции Федерации вместе взятые, закрывая потребности всей Сибири и Дальнего Востока, включая алюминиевые и глиноземные комбинаты. Последний год в Государственной Думе все чаще звучали предложения о прекращении работы гидроэлектростанций на Енисее и Ангаре и возвращению к руслам рек, какими они были в начале прошлого века.

Солнечные батареи питали распределенные по их поверхности инфракрасные твердотельные лазеры, от которых энергия, по волоконным светодиодам, накапливалась в центральной оптической системе. Затем собранная энергия импульсными лазерными пучками передавалась вниз, к приемным станциям, разбросанным по всему Зауралью.

В данном случае, мой интерес к станции был совсем не бескорыстным, поскольку я вложил в акции «Космических энергосистем», собственника электростанции, больше пятисот миллионов, превратившиеся с того времени в полновесный миллиард.

– Даю минутный отсчет до включения, – оторвал меня от созерцания звездного неба голос пилота.

С легким, как обычно, разочарованием, я спланировал в кресло и пристегнулся. Приглушенно взвыли двигатели и меня привычно вжало в кресло. Я глянул на часы: до Токио – почти сорок минут. Внутри заурчал желудок, но не болезненно, так что от приема лекарств я воздержался.

Сегодня я, наконец, узнаю, в чем состоит метод Окадо по омоложению, который он оценивает в космические сто миллиардов. После подписания соглашения о неразглашении еще почти три месяца прошли в различных согласованиях и уточнениях. К моему удивлению хлопоты, связанные с заключением контракта с «Церебрумом», благотворно повлияли на сон. С того дня, когда я прочитал статью в «Петербургских вестях», мне лишь дважды приснилась Луанда и мангровые заросли у побережья Сьерра-Леоне, где на меня охотились людоеды из Общества Леопарда[14]. Так что я даже прекратил посещения Оливии, отговорившись занятостью делами компании.

Размышляя о возможных нюансах метода Окадо я не заметил,

как задремал, разбуженный Анджеем уже в аэропорту Ханэда, где нас встречали сотрудники пекинского филиала. В Японии у «MTR Inc» своего представительства не было – все проблемы ее безопасности решались Пентагоном. Уже через двадцать минут кортеж из пяти «гранд-тесла» тронулся в путь. В Токио я был всего несколько раз, но особого желания рассматривать город через автомобильное окно не ощутил, сосредоточившись на готовящейся сделке с правительством Намибии. От бумаг меня отвлек голос Анджея:

– Приехали.

Я выбрался из машины и осмотрелся. Теоретически мы находились в пригороде Токио, но при плотности современной застройки трудно было определить границу города. Метрах в пятиста позади возвышались стандартные высотки, а перед нами раскинулся обширный парк, окруженный пятиметровой оградой. На первый взгляд, она не выглядела непреодолимой, но наверняка защищалась по высшим стандартам, исключая возможность проникновения постороннего. В сопровождении Анджея и двоих его людей мы подошли к воротам, рядом с которыми размещался пропускной пункт.

– Кто из вас Питер Рыкоф? – встретил нас рослый парень с униформе с шевронами службы безопасности «Церебрума».

– Я, – выступил я вперед.

– Вы можете пройти. А вам, парни, придется обождать, – загородил он дорогу Анджею, вознамерившемуся последовать за мной.

– Лучше бы тебе отойти с дороги, – голос Анджея был тих и бесцветен, но охранник, видно, уловив в нем угрозу, сделал шаг назад и положил руку на бедро, где из кобуры выглядывала рукоять комбинированной «Беретты».

– Спокойнее, мистер. Я всего лишь выполняю свою работу, – примирительно сказал он. – У меня записан только один посетитель – Питер Рыкоф. Настаиваете на своем? Связывайтесь с начальством.

Из пункта пропуска вышли еще двое, с любопытством прислушиваясь к разговору.

– Оставь, Анджей, – вмешался я. – Подожди с ребятами в машинах. – Тот, кинув последний взгляд на оппонента, молча отошел назад.

– Прошу вас, господин Рыкоф, – охранник посторонился и я прошел в здание.

Отпечатки пальцев и глазные сканы были переданы в службу безопасности «Церебрума» еще неделю назад, так что уже через пару минут я вышел по ту сторону ограды. Еще один охранник

пригласил меня в небольшой электрокар и мы двинулись в глубину парка по прихотливо вившейся между деревьев дороге.

По японским меркам парк занимал гигантское пространство – не меньше двух десятков гектаров. То тут, то там сквозь стволы деревьев и кустарник мелькали стены зданий. Минут через десять езды охранник высадил меня около семиэтажного здания, но не уехал, видно, намереваясь доставить меня после разговора с руководством корпорации обратно к воротам.

Возле входа уже ожидала симпатичная японка, с поклоном сообщившая, что готова проводить меня к Накадзаве-сан. Следуя за ней, я вошел в лифт, высадивший нас на пятом этаже. Интересно, что за все недолгое время пребывания на территории комплекса, я не встретил никого из сотрудников «Церебрума». Видно, давала о себе знать легендарная японская дисциплина. Девушка довела меня до одной из дверей и, с очередным поклоном, распахнула ее, приглашая войти.

8

– Доброго дня, Рыкоф-сан, – из-за причудливо изогнутого стола встал энергичный смуглый мужчина, удивительно высокий для японца. Видно, такой рост его стеснял, отчего он сутулился. До этого я видел ученого лишь на цифрографиях в собранном Марко досье. Лицо с живыми черными глазами, разбегавшейся от уголков глаз сеточкой морщин, излучало спокойствие и доброжелательность. Впрочем, у японца под этой маской могло скрываться все, что угодно.

– Доброго, Накадзава-сан, – отозвался я, постаравшись зеркально отобразить его приветственный поклон.

– Я рад, что наши юристы наконец-то утрясли все детали и готов подробно ответить на все волнующие вас вопросы относительно метода Окадо-сэнсэя[15]. Чай? Кофе? – Акихиро приглашающе указал на кресло и направился обратно к своему.

– Благодарю. Предпочту сразу перейти к делу. – Я уселся в кресло и взглянул на японца. Если тот и был уязвлен столь быстрым переходом к сути, что в Японии было серьезным нарушением делового этикета, то ничем этого не показал. Для клиента, да еще гайдзина, от решения которого зависело пополнение счета компании на сто миллиардов, можно было сделать изрядную скидку. Так что ученый лишь улыбнулся, показывая, что ждет вопросов.

– Я бы предложил изложить мне все этапы вашего метода, – сказал я, – а если у меня по ходу ознакомления возникнут вопросы, я их задам.

– Что ж, – японец пожал плечами, несколько секунд подумал, по-видимому, конструируя в уме схему пояснений, затем взял со стола лазерный стилус и сказал:

– Смотрите.

Красная линия потянулась к дальней стене, возле которой, как я только что разглядел, стояла тарелка головидения. Аппарат негромко загудел и через несколько секунд в метре над ним развернулось объемное изображение помещения, заставленного различным оборудованием.

– Итак, – начал Накадзима, – первая стадия операции предусматривает перенос вашего сознания на цифровой носитель.

– Что, простите? – я подумал, что ослышался.

– Любая, отдельно взятая часть метода сэнсея, сама по себе представляет настоящий прорыв в той или иной области науки, – с явным оттенком самодовольства улыбнулся японец. – Да, вы не ослышались. Ему удалось решить проблему, которая до

настоящего времени считалась реализуемой лишь теоретически – снятие всей накопленной нейронами человеческого мозга информации, от появления зародыша до последней минуты существования, и последующий перенос на цифровой носитель.

Я сидел, глядя на Акихиро и с трудом осознавая, о чем именно идет речь. Представить себя отделенным от тела, каким-то информационным сгустком, существующем непонятно где и непонятно как… Простым набором неких символов. Словно сквозь вату доносились восторженные возгласы ученого:

– …это потрясающе. Около тысячи йоттабайт информации[16]. Это поистине настоящая Вселенная…

Я попытался представить, что сотни и тысячи лет буду представлять собой лишь громадный набор цифр, что там у них, двоичный код вроде, но получил лишь головную боль: мое внутреннее «я» не хотело или не было в состоянии осознать столь дикую, хоть на первый взгляд, хоть на второй, возможность. Хотя…

– Постойте, – перебил я его излияния. – В ходе предварительных переговоров нам дали понять, что речь идет о некоем процессе омоложения тела.

– Да, – кивнул тот, недовольный тем, что я не дал ему договорить. – Немного терпения, Рыкоф-сан, и вы все узнаете. Итак, это одна из наших лабораторий, – указал он рукой на голограмму помещения. – Именно здесь будет проводиться операция по съему и переносу информации с коры вашего головного мозга на цифровой носитель.

Я пригляделся к картинке. В центре помещения располагалось кресло, к которому от окружающей его аппаратуры ползли и змеились разнообразные кабели и провода.

– Подготовка к операции занимает около двух часов, – продолжил ученый, – сама операция – почти сутки.

– И где будет находиться мое…сознание после? – спросил я. – И что будет с моим телом? Честно говоря, я не очень понимаю, как сознание может существовать отдельно от него.

– Как видите, может, – улыбнулся японец. – В этом и заключается одно из революционных открытий Окадо-сэнсэя. Даже если бы он не открыл ничего больше, его имя сохранилось бы в веках. Думаю, если спросить любого, хочет ли он существовать вечно в виде цифрограммы внутри интела, или кануть в Лету, в надежде на загробный мир, то ответ – очевиден.

Я пожал плечами. Для меня ответ был вовсе не таким очевидным. Почему-то после восторженных слов Акихиро перед глазами предстало бескрайнее черно-белое пространство: снизу – ослепительно сверкающий лед, сверху – космическая бездна,

усыпанная алмазной крошкой звезд. В этом мире царили лишь абсолютные холод и одиночество.

– Что касается вашего тела, – продолжил Накадзима, – то в ходе операции практически сто процентов нейронов головного мозга выжигаются, так что в результате вы превращаетесь в живой труп, кадавра с напрочь отсутствующими рефлексами и любого вида моторикой, не говоря уже об осознанных действиях. Поэтому после окончания операции мы вводим в тело специальный состав, приводящий к биологической смерти.

– Очень интересно. А если в ходе вашей…как его, оцифровки, что-то пойдет не так? – полюбопытствовал я. – Кто мне вернет сожженные нейроны?

– При любой операции существует теоретический риск неудачи, – развел тот руками. – Умереть на операционном столе можно даже от, казалось бы, примитивного аппендицита. Но, с другой стороны, не забудьте, что через первый этап операции прошли уже пятеро клиентов. И готовятся еще трое. Так что у вас будет достаточно аргументов в пользу ее безопасности.

Оптимизма мне это не прибавило, хотя внезапно вспомнился Роберт Марс – первый клиент «Церебрума». Сколько же мужества ему понадобилось, чтобы шагнуть в неизвестность? Или вопрос следовало поставить так: насколько велик был его страх перед смертью?

– Ладно, – вернулся я к разговору. – И что же дальше?

– Дальше из взятых образцов мы начинаем клонирование и выращивание вашего тела и головного мозга. – Японец пробежался лучом стилуса по головизору и изображение операционной сменилось двумя картинками. На одной стайка детей разного возраста, рассевшись вокруг женщины, внимали ее словам. Другая демонстрировала комнату со стеллажом, на разных ярусах которого располагались прозрачные контейнеры с непонятным содержимым.

– Это клоны наших клиентов, заключивших контракт, – сказал ученый, указав на детей. – А это, – кивнул он в сторону второй картинки, – их мозги в разной степени роста. – Судя по всему, он ожидал, что столь неаппетитное зрелище приведет меня в расстройство, но, как видно, мое досье он знал несколько хуже, чем я его.

Таак. А вот и разгадка, почему центр располагается именно в Японии. Выходит, слухи о совместной работе Шварцкопфа и Окадо, в молодости на дух не переносящих друг друга, соответствуют действительности. Наша встреча все больше напоминала сцену из какого-то фантастического голофильма, когда главный злодей, маньяк-ученый, раскрывает перед героем

всю глубину своих преступных замыслов.

– И как долго будет длиться это выращивание? – спросил я. – И зачем клонировать отдельно мозг, если потом, как я понял, вы каким-то образом пересаживаете сознание в клонированное тело? Не думаю, что вам удалось создать их с пустой головой, – взглянул я на картинку с детьми.

– Все достаточно просто, – улыбнулся тот. – Видите ли, в процессе роста клона мы, хотим того или нет, создаем новую личность. Даже если его не обучать, а мы, по ряду причин, не можем без этого обойтись, то все равно это будет пусть и неразвитый, но человек. С собственным представлением об окружающем мире и о своем месте в нем. Оптимальный биологический возраст клона для пересадки вашего сознания – восемнадцать-двадцать лет. Но к этому возрасту его личный опыт и эмоциональный аппарат достигнут такого уровня развития, что попытка пересадки в его мозг другого сознания приведет к целому комплексу психологических проблем. Иначе говоря, ваши разумы начнут сражаться за место под солнцем. Излишне говорить, чем это чревато для вас.

– И пусть в живых останется только один, – пробормотал я под впечатлением от представившейся картины.

– Что?

– Да так, это я к слову. И каковы же ваши действия для пересадки?

– Достаточно просты. На словах, конечно. Ваше сознание переносится в специально выращенный, без всяких воспоминаний, головной мозг, после чего аналогичный орган у клона удаляется и пересаживается ваш носитель.

– Вы в своем уме?! – потрясенно выдохнул я, смотря то на ученого, то на веселых детей, бросивших к этому времени слушать воспитателя и дружно собирающих причудливую башню из кубиков-трансформеров.

На губах японца отчетливо зазмеилась улыбка. Наконец-то ему удалось повергнуть в шок невежливого варвара-иноземца.

– К сожалению, найти иной метод нам пока не удалось, – развел он руками. – Если вы представляли, что дело обойдется неким чудо-лекарством, от которого вы помолодеете на семьдесят лет, то – увы. Законы генетики, по крайней мере пока, непреложны также, как сила тяготения. В запрограммированный при зачатии биологического организма срок он умрет. Часовой механизм заложен в вашем геноме и как его отключить – мы не знаем. Как говорится, каждая секунда ранит, последняя – убивает. Так что речь может идти исключительно о переносе вашего сознания в новое тело.

Я смотрел на играющих детей и представлял, как вот также среди них будет играть моя маленькая копия. Не сын, но, возможно, ближе чем сын? Воистину, и сказал человек: вот, это кость от костей моих, и плоть от плоти моей.

Выходит, ценой продолжения моей жизни должна быть жизнь чужая? Но чем тогда я буду отличаться от тех каннибалов, что гоняли меня когда-то в мангровых зарослях Сьерра-Леоне? Да, можно сколько угодно говорить, что это лишь биологический материал, носитель для моего сознания, специально выращенный, словно породистый конь для скачек. В конце концов, мне ведь даже необязательно его видеть. Но все это, на самом деле, годилось разве что для зала судебных заседаний, в качестве аргументов защиты. Но сам-то я прекрасно понимал, что речь идет об убийстве. Убей сам или умри. И как я буду жить дальше, каждый день смотрясь в зеркало и высматривая призрак чужого сознания? В душу заползала смутная тоска. Впрочем, какая душа у тысячи йоттабайт?

Видимо, насладившись моим растерянным видом, Накадзава отключил голограмму.

– Вот, в целом, как будет выглядеть ваше омоложение, – сказал он. – Не более, чем через двадцать лет после начала процесса, вы выйдите отсюда, – он обвел рукой вокруг головы, – в состоянии, точно соответствующем биологическому возрасту клона. О его физических кондициях можете не беспокоиться, мы обеспечим всю необходимую подготовку и гарантируем отсутствие любых изъянов, которые могли бы привести к преждевременной утрате им функциональности.

– Значит, сейчас у вас на специальных носителях находятся сознания всех, кто заключил контракт с «Церебрумом»? – спросил я. – Могу ли я каким-то образом пообщаться с кем-либо из них?

– К сожалению, это исключено, – с извиняющимся видом развел тот руками. – В целях максимального психологического комфорта мы стараемся не допускать общения виртов – так мы называем тех клиентов, кто прошел первую стадию операции – с обычными людьми. Единственное исключение – это их адвокаты и поверенные, наблюдающие со стороны клиентов за исполнением контрактов.

– Мне надо подумать, – сказал я. После ушата дикой и нелепой, на первый взгляд, информации о методе Окадо, особенно об убийстве клона, в голове у меня был сплошной сумбур, словно после трехдневной попойки. Чтобы со всем этим справиться, необходимо было время.

– Да, конечно, – с улыбкой развел руками Накадзава. – Вот, возьмите, – он подал мне черный пластиковый прямоугольник. –

Если возникнут какие-то вопросы, звоните в любое время. Был рад познакомиться.

Как я покинул территорию комплекса и оказался в машине с Анджеем, я уже не помнил.

9

– Санчес, пригнись!

– Гранатометчик на три часа!

– Стреляй. Стреляй!

Грохнул взрыв и меня отбросило к стене. Увязая в железобетоне, зацокали пули. Я подполз к телу, полузаваленому обломками стеллажей и банками консервов.

– Санчес. Ты слышишь меня?

Я взял его за запястье. Мертв. Забрал у него «Heckler» и осмотрелся. От магазина, в котором мы успели укрыться, когда два часа назад разразился ад, осталось одно название. Я осторожно выглянул через разбитую витрину. На улице догорали три машины моего кортежа. Вокруг них лежали пять тел – телохранители. На другой стороне, в тени киоска, в позе эмбриона скорчился гранатометчик – молодой, совсем еще пацан. Санчес выстрелил одновременно с ним. Воздух дрожал от выстрелов и взрывов, громыхавших по всему городу. Иногда тянуло сажей: наверняка повстанцы жгли все, до чего только могли дотянуться.

– Твою мать!

Подтянув к себе бутылку воды, одну из многих, раскатанных по полу, я уселся под витриной и начал размышлять. Положение было – хуже некуда. Я приехал в Луанду с банальной инспекцией, собираясь покончить с делами еще до полудня. В сопровождении ван Дентерса, начальника бригады «Чарли», подразделения которой охраняли ангольские отделения «Hong Kong Banking Corporation», я направлялся на один из объектов, когда все и началось.

Мы как раз обговаривали задержки в обеспечении бригады летним обмундированием, когда первая машина кортежа скрылась в огненном облаке, то ли наехав на мину, то ли получив удар из портативной ракетницы. Охранники, выбравшись из двух других машин, оказались под огнем нападавших. Санчес, подобрав автомат кого-то из убитых, затащил меня в ближайший магазин, а затем в коротком, но жестоком бою атакующие были рассеяны, однако из телохранителей уцелел лишь он. А теперь я остался один – без экипировки, без связи, вооруженный лишь «Heckler»`ом с неполной обоймой.

Вряд ли повстанцы знали, на кого напали, иначе бы так просто не ушли. Но по городу сейчас гуляла шальная волна убийств и грабежей, так что группы мятежников кидались из одного района в другой, как верховой пожар в тайге. Судя по

отрывкам разговоров в коммуникаторе Санчеса, пока связь не оборвалась, убивали всех, кто имел какое-либо отношение или подозревался в сотрудничестве с «MTR Inc» и «НКВС». Я вспомнил один из докладов аналитического управления, в котором вероятность такого рода событий оценивалась, как «не нулевая». Собственно, в том числе из-за него я сегодня и прилетел в Луанду, но оказалось, что опоздал.

Я приподнялся, выглянул наружу. Вроде бы никого. Что ж, надо двигаться. Пригнувшись, я выскользнул из магазина и бросился к угловому зданию. Но не успел пробежать и десяти метров, как под ногами взвизгнули пули и справа донеслись восторженно-гневные крики. Я бросился назад, мельком успев заметить полдюжины ангольцев. Размахивая автоматами, они неслись за мной, вопя явно не от радости от встречи.

Забежав в магазин, я наспех свалил один из устоявших стеллажей на обломки лежавшего на полу и залег за этой импровизированной баррикадой. Первую двойку повстанцев, с ходу залетевших в помещение, паля без разбору налево и направо, я срезал двумя короткими очередями. Их товарищи оказались осторожнее, осыпав через проем витрины весь магазин градом пуль. Я вжался в пол, наблюдая как в пакетах с крупой и коробками с соком возникают многочисленные дырки.

Что-то грохнуло и передо мной вспухло туманное облако, стремительно затягивая дымом все вокруг: видно, кто-то из ангольцев догадался использовать дымовую гранату. В клубах дыма мелькнули тени. Я выпустил очередь и перекатился в сторону. Вовремя. В то место, где я только что лежал, словно врезался осиный рой. Я выпустил еще очередь и затвор автомата щелкнул, сигнализируя о пустой обойме.

Я приподнялся, готовясь метнуться в сторону двери с табличкой «WC». Шансов уцелеть было мало, но спокойно ожидать смерти я не собирался. Вдруг снаружи, с улицы, прозвучала очередь из автоматической версии «вепря», дважды грохнуло и все затихло.

– Питер! Ты тут? – раздался зычный голос. Он показался мне знакомым, но я никак не мог вспомнить его владельца.

– Тут, – отозвался я и, поднявшись, осторожно выглянул через проем. На улице, затянутой дымкой, в полной экипировке стоял человек. На груди скрещивались ремни двух «вепрей» и портативного гранатомета. Лица его, естественно, не было видно за тактик-забралом шлема. Он подошел ко мне и откинул щиток.

– Туз?! – изумился я.

– Он самый, – заулыбался тот.

– Ты-то как тут?

– Стреляли, – он снова улыбнулся и запрыгнул в помещение. – Облачайся.

Оказалось, что у него за спиной висел рюкзак, из которого он начал доставать части амуниции: бронежилет, шлем, армейские берцы, кевларовые щитки для рук и ног. Пряча тело, словно улитка, в защитную броню, я поглядывал на Туза, все еще не в силах поверить, что это он.

С Матвеем Тузовым я познакомился пятнадцать лет назад, когда участвовал в формировании интернациональной команды антитеррора «Zero». Инициаторами ее создания были государства, входящие в клуб «ядерных держав» и пытавшиеся повысить уровень защищенности своих ядерных объектов.

Матвей был представителем «Альфы», я – из «котиков», но между нами отчего-то сразу проскочила дружеская искра, так что мы отлично ладили друг с другом весь мой недолгий период пребывания в команде. Через три года, поучаствовав в трех операциях, я вернулся в Управление специальных операций, сказав на прощание остававшемуся Матвею, что всегда буду рад видеть его на пороге своего дома. За прошедшие двенадцать лет я, честно говоря, вряд ли вспоминал его больше двух раз.

– Так все же, каким образом ты так вовремя здесь появился? – спросил я, натянув шлем и включая микроконтроллер интерфейса. Окружающее пространство сразу очистилось от дыма и пыли, замигали символы и цифры, выдавая тактическую информацию на тактик-забрало.

– Обычным, – пожал он плечами, продолжая держать под наблюдением улицу. – Я в городе вообще-то уже неделю. По своим делам.

– «Zero»?

– Нет. Но близко. Я уж три года, как из оперативников ушел. Возраст.

– Понятно.

– Ну вот. А сегодня утром с одним субъектом общался, он и упомянул про тебя. Что ты сегодня прилетел.

– Интересно, что за фрукт такой? – напрягся я. Вообще-то о графике моих передвижений знали единицы, так что осведомленность Матвея попахивала утечкой из службы безопасности компании.

– Забудь, – отмахнулся тот. – Ему по службе положено: ничего личного и с тобой никак не связано. – В общем, решил я, раз такая оказия случилась, посетить боевого товарища. Да и то сказать: когда еще представится возможность выпить на брудершафт с миллиардером?

– Да, выпить бы сейчас не повредило. – Я обозрел

разгромленные полки, но ничего спиртного не обнаружил.

– Ну вот, пришел я в твой офис, только начал про тебя спрашивать, как все и началось. Связь пропала – местные аборигены, видно, отрубили ретрансляционные вышки. Взрывы, стрельба, в общем, хаос. Что делать – никто не знает: тебя нет, второго главного, как его, ван Дентерс, тоже нет. Короче – разброд и шатание.

– Да уж. – Я стукнул кулаком в бронированной перчатке по стене, выщербив кусочек бетона. При отсутствии связи и старших командиров рассеянные по городу подразделения бригады будут занимать исключительно оборонительную позицию, ожидая приказов. Но если срочно не начать действовать и не вызвать резервы, рано или поздно их сомнут: судя по всему, в восстании участвовала едва ли не половина города.

– Ну, в общем, мне там сидеть надоело, я взял у какого-то Лесли Фьюри координаты, где последний раз светилась твоя машина, экипировался и пошел за тобой. Вон мой транспорт.

Я выглянул и увидел на другой стороне улицы, прислоненный к стене, гоночный вариант «Suzuki».

– И вот я здесь, – закончил рассказ Матвей. – Прямо как супергерой из комиксов, а?

– Это точно, – подтвердил я. – Только летучей мыши не хватает. Или паутины. А что твое руководство?

– Так связи нет. Я ж говорю, я тут совершенно по другому делу. Думаю, они там все такие же ошалевшие, как твои штабные. Так что – сейчас каждый сам за себя.

– Ну да, ну да, – проворчал я. Матвей, возможно, и был герой-одиночка, а вот на мне тяжеленной гирей висела ответственность за людей из бригады «Чарли» и их подопечных банкиров из «НКВС». Что-то надо было предпринимать, и срочно.

Я вызвал на тактик-забрало карту города и начал увеличивать масштаб, пока не дошел до подробной схемы квартала, где мы сейчас находились.

– Вот оно, – удовлетворенно сказал я.

– Что?

– Меньше, чем в километре от нас – офис «Африканских орбитальных сетей». У них должен быть прямой выход на спутники связи, без привязки к вышкам.

– Думаешь, эти, – кивнул Матвей куда-то в сторону, – не догадались разнести там все к такой-то матери? Может, лучше пробиваться к одному из опорных пунктов бригады?

– Нет, – покачал я головой. – Без связи – мы все трупы. Местные армейцы и силовики вряд ли зайдут в город раньше, чем через пару дней. А подразделения «MTR Inc» без моего приказа не

двинутся с места. Есть, конечно, кому проявить инициативу, но все равно минимум сутки они будут ждать. А за сутки нас тут раздавят. Так что…

– Ладно, – пожал плечами Матвей. – Двинули. Только погоди минуту. – Он покопался в многочисленных кармашках, усеивающих его амуницию, и затем показал раскрытую ладонь, на которой уютно устроились три металлические фигурки, похожие на насекомых.

– «Стрекозы»? – удивился я. – Откуда?

– Личный запас, – ухмыльнулся тот и активировал источники питания мини-дронов. Маленькие разведчики, едва слышно зажужжав, сорвались с места и поднялись вверх, сразу же будто растворившись в грязно-синем куполе, накрывшем город.

Через несколько секунд в верхней части тактик-забрала вспыхнули три небольших окошка, транслируя картинку, передаваемую «стрекозами». Судя по ней, никаких вооруженных людей поблизости не наблюдалось Я повеселел: теперь шансы добраться до места назначения без лишних стычек существенно повысились.

– Ну что, двинули? – Матвей привстал и смело вышел на улицу.

Я последовал за ним. Стараясь держаться ближе к стенам, мы двинулись к цели, используя любое укрытие, чтобы проскользнуть незаметно для случайного или любопытного глаза. Благодаря карте и «стрекозам» дважды скрытно обойдя пьяные от крови и огня группы ангольцев, вооруженных разномастным оружием, мы без приключений добрались до недлинной улочки, на которую выходила штаб-квартира «Африканских орбитальных сетей».

Возле входа в здание виднелось трое с автоматами. Один из дронов, проскользнув в дыру в стене, судя по размеру – последствие взрыва мини-ракеты, ретранслировал просторный холл, в котором, расхаживая туда-сюда, о чем-то оживленно переговаривались еще пятеро.

– Давай «полет шмеля»? – предложил шепотом Матвей.

Я согласно кивнул. Трое ангольцев продолжали о чем-то возбужденно болтать, но вот сначала один, а затем и двое других развернулись в противоположную от нас сторону, уставясь на невиданное доселе чудо. Перед ними, рисуя в воздухе причудливые петли и восьмерки, сновали две «стрекозы», подчиняясь запущенной Матвеем программе, имитирующей пчелиный танец.

– Пошли, – выдохнул я ему в ухо и скользящим шагом бросился к зданию.

Полоснув очередью по двум автоматчикам, не обращая внимания на третьего, уверенный, что того не пропустит Матвей, я ворвался через искореженный входной барабан в холл и с ходу срезал еще двоих. В отличие от нас, среди ангольцев не оказалось профессионалов в обращении с оружием. Неожиданность атаки лишь усугубила наше превосходство, так что все было кончено за считанные секунды.

Ведя стволами по сторонам, мы обыскали помещение, отправив дронов в путешествие по этажам здания, для сбора информации о потенциальных противниках. Я заглянул за стойку поста охранников. На полу, в лужах крови, лежали три тела.

– Бампо, – позвал Матвей, используя мой позывной в «Zero».

Я обошел стойку и замер рядом с ним. Сначала показалось, что передо мной ничком, лицом вниз, лежит женский манекен, подобный тем, что наполняют выставочные залы торговых центров. Только через пару секунд я осознал, что это тело девушки, из плоти и крови, и понял почему ошибся: ее конечности были вывернуты под неестественными углами, словно громадный злой ребенок, которому надоело играть с куклой, решил оторвать ей руки и ноги. Всю видимую их часть усеивали кровоподтеки. Встав на колено, я перевернул тело на спину. Лицо закрывали спутанные черные волосы. Я откинул их в сторону и невольно отшатнулся, ударившись плечом о поручень стойки. С точеного смуглого лица на меня смотрели пустые кроваво-черные глазницы. Судя по отсутствию крови на полу, ей вырезали глаза где-то в другом месте.

– Я слышал, в некоторых племенах принято выкалывать глаза предателям, – сказал Матвей.

– А ломать все кости у них тоже принято? – спросил я, поднимаясь с колена. Внутри зарождался холодный яростный комок. Тот лишь пожал плечами.

Одно из окошек на тактик-забрале запульсировало алым: таким образом дрон привлекал внимание оператора. Сейчас «стрекоза» вела наблюдение за пожарным выходом и мы могли наблюдать, как внутрь прошли трое вооруженных.

– Я разберусь, а ты осмотрись здесь, – сказал Матвей и двинулся в к выходу из холла. Я остался один.

Я прошелся до лифта, приветствовавшего меня распахнутыми створками. В кабине было темно: как я и думал, питание отключено. Впрочем, в любом случае наверх надо было идти пешком: из лифтов получаются отличные ловушки. Услышав позади тихие звуки шагов, я резко обернулся, готовый стрелять. Но холл был пуст. Я медленно дошел до колонны, стоящей в нескольких метрах от стойки охранником, резко шагнул и

развернулся. Все равно никого. Снова звук шагов – теперь уже возле лифта. Я выпрыгнул из-за колонны – и снова пустота. В растерянности, не понимая, что происходит, я опустил автомат.

Затем мой взгляд скользнул по полу, там где лежало тело девушки…должно было лежать. Сейчас лишь несколько капель крови подтверждали, что это был не мираж. Меня бросило в пот и сразу в дрожь, лицо стало горячим от прилива крови. Снова шаркающие шаги, с другой стороны колонны. Вместо того, чтобы опять обходить ее, я развернулся и сделал шаг вперед. И в мои плечи стальными крючьями вцепились две смуглые, с вывернутыми локтями, руки. Лежавшая пять минут назад на полу мертвая анголка сейчас стояла передо мной, прожигая меня пустыми глазницами и что-то гневно выкрикивая то ли по-испански, то ли по-португальски.

Ее голос переполняла неизбывная холодная злоба, словно это я был тот, кто ломал ей кости и выкалывал глаза. Пока я стоял столбом, не в силах пошевелиться, ее руки сомкнулись на моем горле. Почему-то особенно отчетливо я видел ее зубы – белые, ровные, крепкие. Казалось они щелкают, пытаясь в голодном спазме дотянуться до меня. Уже задыхаясь, я вспомнил про автомат, рефлекторно поднял его, уперев в живот девушки, и нажал на курок.

Задрожал ствол, опустошая магазин со скоростью десять выстрелов в секунду. Анголка взвыла, хватка ее ослабела и я почувствовал запах паленой кожи. Опустив глаза я увидел, что ствол автомата на половину погрузился в тело: сотня безгильзовых пуль прорубили в нем дыру и внутренности мертвеца шипели, соприкасаясь с раскаленным дулом. В следующую секунду глаза девушки закатились, так, что было видно лишь белки, и она опала на пол.

– Все бы тебе только стрелять, – услышал я странно-знакомый насмешливый голос.

Я резко развернулся, готовый использовать автомат вместо биты: магазин был пуст. И попятился, наткнувшись взглядом на самого себя. Только вот мороку, стоявшему передо мной – а что ещё это могло быть – было от силы лет восемнадцать. Я даже узнал бейсболку «Yankees» с прожженной дыркой на месте «s» – я всегда одевал ее на матчи: на удачу.

– Посмотри вокруг себя, – обвел двойник рукой холл. – Ты несешь с собой лишь кровь и смерть. Хаос и разрушение. Скольких друзей ты похоронил?

– Сгинь, – прошептал я высохшими губами. – С какого бы света тебя сюда не занесло. Нечисть.

– Кто из нас нечисть – это еще вопрос, – улыбнулся

двойник. – Я – дитя, по сравнению с тобой – развел он руками. – Я никого не убил и не искалечил…пока. А сколько крови на твоих руках?

– Я убивал тех, кто хотел убить меня! – выкрикнул я и эхо «меня» пошло гулять по холлу.

– А разве я хочу убить тебя? – Он развел руки в стороны, став похожим на живой крест и тут вдруг меня будто сняли с невидимого предохранителя: что-то толкнуло под сердце, как боек бьет по капсулю пули. С невнятным криком я размахнулся и ударил его прикладом в плечо. Хрустнула ключица, но он продолжал улыбаться, отчего я разъярился еще сильнее.

Я продолжал бить его по рукам, по груди, в живот, а затем, озверев от не тускнеющей улыбки, вогнал приклад прямо в зубы, превратив лицо в кровавую маску. Он зашамкал, силясь что-то сказать, но я, не обращая внимания ни на что, продолжал бить и бить, и бить…

10

Вначале я не понимал, где я и что со мной. Перед глазами – сплошная тьма. Лишь пару секунд спустя до меня дошло, что на лице – маска для сна, а я сижу в кровати. Сорвав повязку, я вытер мокрый от пота лоб и откинул одеяло.

Снова тот же сон. Луанда, восстание горожан, Матвей, анголка с выколотыми глазами. Все, как тогда, больше тридцати лет назад. Почти. На самом деле Матвей не шел ни к какому пожарному входу. Увидев ангольцев, мы просто начали подниматься по лестнице, пока не добрались до этажа, на котором размещался технический отдел «Африканских орбитальных сетей». Именно оттуда я отдавал приказы, за которые мне потом пытались пришить пожизненное.

И уж, конечно, там не было никаких близнецов и восставших из небытия трупов. Вспомнив, как я колошматил свою молодую копию прикладом, я снова вздрогнул и откинулся на подушку. Мало мне оживших безглазых мертвецов, так еще и это. Оливия считала, что образ ожившей девушки – это упрятанная в глубинах моего подсознания вина перед погибшими во время подавления мятежа ангольцами. Я с этим согласен не был. Ведь ее – и это было доказано во время уголовного процесса – убили повстанцы. И не просто убили, а жестоко истязали перед смертью. С другой стороны, кто знает, отдал бы я те приказы, если бы перед этим не увидел ее тело в холле здания?

Но что означает появление двойника? На ум не приходило ничего, кроме вчерашнего разговора с Накадзавой, когда он сообщил, что ценой моей жизни должна стать жизнь чужая. Прямо как у древних иудеев: око за око. Мысль, что дорога к бессмертию лежит через трупы моих клонов, выжигала нейроны не хуже, чем обещанная Акихиро оцифровка. Я никогда не убивал ради удовольствия, чтобы там во сне не твердил мой двойник. Только чтобы выжить самому или сохранить жизнь другим. Разве это преступление – быть солдатом?

Поняв, что уже не усну, я встал с кровати, включил настольную лампу и сел в кресло. Запустил интелвирт и привычно отыскал директорию «Цифрономикон». Это стало моим развлечением в те бессонные ночи, когда я не мог уснуть, в страхе перед очередным кошмаром, поджидающем за спиной Морфея. Вымышленный Лавкрафтом автор «Некрономикона», Безумный араб, аль-Хазред, будто бы создал пособие по призыву древних демонов с той стороны Двери. Я же серфил по Гипернету, разыскивая в цифровом виртуальном мире способы избежать

поднятия завесы между живым и неживым.

«*…Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово, и тайну цветка тебе расскажу: этот цветок – как терн на дне моря, шипы его, как у розы, твою руку уколют. Если этот цветок твоя рука достанет, будешь всегды ты молод…*»[17] С трудом верилось, что еще пять тысяч лет назад человека одолевала тайна вечной молодости. Сколько цветов извели, пытаясь составить формулу эликсира? Египетские фараоны оказались умнее, не гонясь за продлением жизни земной, заботясь, вместо этого, о жизни потусторонней.

А вот первый объединитель Китая, император Шихуанди, тот самый, что оставил охранять свой посмертный покой терракотовую армию, больше верил Гильгамешу, так что снарядил в поисках волшебных цветов морскую экспедицию, так и сгинувшую с концами. Интересно, может они нашли, что искали, но передумали делиться со своим повелителем?

Гален писал о том, что некоторые старики принимали ванны из крови поверженных на арене гладиаторов, веря, что это принесет им вторую молодость.

Святой Грааль… Куда же без него? Неиссякаемый сосуд вечной жизни, чаша, из которой Христос пил во время Тайной вечери и в которую Иосиф Арифамейский собрал кровь распятого Спасителя. Может, он действовал в связке с Гаем Лонгином? С чего бы это простой центурион решил тыкать копьем человека, из-за которого разгорелся конфликт между Пилатом и старцами из Синедриона? «*…Но вот очутилась в зале Священная чаша Грааль под белым парчовым покровом, однако никому не дано было видеть её и ту, что её внесла. Только наполнилась зала сладостными ароматами, и перед каждым рыцарем оказались яства и напитки, какие были ему более всего по вкусу…*»[18].

Сюжет о Граале оказался самым плодотворным. Сеть ломилась от ссылок на разнообразные статьи, книги, фильмы и прочие источники информации, в тысячный раз перемалывающие одну и ту же крупу. Больше всего меня привлекали те, где рассказывалось об одном из рыцарей Круглого стола, Галахаде, сыне Ланселота, которому удалось-таки найти чашу. Вкупе с историей о том, что король Артур на самом деле не умер, но продолжает жить на мифическом острове Авалон, можно было представить, что верный вассал доставил сюзерену источник бессмертия.

Впрочем, мне самым практичным властителем, наиболее основательно подошедшем к вопросу сохранения себя на веки вечные, казался Чингисхан. Почувствовав дыхание подступающей старухи с косой, он разослал по всем концам завоеванных земель гонцов с требованием доставить мудрецов, обладающих тайной

эликсира вечной жизни. Народу, утверждавшему, что таким секретом обладает, оказалось на удивление много. Экзамен старого хитреца был прост: после варки зелья первую чарку подносили его создателю, а затем рубили голову. Если приставленный затем к шее отсеченный орган не прирастал, что ж, ошибочка вышла.

Так бы и развлекался «властитель Вселенной» таким нехитрым образом до самого конца, если бы очередной авторитетный даос из Поднебесной не поведал ему, что бессмертия бренного тела не существует: бессмертен лишь дух и дела человеческие. Монгол наверняка бы и его порешил, но старикан оказался не промах, поведав, что в делах пророческих он посильнее будет, чем в фармакологии. И затем на вопрос Чингисхана – «поведай же мне, старче, когда я отойду в мир иной», смело ответил: «а умрешь ты хан в тот же год, что и я». Так что тому ничего не оставалось, как отпустить старого мудреца восвояси.

Вторым по плотности хэштэгов была любимая игрушка всех средневековых мыслителей и алхимиков – философский камень, своеобразная квинтэссенция[19] вопроса. Однако большинство ссылок давали лишь однообразную информацию о его способности превращать любое вещество в золото. И лишь изредка упоминалось, что в растворенном виде камень излечивал все болезни и даровал бессмертие.

Забавно, что раствор этот, чаще всего называмый питьевое золото, имел собственную жизнь и научную базу. О нем упоминалось еще в трактатах китайских врачей I-го века, которые называли его эликсиром жизни. Людовику XI врачи, для излечения от падучей, официально прописали пить золото, о чем свидетельствовал счет на 96 золотых талеров. В 1583-м году во Франции был опубликован труд алхимика и придворного лекаря Давида де Плани-Кампи – «Трактат об истинном, непревзойденном, великом и универсальном лекарстве древних, или же о питьевом золоте, несравненной сокровищнице неисчерпаемых богатств».

Поймав себя на мысли, что уже минут десять бездумно листаю ссылки и страницы Сети, не вчитываясь в слова и буквы, я выключил интел и, распахнув стеклянную дверь, вышел на просторный балкон. Ночной морской бриз осушил вспотевшее лицо: в соленую свежесть моря вплелись ароматы можжевельника и сосны. Все-таки хорошо, когда уже через два часа после рабочего дня ты можешь перенестись из питерского офиса в особняк на Южном берегу Крыма. Капсулы «Гиперпетли»[20] покорили всю Евразию, изменив понятие человека о

пространстве.

Я дышал морским воздухом, прислушиваясь к шуму близких волн – море было практически под ногами – и пытался принять решение. В сотый раз расправил лист, который последнее время постоянно носил с собой – результат теста, проведенного в центре Окадо. «*Определенный для данного биологического образца генетический предел составляет девяносто шесть лет. Погрешность расчетов составляет – три года в ту или иную сторону….*».

Такое хорошо читать, когда тебе двадцать и каждый, кому за пятьдесят – для тебя старик. Но прочесть это в восемьдесят семь – практически приговор. Приговор, ставящий тебя на одну доску с любым нищим, судорожно пытающемся прожить на пособие. Но я-то, по чести говоря, уже давно считал себя и подобных мне другим антропологическим видом, отличным от обычного Homo Sapiens. Первый миллиард, по моему убеждению, менял что-то глубоко внутри своего обладателя, так что тот никогда уже не становился тем, что прежде.

Внутри меня не осталось ни одного органа, данного природой от рождения. Сердце выращивали дважды, последний раз – три года назад. Одно из легких и печень были модифицированы, позволяя поглощать больший объем кислорода, насыщая кровь, и лучше регулировать обмен белков и аминокислот. Я был свято уверен, что благодаря своим деньгам и достижениям медицины спокойно возьму планку в сто лет, а там, может, еще что-то придумают. Конечно, я могу порвать эту бумажку и жить дальше, но я знал, что у Окадо еще не было ни одной ошибки. А тестов, за два десятка лет, проведено сотни тысяч.

В конце концов, даже если относиться к клону как к человеку, то разве не я дам ему жизнь? Тогда его можно расценивать, как некое домашнее животное. Ведь он будет выращен из моих клеток и будет всего лишь точной копией тела, но не сознания. Теоретически, наверняка можно вырастить какого-нибудь безмозглого кадавра: вряд ли к такому существу можно подходить с человеческой меркой. Но это все, конечно, была лишь слабая попытка уйти от ответственности за тяжелое решение. Размышляя, я вглядывался во тьму, словно ожидая какого-то знака свыше. Внезапно где-то вдалеке, на горизонте, вспыхнули теплые желтые точки: возможно, на одном из курортных лайнеров, где сейчас, наверняка, царили отчаянная гульба и веселье. Я решился.

Я прошел в комнату, достал из кармана пиджака прохладный черный прямоугольник, на котором золотом были высечены

иероглифы и десятизначный номер – забавный анахронизм в наш цифровой век. Глянул на часы: три ночи, значит, в Токио – девять утра. Торопясь, пока не пропала уверенность в правильности принятого решения, разблокировал интелфон, набрал номер.

– Алло, – услышал я бодрый голос Акихиро.

– Доброе утро, Накадзава-сан. Это Питер Рыкоф.

– Здравствуйте, Рыкоф-сан. Вы хотели еще что-то спросить?

– Нет, – я помолчал. – Я хочу подписать контракт…

11

– … Мы ведь уже обсуждали это, Пол. Имидж корпорации должен быть всегда на высоте. Подчеркиваю: всегда. Любой самый тупой чиновник ООН или сенатор Конгресса должен знать, что *«Military and tactical Resources Inc.»* – это гарантия решения их проблем с любыми, мать их, мятежниками и всякими повстанцами, хоть красными, хоть коричневыми, хоть розовыми в крапинку. Поэтому будь добр, восстанови финансирование нашего PR-подразделения в полном объеме. И добавь в четвертом квартале еще десять процентов.

– Но, Питер, ты ведь сам утвердил план экономии, а мы и так отстаем от графика развертывания бригады ван Стойтена…

– С финансированием я сам разберусь, и со Стойтеном тоже. В крайнем случае, обращайся к Аллену. Но чтобы больше такой самодеятельности не было. Что у нас с обеспечением поставок «Страйкеров» для Диркшнайдера?

– Вчера контейнеровозы встали на разгрузку в Кейптауне. Правда, там какие-то проблемы с местными возникли, но Чеслав уже этим занимается.

– Хорошо, держи меня в курсе. С завтрашнего дня – все, как договаривались.

Я откинулся на спинку кресла, посмотрел на Эльзу, весь разговор простоявшей стойким оловянным солдатиком перед столом. Синие глаза излучали свою обычную загадочность. «Характер нордический – не замужем». Вот бы еще собеседника найти, кто шутку оценит. «А Донна бы оценила», – заныло где-то под сердцем.

– Ну, что там еще у нас? Давай покороче, только сводку.

– За вчерашний день зафиксировано три боестолкновения, – без запинки, не подглядывая в планшет, начала та. – Аргентина, Пуэрто-Деседао; Намибия, Очиваронго; и Новая Мексика, Сан Кристобаль. Пятеро раненых, двое тяжело, эвакуированы в наш центр в Кельне.

– Что-нибудь серьезное? – спросил я, имея в виду, конечно же, не раненых. В конце концов они за это зарплату получают, и не маленькую.

– Нет, в двух случаях нападение на пункты досмотра, а в Очиваронго – на временный склад бригады «Дзета».

– Что-то еще?

– «Hong Kong Banking Corporation» задерживает месячный платеж, уже два дня. Наш бюджет еще держится, но уже потрескивает.

– Это к Аллену. Кстати, где он?

– Вы же его отправили сегодня на переговоры со швейцарцами.

– Ах, да. Я уж и забыл. Наверно старческий маразм.

Эльза дипломатично промолчала, чуть повернув изящную головку. Я смотрел на ее ладную, обтянутую каким-то хитрым модным платьем фигуру, размышляя, как все могло сложиться, будь я хотя бы на четверть века моложе, когда перед глазами будто промелькнула полупрозрачная пелена, на миг закрыв профиль девушки. А через мгновение я еле сдержался от вскрика. Нежные точеные черты девичьего лица погрубели, усеялись морщинами. Полные чувственные губы усохли, сжавшись в тонкую, отдающую синевой линию. Яркие глаза выцвели, пышная замысловатая прическа опала седыми, аккуратно уложенными прядями…

Я видел мать Эльзы только мельком, пару раз застав их беседующими по голосвязи. Фрау Марте, как она себя называла, было уже далеко за семьдесят и она почти не пользовалась достижениями современной дермапластики. Такой же станет дочь лет через сорок, сорок пять, если не накопит достаточно средств для десятка операций. Осознает ли Эльза, со всей ее красотой и свежестью, что каждый прожитый день толкает ее все ближе к такому неприглядному финалу пути, в конце которого виднеется лишь небольшой холмик земли? Готова ли она к тому, что каждый день ее тело, мельчайшая его частица и клетка, предает ее, выдавливая из себя по капле упругость мышц, горячий ток крови в жилах, уверенность в том, что молодость – вечна? И каким вижусь ей я, в девяносто три выглядевший не старше ее сорокалетнего брата?

…Что? – Эльза, смущенная моим пристальным взглядом, осматривала себя в поисках несуществующего изъяна.

– Да так, задумался, – ответил я, откинувшись на спинку кресла. Эфемерная, протаявшая вдруг изнутри девушки сморщенная оболочка ее будущего, исчезла, словно паутина, сорванная с куста порывом ветра. – Не обращай внимания. У тебя еще что-нибудь?

– Вам пора принять лекарство, – помахала она листом-планшетом.

– Ох, чтобы я без тебя делал, – вздохнул я и открыл ящик стола, где в отдельных ячейках лежали кучками капсулы, распределенные по времени суток. Закинул в рот горстку облаток, запил соком, приставил, словно самоубийца ствол, прохладный цилиндрик пневмошприца к подбородку. Представил, как бомбочки современной фармакопеи разрываются

в желудке массой полезных ферментов.

– Ваши вещи собраны и готовы к поездке, – продолжила Эльза.

– Это ни к чему, – махнул я рукой. – Завтра они мне уже не понадобятся, так что полечу налегке. «Skylon» готов?

– Нет. Продан на прошлой неделе.

– Это еще почему?! – я уставился на блондинку, но мой гнев особого впечатления на нее не произвел. Я вообще замечаю, что чем старше становлюсь, тем меньше, почему-то, меня боятся женщины. То ли дело сорок лет назад, в Анголе.

– Исполняли ваше указание. – Эльза направила лазерный луч стилуса на страницу планшета и я услышал собственный, весьма раздраженный, голос:

– …А это еще что такое? Что делают у нас на балансе два «Skylon» а? Да их месячная эксплуатация обходится дороже экипировки батальона полного состава!

– Питер, не забывай, что ты стоишь больше ста миллиардов долл… тьфу, десяти миллиардов амеро. Ты должен соответствовать.

– Аллен, ты же прекрасно знаешь, куда направляются эти миллиарды и чего я добиваюсь последние пять лет. Чтобы закончить все транзакции в следующем квартале, нам нужна строжайшая экономия. Так что избавьтесь от этой обузы, да поскорее.

– Питер, ведь это же мелочь по сравнению…

– Ничего не хочу слушать. Эльза – запиши и возьми на контроль…

– Ну ладно, ладно, – смилостивился я, доставая из небольшого инкрустированного ливанским кедром ящика, гаванскую «Partagas» и заправляя ее в гильотину. – Продали, и правильно сделали. – Я с удовольствием раскурил обезглавленный цилиндрик сигары, затянулся ароматным дымом и уловил укоризненный взгляд девушки.

– Знаю, что не одобряешь, но сегодня мне можно все: хоть сигару, хоть нейроморфий с геротоксином. В аренду, конечно, взять не догадались?

– Вы ведь решили ехать в Токио только вчера вечером, – сморщила прелестный носик Эльза, – так что свободного борта не нашлось. С учетом вашего сегодняшнего графика я зафрахтовала люкс-капсулу в «Петле» по VIP-трассе, рейс через три часа.

Я начал подготовку к своему старому трюку: выдуть девять колечек и затем пропустить струю дыма через все кольца. Что ж, жаль, что не смогу в последний раз испытать чувство невесомости. Хотя, с другой стороны, возможно, пять часов в

«Петле» продлят мне сегодня жизнь ровно на четыре часа?

Я встал из-за стола и подошел к окну. Свежий порывистый ветер гнал белых барашков по гребням волн залива.

– Ты ведь со мной уже три года, – сказал я, глядя в окно.

– Три с половиной, – ответила за спиной Эльза.

– И с завтрашнего дня переходишь к Аллену, – я повернулся к ней.

– Но вы ведь сами так распорядились, – недоуменно сказала она.

– Распорядился, – кивнул я, смотря на нее с досадой, непонятно чем вызванной. Возможно, мне было бы легче, противься она смене начальника? Может быть, даже заявила бы об увольнении, только бы не работать ни с кем другим, кроме меня. Я обеспечил бы ее на всю оставшуюся жизнь, а после всего… «Полноте вам, господин colonel. Оставьте все эти сплошные «бы» для бабских голодрам».

– Что-то не так? – спросила она.

– Нет, все так, девочка. – Я устало опустился обратно в кресло, ткнул недокуренную сигару прямо в полировку стола, в которой мельком отразились злые, сощуренные глаза. – Все так.

12

– Не читайте до обеда советских газет.

– Простите, сэр?

– Ничего, Джон. Я говорю, что раз уж обеденное время прошло, то можно уделить внимание прессе.

– Как скажете, сэр.

– Расслабься, ганнер[21], ты не на флоте, а я уж больше полувека не в обойме. Не надо так тянуться.

– Так точно, сэр.

Я проследил, как Джон кошачьим скользящим шагом идет к невысокой изящной стояке и возвращается с моим офис-планшетом. Обменялся одобрительными взглядами с Анджеем. Все-таки традиция принимать в службу безопасности отставников из Корпуса[22] приносит неплохие плоды.

Я откинулся на спинку кресла, которое сразу заурчало и пошло волнами – включилась функция массажа – и окинул взглядом салон. Рассчитанная в стандартном варианте на тридцать пассажиров, люкс-капсула обеспечивала вполне комфортное существование во время пятичасовой поездки, так что Эльза, пожалуй, выбрала оптимальный вариант. Жилая, так сказать, часть капсулы состояло из трех просторных помещений: багажного отделения, совмещенного с кухней, комнаты для отдыха и нечто вроде гостиной, в которой сейчас располагался я и пятеро охранников. Еще дюжина, из пекинского филиала компании, должны были встречать нас в Токио. На выполненном в виде широкого окна мониторе можно было наблюдать проносящиеся мимо пейзажи, естественно, не с той скоростью, с какой сейчас мчалась капсула внутри ваккумпровода. Судя по бегущей внизу «окна» строчке, мы подъезжали к Омску.

– Что там у нас с интервью? – посмотрел я на Анджея.

– Все готово, – кивнул тот и встал возле тумбочки голотарелки, стоявшей в паре метров сбоку от меня. Установка тихо загудела, вспыхнула красным лазерная сетка и «вырезала» из воздуха, на высоте полутора метров, два небольших окошка, в которых виднелись головы. Паоло Бардзини, главный юрисконсульт корпорации, и Матвей Воронов, руководитель PR-подразделения.

– Ну, что у вас? – обошелся я без приветствий. – Пожелания, замечания?

– Пока нет, – пожал плечами Паоло. – Если у меня в процессе возникнут замечания, то все как обычно.

– У меня тоже, – присоединился Матвей. – Не волнуйтесь,

босс. Ванесса хоть и не проходит у нас в платежных ведомостях, но мы формируем им треть рекламного бюджета, так что полный текст только через меня пойдет.

– Не в том я возрасте, чтобы волноваться, – проворчал я и кивнул Анджею. – Включай эту девицу.

Тот мигнул пару раз стилусом и в воздухе напротив меня возникла сидящая в высоком кресле женщина. Блондинка лет тридцати, приятное лицо с широкими славянскими скулами, зеленые глаза бросают изумрудные молнии, крылья носа раздуваются от сдерживаемого гнева. Видно, непосредственно перед включением она с кем-то ругалась. Впрочем, как только ее взгляд остановился на мне, по лицу пробежала едва заметная рябь, скрыв признаки раздражения, и вот уже передо мной сидит широко известная в узких кругах Ванесса Гольм, одна из ведущих журналистов «International Military Review». Ее еженедельные хэштеги расходились в Гипернете миллионами лайков и перепостов.

– Добрый день, мистер Рыкоф, – улыбнулась она, продемонстрировав ярко-белые зубы. При желании, я тоже мог бы порадовать ее подобным качеством своих, но воздержался.

– Я не столь оптимистично смотрю на мир, так что просто здравствуйте, – отозвался я.

Ванесса вежливо продублировала улыбку, откликаясь на мой непритязательный юмор, привычным, видимо, жестом поправила локон, спадавший на лоб, закинула ногу на ногу и, посмотрев куда-то за мое плечо, прикоснулась к уху. В нем, скорее всего, уютно устроилась бусинка наушника, а в кабинете находился кто-то из помощников или редакторов, которого я, естественно, не видел.

– Очень рада, что вы наконец откликнулись на многократные просьбы нашего издания об интервью. После конференции в Лондоне, где вы объявили об уходе с поста президента компании, мы не успеваем очищать почту от требований читателей поведать подробности этого эпохального события. Мы…

– Я уверен, что вы как никто сможете удовлетворить их тягу к информации, мисс Гольм, – приподнял я руку, останавливая поток благодарностей. – Однако у нас с вами не так много времени, поэтому, если вы не против…

– Да-да, – закивала та и, взяв с невидимого стола планшет, пару секунд всматривалась в экран, чуть заметно шевеля губами, будто проговаривая про себя первый вопрос.

– Если я не ошибаюсь, – взглянула она на меня, – ваше последнее интервью состоялось больше пятнадцати дет назад.

Я кивнул. При уровне развития современных медиа и

затратах компании на рекламу и PR-услуги, я давно уже не чувствовал потребности в общении с акулами вирталатуры. Но отход от дел – серьезное событие, так что в целях поддержки Аллена в роли новоиспеченного президента я сделал исключение для «International Military Review». Свою роль, конечно, сыграла и ожидавшая меня операция.

– Поэтому, если вы не против, – продолжила Ванесса, – сегодня я бы хотела, прежде всего, уделить внимание вашей биографии. Ведь вы, не побоюсь этого слова, настоящая легенда в мире частных военных услуг. Ни одному из руководителей десятки крупнейших компаний в этом бизнесе нет и шестидесяти, а вам два месяца назад исполнилось девяносто три года, пятьдесят из которых вы возглавляете «*Military and tactical Resources Inc.*»

– Не против, – кивнул я. – Сегодня подходящий день для воспоминаний. Вы даже не можете себе представить, насколько.

Ванесса улыбнулась и, заглянув в планшет, продолжила.

– Итак, вы родились в мифическом для меня, да и для большинства наших читателей наверняка тоже, государстве – Советский союз, и звали вас тогда Петр Рыков. Может быть, скажете пару слов о том, что же это была за страна? Такая ли ужасная, как сейчас пишут в учебниках истории?

– Я мало что помню о Союзе, – пожал я плечами. – Семья эмигрировала за год до его распада, когда мне было всего десять, так что вскоре советский мальчик Петя Рыков исчез, а вместо него появился гражданин США Питер Рыкоф.

– И в 2001-м вы заключили контракт с армией США, – кивнула Ванесса, – и вступили в ряды знаменитого Корпуса морской пехоты. А чем было вызвано такое решение?

– Америка стала мне родиной. Я считал обязанным отблагодарить ее за заботу обо мне и о моей семье, особенно после одиннадцатого сентября.

Получилось вроде бы неплохо, хоть и немного выспренно. Но не рассказывать же ей о разговоре по душам с окружным прокурором после истории с угрозой оружием тому парню на стоянке. В конце концов, стоит признать, что условия прокуратуры, при которых мне не будет предъявлено обвинение, направили меня по правильной дороге. В целом.

– А уже в 2003-м, – продолжила Гольм, – вы, в составе Второй экспедиционной бригады морской пехоты, приняли участие в операции «Иракская свобода», когда объединенные силы США и их союзников вторглись в Ирак. Тот самый, который тридцать лет назад стал яблоком раздора между Турецким халифатом и Иранским имаматом. Можете ли вы сравнить эти два конфликта

по интенсивности боевых действий?

– Могу лишь сказать, что в 2003-м мы наступали очень быстро, – усмехнулся я. – Во втором случае такого превосходства одной из сторон над другой не было и в помине.

– В 2004-м вы, в чине сержанта, продлили контракт и после обучения в Школе спецопераций морской пехоты продолжили службу в составе Сил специальных операций ВМС на территории Афганистана, – выдала Ванесса следующий этап моей карьеры. – А что побудило вас продлить срок службу?

«Свод законов штата Нью-Йорк», мог бы ответить я, но сдержался. «Потому, что не мог бросить боевых побратимов» – слишком пафосно, да и каким мне, к примеру, побратимом был тот сукин сын, Мэтью Флури? «Потому, что мне нравилось убивать» – не пропустит Воронов: на следующий день после такого интервью акции компании упадут на пару процентов.

– В армии достойно платили, – наконец ответил я. – И обеспечивали возможность учиться. А я хотел учиться, как мало кто из Корпуса.

– А правда, что в 2006-м вы принимали участие в операции «Горный прорыв» против исламской группировки «Талибан»? – спросила Ванесса.

– Был такой эпизод в моей биографии, – кивнул я и непроизвольно потер правое плечо, куда почти семьдесят лет назад угодил осколок мины.

– Возможно, вы воевали в тех же местах, где в свое время получил ранение в ногу знаменитый доктор Ватсон, – с воодушевлением заметила она и пояснила, увидев мой недоуменный взгляд. – Не обращайте внимания. Просто у нас рекламный контракт с «Врачами без границ», так что мне нужно упомянуть в интервью кого-то из литературных врачей.

– Так, а в 2007-м вы, пройдя подготовку в Офицерской кандидатской школе ВМС, получили первый офицерский чин и продолжили службу в отдельном полку ВМС по борьбе с терроризмом[23]. Это тот самый, который неофициально называют «Морские котики»? – вернулась она к вехам моей биографии.

– Вряд ли бы вы писали статьи для «International Military Review», если бы этого не знали, – улыбнулся я. – Я понимаю, что казаться глупее, чем есть на самом деле – это естественное оружие блондинок, но в данном случае вы перестарались. Давайте продолжим.

– Я всего лишь пыталась расположить вас к себе, – сказала та с ответной улыбкой, отпивая из стакана, поданного невидимой рукой. Я решил, что это неплохая мысль и кивнул Гербу на

бутылку «Dalmore» шестидесятилетней выдержки.

– Кстати, – сказала Ванесса, – мы пытались отыскать ваши цифрографии той поры, – тогда они еще назывались фотографиями, кажется, но смогли найти только одну. Думаю, что ее сделали в 2013 г. – Она махнула рукой в сторону невидимого помощника и правее ее головы в воздухе возникло изображение бравого вояки в форме Корпуса: плечи расправлены, твердый подбородок выдвинут вперед, на загорелом лице выделяются ярко-синие глаза. На левой стороне кителя – наградные планки Креста черной вдовы[24], Серебряной звезды и Пурпурного сердца с двумя дубовыми ветвями[25]. Фуражка скрывает военную стрижку. Сердце кольнуло. Да уж, ничто так не напоминает о бренности бытия, как старые фотографии.

Правда, на цифрографии с Алленом, сделанной месяц назад, внешне я выглядел тоже ничего: вряд ли сторонний наблюдатель, не знающий кто я такой, дал бы мне больше шестидесяти. Лицо изрезали мужественные морщины, вместо короткой военной стрижки – густая шевелюра с благородной патиной седины. Плечи все также расправлены и чувствуется военная выправка – в общем, доктора из китайской клиники, где я раз в год прохожу курс физиотерапии, свое дело знают твердо. Вот только, как говорится, форма не всегда соответствует содержимому.

– Ваши источники ошиблись, – покачал я, наконец, головой. – Вряд ли она сделана раньше 2011-го. – К такому выводу я пришел, покопавшись в памяти, учтя количество ветвей на Пурпурном сердце и отсутствие честной-пречестной медали[26].

– Ах, да, – чуть ли не промурлыкала Ванесса. – Значит, слухи о том, что Медалью чести вас наградили именно в 2011-м, за операцию «Копье Нептуна»[27], правдивы?

Вот чертовка. Я с уважением взглянул на девицу, только что обставившую меня. Конечно, сейчас, спустя шестьдесят лет, никому нет дела до того, кто участвовал в той операции. Но Ванесса с уверенностью может положить монетку в копилку, поскольку до сих пор никто с уверенностью не мог утверждать о моей причастности к тому делу. Даже палестинцы из «Исламского джихада», пытавшиеся найти исполнителей.

– Что ж, если вы напишите это в статье, я, пожалуй, не стану это опровергать. Давайте я продолжу вместо вас, чтобы поскорее покончить с официальной частью. Итак, в 2013-м я, в звании капитана, прошел курс обучения в Университете Сил специальных операций, после чего в течение семи лет служил в составе Командования сил специальных операций Корпуса морской пехоты США. В 2020-м подал в отставку в звании полковника.

– А правда, что вы принимали участие в разработке и осуществлении в 2017-м операции «Расколотое небо», когда был уничтожен иранский завод по производству оружейного плутония? – подавшись вперед, так, что недлинная юбка, натянувшись, приоткрыла гладкую круглую коленку, – спросила Гольм.

– Без комментариев, – усмехнулся я. – Точно также, как и причина моей отставки.

– Приблизительно этого я и ожидала, – обиженно надула та губки. – Впрочем, – оживилась снова она, – могу ли я предположить, что ваша отставка связана с женитьбой на Веронике Стайл?

– Предположить имеете право, – пожал я плечами. – Только сразу предупреждаю – мою личную жизнь мы не обсуждаем. Все-таки ваш журнал называется не «Светские беседы».

– А что вы скажите о вашем участии в проекте «Zero»? – спросила Гольм. – Интернационального спецподразделения, созданного ведущими державами для обеспечения безопасности ядерных объектов?

– Обещаю вам ответить на этот вопрос, как только вы предъявите мне хотя бы одно доказательство существования такого подразделения, – снова усмехнулся я. Перед глазами всплыло лицо Матвея Тузова. Интересно, что с ним сейчас и где он? Да и жив ли вообще?

– И вы будете отрицать, что имели какое-либо отношение к освобождению подводной атомной станции, обеспечивающей работу добывающих платформ на шельфе моря Лаптевых и захваченной террористами из «Искр Единого» в 2022-м? – иронично спросила Ванесса.

– Буду, – кивнул я. – До тех пор, пока…

– Знаю, знаю, – прервала она меня. – Ну, хорошо, – Гольм снова заглянула в планшет.

– Итак, в 2023-м вы создали частную военную компанию «*Military and tactical Resources Inc*». Знаете, мистер Рыкоф, в вашей биографии много туманных пятен, но это событие, пожалуй, одно из самых загадочных. Ведь вы, несомненно, не обладали достаточными финансовыми возможностями для создания подобного рода компании. – Ванесса стрельнула в меня глазами и запустила пробный шар:

– Говорят, что к финансированию первоначальной деятельности «MTR Inc» приложили руку такие оружейные бароны США, как «U.S. General Dynamics» и «Food Machinery Corporation», а политическую поддержку вам оказали ряд сенаторов и конгрессменов от Республиканской партии? –

Парящие над ней портреты Паоло и Матвея оживились, оба замахали руками.

– Без комментариев, – пожал я плечами.

– Господин Рыкоф, дайте мне хоть что-нибудь, – изобразила Ванесса расстройство чувств. – Это ведь, в каком-то смысле, ваше ключевое интервью, подводящее черту под пребыванием на посту президента компании.

– Госпожа Гольм, – мягко сказал я, – я всего лишь пытаюсь сделать так, чтобы это интервью не подвело черту под вашей работой в средствах медиа. Поверьте, есть вопросы, которые больше навредят вам, чем мне. А «жареные» факты, коль вы их так хотите, вы еще сегодня услышите, обещаю.

– Хорошо, – приободрилась та. – Тогда пойдем дальше. Итак, думаю, не ошибусь, если скажу, что в первые восемь лет основным заказчиком вашей компании выступал Пентагон, поручая преимущественно полицейские и специальные задачи на территориях, находящихся под контролем армии США.

– Верно, – кивнул я.

– Но в 2031-м вам удалось сотворить настоящую сенсацию: по решению Совета безопасности ООН, на «*Military and tactical Resources Inc*» возложили задачу по обеспечению безопасности гуманитарных конвоев на территории Новой Мексики. Как вам это удалось?

– В то время, после раскола, на большей части территории Мексики царил настоящий хаос, – я отпил виски из стакана. – В то же время, если вы помните историю, в США разразился тяжелый кризис, связанный с жесткой политикой администрации Рэя Карвера, краеугольным камнем которой был принцип невмешательства в дела иностранных государств. Но, кроме армии США, в обоих Америках не существовало иных государственных структур, способных взять на себя эту ношу. Так что, можно сказать, моя компания оказалась в нужное время в нужном месте. Тогда же, предвосхищая ваш вопрос, мы заключили удачный контракт с финансово-промышленной группой «Rare Earth Rare Metals Swenson Group Corp» на охрану иридиевых рудников в ЮАР. В какой-то мере, эта удача явилась следствием решения ООН.

– И эти два контракта, – кивнула Гольм, – принесли «MTR Inc» миллиарды и позволили вступить в борьбу за лидерство на рынке частных военных услуг.

– В общем, да, – кивнул я.

– А теперь, – Гольм хитро улыбнулась, – что касается «жареных» фактов. В 2033-м вы заключили еще один удачный контракт, с транснациональной «Hong Kong Banking Corporation»

на обеспечение безопасности отделений корпорации в нескольких крупных городах Анголы.

Паоло и Матвей поскучнели, я вздохнул.

– При этом годом раньше, – продолжила Ванесса, подглядывая в планшет, – специальным решением Международного валютного фонда Ангола была передана под внешнее управления «НКВС», взявшей на себя погашение обязательств страны перед иностранными кредиторами.

– Вы хорошо подготовились, – ухмыльнулся я. – Только я бы не назвал контракт удачным.

– Наверно, потому, – улыбка Ванессы приобрела хищные очертания, – что спустя год в Луанде, столице Анголы, вспыхнуло восстание местного населения против финансистов из «НКВС»? Вы лично отдали приказ стрелять по восставшим и в ходе подавления бунта вашими людьми было убито, по разным оценкам, от пяти до десяти тысяч горожан.

– Вряд ли вы найдете здесь сенсацию, – слабо звякнули кусочки льда в стакане и я протянул его Гербу для второй порции. – С 2035-го по 2040-й в Международном уголовном суде в Гааге слушалось дело по обвинению меня в преступлениях против человечности. Меня оправдали по всем пунктам.

– И ваше оправдание ознаменовалось новыми миллиардными контрактами, – с иезуитской улыбкой кивнула Гольм. – Я понимаю: еще бы, за пять лет, которые длилось дело, вы получили воистину мировую известность. Такую, что в 2045-м, по оценке нашего журнала, ваша компания занимала треть рынка частных военных услуг, а шесть лет спустя, поглотив знаменитую «Academi»[28], стала самым крупным игроком в этом бизнесе.

– Я бы посчитал это небольшой компенсацией за годы уголовного преследования, – откинулся я на кресло, подставляя спину волнам массажера. – И за понесенный материальный ущерб, – внутри заурчало, неприятно сжался желудок.

– И за моральный вред тоже? – с показной невинностью спросила Ванесса. – Я имею в виду прозвище, которым вас тогда награждали многие медиа: Ангольский палач, если не ошибаюсь?

Я вдохнул сквозь зубы, как от внезапного тычка в бок. Бардзини что-то гневно забормотал, и Воронов скривился, словно укусив лимон. Вопрос ниже пояса – его промашка. О прозвище, вытащенном сейчас Гольм из нафталина прошлого, забыли лет через десять после окончания судебного процесса. Еще бы не забыть, особенно если вспомнить усилия, приложенные мной для этого.

Сотни миллионов ушли на гонорары адвокатов, ежегодно предъявляющих десятки исков любому изданию, упомянувшему

Ангольского палача. Больше миллиарда было потрачено на прямой подкуп редакторов, чтобы неполиткорректное, по отношению к уважаемому, оправданному судом члену общества, высказывание было вырезано из статьи или голофильма. Миллионы тратились ежегодно на мониторинг Гипернета и замусоривание специальными бригадами любого форумного топика или хэштега, где всплывали события в Луанде и мое в них участие. В результате, уже лет двадцать прозвище в связке с моим именем не всплывало, и вот на тебе.

– Люди часто бывают несправедливы к тем, кто добился какого-то успеха, – наконец сказал я. – Да и вообще, разве есть что-то в нашей жизни, что определенно можно назвать черным или белым? Ангольцы называют меня палачом, а в Гонконге дети и внуки сотрудников «НКВС», спасенных моими людьми, до сих пор называют сыновей Питером.

– Но сотрудников там было не больше тысячи, – сказала Ванесса. – А ангольцев было убито больше восьми тысяч.

– А если бы среди той тысячи были ваши родители? – спросил я. – Ваша мать ведь из Гонконга, если не ошибаюсь?

– То есть, в случае необходимости, вы бы и сейчас поступили точно также? – проигнорировав мой вопрос, спросила Гольм, в погоне за «жареным».

– Безусловно.

Ванесса победно улыбнулась – будет, чем порадовать читателей, а я лишь глотнул виски, представляя ее лицо, когда редактор вырежет из статьи малейшие упоминания об Анголе и моем прозвище.

– Я бы хотела еще поговорить о 2052-м, – заговорила она вновь. – Тогда решением ООН было отменено распространение Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, обучением и финансированием наемников, на сотрудников частных военных компаний. В результате, следующие двадцать лет стали настоящим расцветом рынка военных услуг. Правда ли, что это решение во многом появилось благодаря вашим усилиям?

– Я тогда выступал исключительно в роли консультанта, – пожал я плечами. – И уверен, что другого выхода у них не было. Вы, как журналист, должны помнить, сколько возникало в то время конфликтов. Иранский имамат распадался, разные ветви саудитского королевского дома воевали за власть, коалиция восточноевропейских государств распалась и погрязла в территориальных спорах, Япония и Тайвань предъявили претензии на прибрежные провинции Китая… Я уж молчу про Африку. Так что у ООН не было другого выхода, кроме как

позволить вступить в игру транснациональным корпорациям. А те, в свою очередь, для защиты своих интересов, нуждались в частных армиях. Всего лишь колесо истории.

– Но ведь колесо можно подтолкнуть или подмазать, – заговорщицки подмигнула Гольм, – не так ли? – По подсчетам «Military Review», за последние двадцать лет более ста двадцати государств, не считая приватных корпораций, обращались за услугами к той или иной частной военной компании. И львиная доля контрактов досталась вашему детищу. Назовем это совпадением.

– Отличная формулировка, – кивнул я. – Но зря вы намекаете на то, что я пользовался какими-то обходными путями для получения контрактов. Объяснение очень простое: я создал лучшую частную военную компанию со времен кондотьеров. И еще: я никогда не нарушал заключенный контракт или данное кому-либо слово. Так что любому заказчику контракт с «MTR Inc» давал больше, чем просто безопасность. Он давал уверенность в завтрашнем дне.

– Вы сейчас говорите совсем как управляющий моего пенсионного фонда, – улыбнулась та.

– Возможно. Только от пенсионного фонда зависит, получите вы деньги или нет, а от меня, зачастую, зависела жизнь заказчика, – откликнулся я. – И моих людей, безусловно.

– Хорошо, – пробормотала смущенно Ванесса, снова склоняясь над планшетом. – Мы разместили на нашем сайте опрос, какой из контрактов, заключенных частными военными компаниями за последние двадцать лет, запомнился читателям больше всего. Думаю, вам будет интересно узнать, что четыре позиции из первой пятерки лидеров – это контракты «MTR Inc». – Она посмотрела на меня с немым вопросом. Я кивнул.

– На пятом месте, – начала читать она, – уничтожение в 2058-м пиратских баз на побережье Сомали, Кении и Танзании, по решению ООН. На третьем – соглашение в 2055-м с правительством ЮАР на подавление сепаратистского движения белого меньшинства, возглавляемого Алексом Манделой. На втором – контракт 2061-го, когда ваша компания получила заказ от ЮАР же на обеспечение безопасности алмазных месторождений. Знаменитый тем, что вам пришлось вступить в противостояние с израильской «Defensive Shield», заключившей аналогичный контракт с Намибией.

– Давайте побуду в роли прорицателя, – прервал я ее, – и предположу, что на первом месте – мое соглашение пятнадцатилетней давности с правительствами Франции и Алжира о поддержке Иностранного легиона в его противостоянии

с мятежниками из исламской «Ансар аш-шариа».

– Угадали, – кивнула та и снова бросила шар. – Это когда вы оказались в эпицентре скандала с исчезновением в неизвестном направлении золотовалютного запаса Алжира. – Голова Бардзини, жующая бутерброд, напряглась, щеки заволновались, кадык заходил в попытке мгновенно проглотить ломоть лосося.

– Ну, – развел я руками, – скандал – это одно, а доказательства – совсем другое. Уверяю вас – несчастные четыреста тонн золота – это совсем не то, что может сподвигнуть меня на противозаконные действия. Каких-то сорок миллиардов по старому курсу. Так и запишите. И еще добавьте, что служба безопасности моей компании принимает самое активное участие в розыске виновных. Я верю в то, что мы их найдем – и покараем. Вот так прямо и напишите.

Голова Воронова закивала, гарантируя, что именно так в статье и будет написано.

– Знаете, – глаза Ванессы сверкнули бирюзовыми искрами, – а меня, к примеру, больше, чем Алжир, интересует ваш прошлогодний контракт с «Гринпис»… – что с вами?

Спазм где-то в районе печени застал меня врасплох: я охнул от боли и схватился за бок.

– Возраст, – я остановил бросившегося ко мне Анджея и распечатал упаковку крастума. – Похоже, мисс Гольм, ваше время истекло: мне нужно отдохнуть.

– Понимаю, – разочарованно протянула та. – Но, может, ответите на последний вопрос? Это правда, что цель вашей поездки в Токио – посещение медицинского центра корпорации «Церебрум»? Основатель которой, Мацумодо Окадо, утверждает, что им разработан революционный метод омоложения.

– Абсолютная чушь, – ответил я, кашляя. – «MTR Inc» планирует инвестировать в одну из японских оружейных корпораций. А я, как вы знаете, остаюсь почетным президентом компании. Таких на моей первой родине называют свадебным генералом. Всего доброго, мисс Гольм.

Я махнул рукой и Анджей отключил установку. Я устало откинулся на кресло. Ко мне уже спешил Герб с подносом. Я взял с него обычную порцию капсул, сопроводив ее поглощение привычной инъекцией поливитаминов. Подступившая волна боли отошла, оставив после себя послевкусие разочарованного хищника, из пасти которого вырвали жертву.

– Ну что? – посмотрел я на Паоло и Матвея. Те пожали плечами.

– Все в норме, шеф, – нарочито бодро сказал Матвей. – Все проконтролируем – мышь не проскочит.

– Мышь, значит? – я смотрел на него, пока он виновато не опустил глаза. – А ее вопросы про Анголу и палача – это «все в норме»?

– Согласен, – понуро кивнул тот. – Mea culpa.

– Ладно, с этим ты знаешь, что делать. И еще. Дай ей «в темную» информацию о планируемом слиянии «MTR Inc» с «Miroku», скажем. Я знаю, что это не так, – ответил я на его немой вопрос. – Но пусть проглотит кость и забудет про «Церебрум». Ясно? – Матвей кивнул.

– Тогда всем отбой.

Плавающие окошки погасли. Я посмотрел на монитор: до Токио оставалось еще часа два. Неожиданно остро накатило желание остановить капсулу в первом же крупном городе и сесть на ближайший сверхзвуковой рейс до Петербурга. Словно высыхающая на раскаленном песке вода, сьеживалась уверенность в том, что я всё делаю правильно. Последние шесть лет вся моя жизнь была подчинена одной цели – собрать требуемую для операции сумму. Но что, если теория генетического предела действительно лишь фантом? Что, если оцифровка сознания – всего лишь какая-то грандиозная афера? И я сам, собственными руками укорачиваю себе срок, отпущенный природой?

Опять закололо в печени, запершило в горле. Торопясь, чтобы не передумать, я забросил в рот две капсулы снотворного, запил водой и откинулся на спинку кресла, чтобы через пару минут провалиться в темное ничто, не требующее от меня ни каких-либо действий, ни принятия любых решений. На скорости в девятьсот километров в час я несся навстречу собственному выбору…

13

– Пульс в норме.

– Альфа-ритмы в норме. Добавьте два кубика пикамилона.

– Как настроение, Рыкоф-сан?

Я открыл глаза и посмотрел на Накадзиму.

– Спасибо, все в порядке. Если не принимать во внимание эти иглы в черепе.

– Ну, какие же это иглы? – усмехнулся тот. – Всего лишь усовершенствованные электроды, их толщина – меньше человеческого волоса. Необходимы нам, чтобы добраться до ваших нейронов.

Я покосился в сторону здорового хромированного шкафа, в котором можно было видеть мое, сидящее в кресле, нечеткое отражение. За два часа после прибытия в центр меня успели обрить налысо, переодеть в бесформенную белую робу и усадить в кресло, уже виденное мной, в голообразе, в прошлое посещение «Церебрума». Затем больше часа несколько техников колдовали надо мной, обвешивая датчиками и вводя в голый череп эти пресловутые электроды, из-за которых мне все время хотелось почесать лысину, впрочем, сейчас больше похожую на шкуру ежа. Видимо, в предвидении подобных желаний руки были крепко зафиксированы на подлокотниках кресла тугим эластичным бинтом.

– Позвольте представить мою помощницу, – Накадзава посторонился и рядом с ним показалась девушка лет двадцати пяти. Миловидная невысокая брюнетка с круглым лицом, на котором выделялись темные ореховые глаза, и затейливой косой, уложенной вокруг головы. Фигуру скрывал белый халат.

– Бомонт-сан, – сказал японец, – высококлассный специалист, на ее плечах – адаптация клиентов после первой фазы операции и психологическая поддержка на протяжении всего нахождения в клинике.

– Друзья обычно называют меня Амели, – улыбнулась девушка. – Надеюсь, мы с вами станем друзьями.

– Сдается мне, что ваши клиенты рады любому общению, пока сидят внутри своих интелов, – ответил я, ворочаясь в кресле. – Так что новые друзья мне не повредят. Вы француженка, не так ли?

– Бельгийка, – ответила с улыбкой та. – Хотя иногда мне кажется, что все же я родилась во Франции. Между тем, вы зря переживаете, что вам будет тоскливо и одиноко. Если вы когда-нибудь работали с вирт-шлемом или играли в виртале, то

умножьте ощущения, которые тогда испытывали, в десятки, если не сотни, раз, и сможете представить себе возможности, которые перед вами откроются во время пребывания вашего сознания в интеле. Если честно, то я больше озабочена возможностью того, что кто-нибудь из клиентов передумает возвращаться в новое тело и пожелает навсегда остаться в виртуальной Вселенной.

– Вот уж чего-чего, а от меня такого можете не ожидать, – заверил я ее. – Так что с этой стороны я проблем для вас точно не составлю.

– Вот и прекрасно, – улыбнулась девушка. – Но я, собственно, зашла, чтобы сказать несколько слов о том, что вам предстоит. Вы, наверное, знаете, что нейроны, из которых состоит ваш мозг, взаимодействуют между собой с помощью сложных электроимпульсов. По сути, эти импульсы и есть ваше сознание, и…

– Извините, Амели, – прервал я ее. – Я не большой спец в этой области, поэтому просто поясните, к чему вы клоните.

– Перенос сознания – очень тонкая работа, – после секундного раздумья заговорила девушка. – На время операции вас погрузят в особое состояние, транс, облегчающий процесс считывания информации. Это можно сравнить со сном, в котором вам будут сниться очень яркие и правдоподобные картины, основанные на событиях, когда-то произошедших в вашей жизни. Чтобы помочь нам как можно более точно и быстро провести операцию, вы не должны забывать, что это – не ваша реальная жизнь, а всего лишь транс.

– И что будет, если я забуду? – я подозрительно взглянул на нее и стоявшего рядом Накадзаву.

– Абсолютно ничего, – мгновенно заверил тот, хоть и выглядело это наигранно. – Просто операция может затянуться и часть вашей памяти, собственно, и представляющей личность, может быть потеряна. Но вы не должны волноваться, поскольку по всем моделируемым ситуациям, объем потерянной информации не превысит двух процентов.

– Насколько я помню, этого не было в контракте, – чувствуя накатившее раздражение я уставился на японца.

– Если вы желаете, мы можем прервать подготовку, – пожал тот плечами. – Однако тогда нам придется ждать около двух месяцев, пока мы не сможем начать заново.

– Не желаю, – ответил я и откинулся на спинку кресла, дав себе зарок, если переживу операцию, натравить на этого темнилу ребят из «Ross, Litt Specter». Хотя, с другой стороны, кто может поручиться, что после операции я буду о них помнить?

– Не волнуйтесь, мистер Рыкоф, – снова заговорила Амели. –

Программа переноса составлена так, чтобы периодически создавать встряски, которые помогут вам отличить реальное от виртуального и не забыть, где вы и что именно с вами происходит.

– Хорошо, – не открывая глаз, – ответил я. – Если вы готовы, то я – тем более. Давайте начинать.

Ушел ли Накадзава со своей помощницей я не увидел, повторяя про себя, как мантру, фразу: «ты всего лишь спишь, помни об этом…ты всего лишь спишь, помни об этом…».

Откуда-то издалека доносились переговоры в операционной.

– Готовность – код пять. Включайте разрядник.

– Альфа-ритмы?

– В норме.

– Энцефалон?

– Зеленый.

– Синапс-контроль?

– Держим.

– Поехали.

– Запуск нейровизуализации.

Легкое почесывание в моей голове резко скакнуло до зуда, так, что руки непроизвольно рванулись к черепу, в желании расчесывать его до тех пор, пока этот раздражитель не исчезнет, но руки, зафиксированные к подлокотникам, лишь свело конвульсией. Я вжался в кресло, сжал до скрипа зубы и вдруг зуд прошел, а сам я начал словно падать в бездонную пропасть. Я открыл глаза, но вокруг меня была лишь непроницаемая тьма.

– Вводите блокаторы.

– Сдвиг по горизонту.

– Ослабление кардиоритма. Назион – прокол.

– Конвулекс – два кубика.

– Держать давление!

Внезапно тьма вокруг меня разошлась и я ощутил, что падаю. Посмотрел вниз и увидел стремительно набегающую навстречу водную гладь. Через несколько секунд я обрушился в воду и ушел на глубину. Я начал загребать уже почему-то свободными от пут руками, пытаясь выгрести на поверхность, но ничего не получалось. Я рвался вверх, но вода все не кончалась. Грудь сдавило от нехватки воздуха и я с ужасом осознал, что сейчас не сдержусь и вдохну воды, уподобившись Ихтиандру. Значит, это все-таки какая-то афера. Окадо – обычный проходимец, с усмешкой наблюдающий, как глупцы в погоне за вечной жизнью бросают к его ногам сотни миллиардов долларов. И адвокаты наверно в доле. Как глупо, как все глу…

Я умер.

14

– Я на месте.

– Вижу. Загружаю картинку.

На щитке тактик-забрала начала кристаллизироваться схема зала, складываясь из информационных кусочков, собранных за последние полчаса тремя «стрекозами», проскользнувшими в помещение передо мной. На схеме враждебно горели восемь красных огоньков.

– Неплохо, – присвистнул я.

– Не свисти – денег не будет, – откликнулась Минуш.

– Это же не французская пословица. И не американская.

– Дань уважения твоим русским корням.

– Оу, это похоже на флирт.

– Ближе к делу. Загружаю алгоритм. Старт через шестьдесят секунд. «Дракон» – блокировка.

На схеме зазмеились бирюзовые стрелки под номерами, указывающие на патрулирующие двойки боевиков.

– Эй, это как – блокировка? А стрелять я из пальца буду?

– Питер, чем ты слушал на брифинге? В зале – установки электролиза и резервуары с кислородом и водородом. Повредишь любую – и на управляющий интел уйдет аварийный сигнал.

– Да я просто проверял тебя, – я, в задумчивости, хотел почесать голову, но рука наткнулась на гладкую сферу шлема.

– Шутки в сторону. Обратный отсчет – тридцать секунд.

Я подобрался, прокручивая в мыслях предстоящий рывок без права на выстрел. Секунды, мигая в левой верхней четверти забрала, стремительно неслись к точке «0».

– Хаджиме[29], – раздается в ухе голос Минуш.

Я скользящим шагом бросаюсь вперед, огибаю один резервуар, другой. Передо мной, в пяти метрах, первая двойка. Боевики, о чем-то переговариваясь, неспешно идут по привычному маршруту. Я обтекаю их слева, отталкиваюсь от близкой стены, правой рукой наношу рубящий удар в шею одному и по инерции, в развороте, кулаком левой – в кадык второму. Щелкают невидимые и неощутимые разряды внутри экзоскелета и шеи террористов бумагой сминаются под ударами.

– Еси[30], – одобряет Минуш.

Задержавшись на вдох, я продолжаю бег по выверенной траектории. Казалось бы, сотни часов тренировок должны принести уверенность и спокойствие, но каждый боевой выход – как первый. Каждый раз между мной и смертью – всего лишь вечность. Пробежка, тень, поворот, пробежка. Еще двое, идут

широко, между ними около двух метров. Я прыгаю, затылок одного попадает в тиски одиночного нельсона[31], шею второго оплетают ноги, едва заметный нажим и на пол падают три тела, двое из которых уже не дышат.

– Вадзаари[32].

Перекат, толчок от пола и я снова на ногах. Один взгляд на тела и я устремляюсь вперед. Слева и справа мелькают, подмигивая разноцветными огоньками, сенсорные экраны приборных панелей. В стороне, за плавными обводами очередного резервуара, слышится речь. Я вырываюсь из-под тени металлического цилиндра, вижу двоих. Один стоит в метре от меня, второй сидит в нескольких метрах правее, приспособив под стул громоздкий промышленный конденсатор. Я, обхватив первого левой рукой и развернувшись вокруг оси, вытягиваю правую и сжимаю кулак. Из небольших продольных утолщений чуть выше запястья выстреливают три дротика – сердце, глаз, переносица. Сидящий еще только откидывается назад, от ударов карбидо-вольфрамовых стержней, когда шея первого хрустит под моим захватом.

– Кейкоку[33], – в голосе Минуш слышится укоризна. – Полторы секунды отставания по трассе.

Я хлопаю по бедру и чувствую укол: в тело впрыскивается коктейль из поливитаминов, полузапрещенных и запрещенных веществ, разработанный в одной из секретных лабораторий Агентства. Внутри вспухает огненная волна, горяча и разгоняя по жилам кровь, и я молнией срываюсь с места. На шестьдесят пять метров, самый длинный участок по открытой части зала, я затрачиваю меньше четырех секунд. Я оббегаю одну из установок электролиза и уже вижу впереди спины последней двойки боевиков, когда на четверть шага залезаю в сферу действия датчиков движения. По залу прокатывается писк, не такой уж громкий, но для меня он звучит громче сирены воздушного оповещения. Время будто замедляется. Я вижу, как медленно начинают поворачиваться охранники, делаю шаг в сторону, уходя из сектора прямого обзора, и выхожу на траекторию атаки.

Еще со времен старшего Слейва боевики «Искр Единого» отличались профессионализмом. Дай этим двоим пару секунд – и дула автоматов изрыгнут очереди пуль в опасное своей непонятностью призрачное пятно, внезапно возникшее перед ними. Но я не даю им подобной роскоши. Синапсы еще только обмениваются сигналами, от одних нейронов к другим, ладони еще только-только крепче обхватывают оружие в предчувствии выстрела, а я уже обрушиваюсь на последних охранников зала. Кулак вминает в висок первого кевларовую пластину шлема,

вместе с височной костью. Инерция прыжка выносит меня за спину второго. Удар локтем в позвоночник, разворот, захват выгнувшегося от вспышки боли боевика и мощь экзоскелета прекращает агонию террориста также быстро, как до того причинила страдания.

– Иппон[34].

Сердце стучит в ураганном темпе, так что я вкалываю дозу адреноблокатора. Снимаю поясной груз и уже хочу приступить к делу, как из-за ближней емкости с кислородом появляется фигура. Девятый? Откуда? Я срываю из-за спины «Дракон» и только нажав на спусковой крючок, вспоминаю, что он заблокирован. Террорист поднимает свое оружие – автоматический вариант «Вепря», и мне в грудь бьет горячий град…

– С вами все в порядке?

Я очнулся от воды, льющейся на лицо, закашлялся, отплевываясь, вскинулся.

– Тише, тише, – успокаивающе вскинул ладони стоявший в паре метров от меня человек. – Это я, Джеймс. У вас очередной провал. Вспомните. «Церебрум», операция, оцифровка сознания…

Постепенно бег испуганного сердца успокаивался и я действительно вспомнил.

Вытер воду с лица, осмотрелся. Вершина холма, на которой мы устроились на очередную ночевку, освещена багровыми отблесками углей. Над головой – звездный небесный купол с незнакомыми созвездиями. Синие колючие точки уже начали бледнеть в преддверии близкого рассвета.

Я опустился обратно на спальник, подкинул в угли несколько веток, взглянул на Джеймса:

– Все в порядке. Спасибо. – Он, кивнув, сел прямо на землю по ту сторону занявшегося костра.

Я сидел, глядя в пламя и размышляя. Когда после начала операции я почувствовал, что попал в водоворот, захлебываясь в ужасном предчувствии смерти, последней мыслью было, что Окадо – обычный мошенник, в сговоре с адвокатами клиентов облегчающий их карманы от миллиардов, а затем убивающий под видом оцифровки сознания.

Но я пришел в себя на берегу реки. Нижняя часть тела болела от впившихся в кожу камешков, верхнюю же припекало солнце. Встав на ноги, я обнаружил, что абсолютно гол, а тело мое мало походило на то, которое усадили в операционное кресло, казалось, минуты назад. Под гладкой молодой кожей перекатывались валуны мышц. На теле был единственный шрам, на правом предплечье – память о потасовке на школьном

выпускном, закончившемся поножовщиной. По всем признакам, мое физическое состояние можно было оценить лет на двадцать. Никаких болевых ощущений внутри, лишь через час или два в желудке заурчал голодный спазм.

К тому времени, буквально в десяти метрах от места, где меня выбросило на берег, я обнаружил пакет с вещами и тяжелый туристический рюкзак. Все это напоминало дни, когда мы с отцом путешествовали в Аппалаччах. Неширокая река бежала вниз по долине, склоны которой скрывались под покровом леса. Я облачился в камуфляжный комбинезон, обулся в тяжелые берцы и надел на левое запястье часы со стрелкой компаса. В рюкзаке оказались палатка, спальник, газовая горелка с баллоном пропана, запас еды – в основном, консервы – и еще масса вещей, необходимых туристу в походе.

Разведя костерок и разогревая фасоль с мясом, я обдумывал ситуацию. В голове то и дело всплывали слова Амели: «*…это можно сравнить со сном, в котором вам будут сниться очень яркие и правдоподобные картины, основанные на событиях, когда-то произошедших в вашей жизни. Чтобы помочь нам как можно более точно и быстро провести операцию, вы не должны забывать, что это – не ваша реальная жизнь, а всего лишь транс…*».

И что же это значит? Что я сейчас одновременно сижу в операционном кресле и здесь, на берегу горной реки? И все это – вода, лес, горные склоны – всего лишь набор электроимпульсов у меня в голове? И что же мне делать? Сидеть на месте? Но что обозначал снаряженный для похода рюкзак? Я подозревал, что любое событие здесь, в этом странном межмирье, между ничем и нигде, имеет свой смысл и влечет за собой определенные действия.

Пока я размышлял, доедая фасоль, стемнело. Я поднялся подкинуть веток к костер, мимоходом обернулся, взглянул против течения реки и застыл. Вдалеке, на горизонте, поднималось зарево, будто пылал гигантский пожар. Сразу вспомнились слова Накадзавы о выжигании нейронов. Выходило так, что особых вариантов у меня не было, так что с рассветом я двинулся вдоль течения реки, спускаясь вместе с ней из горных теснин.

На пятый день пути я вышел на бескрайнюю травянистую равнину и встретил Джорджа.

15

– Когда мы уже доберемся хоть до чего-нибудь? – тоскливо спросил я, особо не надеясь на ответ.

– Все зависит от вас, – пожал плечами Джордж. – Мы ведь уже говорили об этом.

Я смотрел на его лицо, которое постоянно, казалось, менялось в игре ночных теней и отблесков костра. Я часто пытался вытащить из памяти его образ – ведь, если я путешествовал по собственному сознанию, то должен был встречать исключительно то, что когда-либо видел. Но ничего не получалось: как я не силился, не мог вспомнить. В то же время, его отдельные черты иногда казались мне знакомыми, словно виртуальный Франкенштейн взял нос от одного моего знакомого, голову от другого, руки от третьего и слепил нового человека.

* * *

Прошло уже полдня, как я вышел из предхолмья гор и шел по равнине, вдыхая густой травяной запах. Подсознание выкидывало странные штуки. Меня окружала трава, густая, высокая – почти по пояс, и пахнущая почему-то яблоками. Едва я позволил себе расслабиться после часа ходьбы, как справа, в десятке метров, гулко хлопнуло, будто парус от порыва ветра и, обдав волной горячего воздуха, из травы величаво взмыла огромная ярко-синяя бабочка. Распахнув метровые крылья, с которых на меня, не мигая, пристально смотрели сотни глаз-пуговиц, она неспешно, воздушным скатом, заскользила куда-то по своим делам.

Чем дальше я углублялся в это зеленое море, тем более фантасмагоричный вид принимал окружающий мир. Вот бледно-фиолетовым пятном проскакал кролик, неторопливо прогудели, над душистыми соцветиями, тяжелые от нектара, большие, величиной с ладонь, пчелы. Выйдя на небольшую полянку, я уже прикидывал, где останавливаться на дневной отдых, когда вдруг ощутил вокруг давящую тишину. Исчез ветер, колышущий волнами травяную гладь. Солнце будто замерло в вышине. По спине пробежал холодок в предчувствии опасности. Позади послышался шелест.

Я медленно обернулся и замер. Раздвинув высокие стебли, на меня смотрел тигр. Я видел лишь его голову: тяжелую, крупную, с прижатыми ушами. Пасть раздвинулась, обнажая белоснежные клыки, между которых свесился алый язык. Зверь зевнул,

распахнув глотку во всю ширь, встопорщил усы и мягким кошачьим шагом двинулся вперед. Я медленно потянул за рукоятку ножа, свисавшего в ножнах с правого бедра. Хищник, остановившись в паре метров от меня, смотрел желтыми глазами и бил хвостом по телу.

– Шива, фу. – Трава снова зашуршала и на поляну вышел мужчина лет сорока. Среднего роста, плотно сбитый, с широкой грудью и сильными руками: под обтягивающей торс футболкой бугрились мышцы. С загорелого до черноты и обветренного лица на меня с прищуром смотрели ярко-синие молодые глаза. Приплюснутый, видимо, не раз сломанный нос, прятался в изрезанных, словно выточенных ветрами горных ущельев, морщинах.

– Это моя тигрица, – сказал он подходя ко мне и отряхивая ладони. – Без команды и шагу не сделает. Меня зовут Джеймс. Я ваш шерпа. Проводник.

Сколько я потом не разговаривал с Джеймсом, следы и причины его появления здесь, в моем междумирье, терялись в тумане. Он знал, кто я, мог воспроизвести факты из моей биографии месячной давности, в том числе, того дня, когда меня посадили на операционное кресло, но и только. О себе он не знал ничего, кроме уверенности, что его призвание – оберегать меня. От чего именно, он сказать не мог. Его тигрица оказалась добродушным и покладистым зверем, позволяя иногда чесать себя под челюстью. Когда у нас кончились запасы еды из рюкзака, она добывала разнообразную живность, охотясь по ночам и притаскивая утром к холодному костру тушки кроликов или небольших оленей, похожих на пампасных, на каких я охотился в Аргентине.

Через два дня совестного путешествия меня настиг первый приступ. Уснув на очередном ночном привале, я проснулся в казарме учебного лагеря Корпуса в Пэррис-Айленде, под пронзительный свист сержантских дудок. Самым медлительным инструктора придавали ускорение мощностью в один пинок. Взвод «Чарли» выгнали на полигон и начали с двухмильной пробежки в полной выкладке. Затем перешли к преодолению километровой полосы препятствий, продолжили поднятием ящиков с боеприпасами и закончили маневрированием под условным огнем в специально оборудованной зоне. Обычно после столь энергичных тестов мы возвращались в лагерь, чтобы после отдыха и обеда перейти в стрелковый тир, но не в этот раз. Все началось по новой – марш-бросок, ящики и маневрирование. И опять все заново. На четвертом круге я не выдержал и потерял сознание. В себя я пришел от воды, которой меня поливал

Джеймс.

После этого, практически каждую ночь, я погружался в те или иные события своей жизни, полностью захватывающие меня невидимой паутиной. Если бы не Джеймс, я давно бы утонул в этой трясине воспоминаний. Возможно, он и был тем обещанным Амели триггером, который периодически должен меня встряхивать, не давая забыть, что это не реальная жизнь, а всего лишь сумеречные отзвуки деятельности моих нейронов? Если помнить, что я находился внутри собственного сознания, то как же можно было назвать эти сны? Вторым слоем? Подсознанием?

Поневоле напрашивался вопрос: есть ли еще какие-то слои ниже и что будет, если во время одного из таких «плаваний» я соскользну еще глубже? Сможет ли вытащить меня Джеймс? Однажды ему не помогла даже вода и из кровавого боя на Хайберском перевале меня смогла вытащить только Шива, вылизывая лицо своим горячим шершавым языком, пока я не пришел в себя, уверенный, что «Вайперы»[35] с «Чинуками»[36] уже не подоспеют и взвод, вместе со мной, весь ляжет здесь, в горах Афганистана.

16

– Выступаем.

Я оглянулся назад, где все также пылало далекое зарево. Наш поход длился уже почти месяц, за который я успел отрастить бороду. Мы пересекли равнину, вступили в страну холмов и озер и впереди на горизонте замаячили белые, словно осыпанные сахарной пудрой, верхушки гор. Гигантский пожар позади нас не догонял, но и не отступал. Однажды мы задержались на одном месте два дня и тогда зарево стало явственно ближе, чтобы снова отступить, как только мы снялись со стоянки.

Мы шли по привычным уже холмам – я впереди, Джеймс за мной. Шива рыскала где-то перед нами, распугивая живность и иногда мелькая в травяных зарослях черно-рыжим пятном. Я не раз уже обсуждал с Джеймсом, как долго нам еще предстоит путешествовать. По моему личному времени прошел уже почти месяц, но сколько прошло в реальном времени? Сутки? Час? Минута? Джеймс придерживался мнения, что продолжительность нашего похода зависит исключительно от меня. Только я – хозяин собственного сознания, могу определять, что и на каком расстоянии находится в этом мире.

По его словам выходило, что для окружающего нас мира я – некий Демиург и достаточно мне лишь пожелать, чтобы в руки упала жареная утка. Но я был далек от его оптимизма. Пару раз я добросовестно уделял два-три часа на ночном привале медитации и материализации мысли: представлял какой-нибудь предмет и усиленно пытался воплотить его из воздуха. Естественно, все заканчивалось ничем, после чего Джеймс заявлял, что я просто не верю в собственные силы и именно из-за этого не могу приблизиться к цели нашего путешествия.

– По-моему, горы стали гораздо ближе.

Мы стояли на вершине очередного холма и рассматривали линию горизонта.

– Да, – кивнул Джеймс и с удовлетворением взглянул на меня. – Вот видите. Как только вам действительно стало нужно, все сразу получилось.

Его слова вселяли надежду. И вправду, еще совсем крошечные утром, сейчас горы придвинулись, выросли и уже были видны не только вершины, укрытые снежными шапками, но и черные каменные склоны. Если бы дело происходило в реальном мире, я бы предположил, что до них максимум пару дней пути, но, как показывал опыт прошедших недель, это все было гаданием на кофейной гуще.

Я обернулся назад.

– Хм, наш вселенский костер тоже, похоже, все ближе. – Джеймс, последовав моему примеру, согласно кивнул. Отсветы в облаках, розовые утром, налились зловещим багрянцем. Где-то на пределе видимости можно было рассмотреть веселые искорки. Правда, если соотнести их с расстоянием, отделявшем от нас, и представить истинные размеры, по спине пробегал холодок. Непонятно откуда пришло ощущение, что сегодня все закончится. Вот только совсем не было уверенности, что хеппи-эндом.

Перекусив холодными остатками оленины и напившись озерной воды, мы двинулись дальше. С каждым преодоленным километром горы становились ближе и уже через три часа стало ясно, что наша цель, какой бы она ни была, близка. Холмы закончились и мы вступили в каменистые предгорья, заросшие низким кустарником. Словно подтверждая уверенность Джеймса в моих силах, буквально через полчаса мы наткнулись на тропинку: петляя, она уходила в сторону снежных вершин.

Подчиняясь ее прихотливым изгибам, мы двинулись вперед и чем дальше, тем выше и чернее становились близкие уже каменные массивы. Они нависали над нами, безмолвно угрожая своей неприступностью. После окончания военной карьеры я ни разу не был в горах, так что не мог с точностью оценить их высоту, но отчего-то был уверен, что они гораздо выше Гималаев или Гиндукуша.

К вечеру мы вышли к подножию пологого, усыпанного мелкими камнем, склона. Тропинка уходила вверх, теряясь в наступившем сумраке.

– Надо идти дальше, – сказал я, обернувшись и рассматривая горизонт позади нас. Вчерашние искорки превратились в огненные столбы, пыхающие тяжелыми черными клубами дыма. Пару часов назад к картинке присоединился звук: низкий мрачный гул, громыхающий разрывами невидимых снарядов, толкал нас в спину, заставляя поторопиться.

– Как скажете. – Джеймс встал рядом. Он, казалось, даже не запыхался, тогда как у меня ноги уже изрядно гудели. В бедро ткнулась лобастой головой Шива. Морда была вымазана в крови – следы удачной охоты. Я сбросил на землю тяжелый рюкзак – судя по всему, он мне уже не понадобится, забрал из него только флягу с водой, повесил на пояс и двинулся вверх по склону, выглядывая в сгустившейся тьме тропинку.

За следующие три часа мы поднялись примерно на километр и вышли на широкий гребень, обсаженный невысокими кедрами. Позволив себе лишь получасовой отдых, двинулись дальше. Громыхание за спиной становилось все громче. Шива уже не

убегала вперед, а жалась ближе к нам, словно ощущая опасность. Вдруг сзади ударил горячий ветер, подобно тому, как мчащийся по туннелю поезд гонит перед собой волну воздуха. Я обернулся и обмер. Все пространство, от горизонта до горизонта, занял огромный пылающий фронт, надвигающийся на нас с неумолимостью налогового инспектора. От тяжести ветра гнулись деревья, крутились пылевые столбы.

– Вперед! – перекрикивая ревущий ветер, я махнул рукой и мы прибавили шаг. Сейчас нам помогал тугой воздушный поток, толкающий в спину. Гребень горы постепенно поднимался выше, деревьев становилось меньше и в конце концов мы выбрались на облысевшую площадку, раздавшуюся в стороны.

Я снова обернулся. Стена пламени, казалось, уже затопила всю равнину и часть склона, ежесекундно пожирая оставшееся пространство. Воздух был такой горячий, что выступающие капли пота сразу же испарялись, оставляя после себя сухую кожу.

Я бросился через площадку и еле успел остановиться: буквально через двадцать метров камень заканчивался обрывом, словно некий гигант разрубил горный хребет надвое. Порывы ветра толкали меня вперед, я пятился назад, ухватившись за случайный ствол кедра, изогнувшийся над пропастью. Я лишь на мгновение заглянул за ее край и сразу отпрянул. Далеко внизу виднелась река раскаленной лавы. Мы трое – я, Джеймс и Шива, очутились в ловушке. Впереди ждал обрыв, сзади надвигался огненный шторм.

С немым вопросом я взглянул на Джеймса.

– Ваше будущее – впереди! – закричал он, пытаясь перекричать рев воздушных масс. Вцепившись в кедр, я застыл на краю пропасти, пытаясь понять, что делать, то оборачиваясь назад, то заглядывая за обрыв. Шива, жалобно взрыкивая, иногда срываясь на кошачий мяв, смотрела на приближающуюся стену пламени, словно пылесосом всасывавшую в себя кислород. Джеймс явно считал, что моя цель лежит впереди, но что мне делать? Кидаться в пропасть? Все мое естество, подстегиваемое инстинктом самосохранения, бунтовало. Но останься я на месте, через считанные минуты меня – нас троих – поглотит огненный водоворот.

Джеймс что-то кричал, но в окружившем нас реве я уже ничего не слышал. В конце концов, на одну из чаш весов камешком упала мысль: останься я на месте – и жертв точно будет трое. Идя навстречу лаве – я отвечаю только за себя. На краю сознания брезжило понимание, что и Джеймс, и его тигрица – всего лишь порождения моего сумеречного сознания, но я не желал видеть их смерть из-за того, что не решился выбрать

правильный вариант.

Не позволяя себе думать больше ни о чем, я отпустил ствол и, заорав благим матом, в прямом смысле этого слова, как когда-то перед первым прыжком с парашютом, шагнул вперед…

17

– Пойдем сегодня в «Колизей»? Кайоши сказал, там новые залы okesutora[37] открыли. Представляешь, стоит перед тобой голостатуя какого-нибудь Нао Кадзи, и ты поешь вместе с ним. Правда, он только рот открывает. Если попадаешь в такт, он начинает раздеваться, а как сфальшивишь, пару вещей – обратно на себя. Ваку тэка[38].

– Ой, нет, я уже с девчонками договорилась в Харадзюку[39] вечером прогуляться. Я вчера такой отпадный костюм Мотоко Кусанаги[40] купила, закачаешься.

– Это еще кто?

– Ты что, это же ретро. По «десятке» только их и крутят, писк сезона…

Если это рай, то весьма специфический. Впрочем, и для ада тоже место странноватое. Ангелы-любители аниме? Черти-поклонники караоке? Осторожность, рефлекторно просыпавшаяся в незнакомой, тревожной обстановке, на корню пресекла инстинктивное желание замахать любыми конечностями, которыми я теоретически мог обладать. Вопль ужаса, с которым я, казалось, пару секунд назад летел в пропасть навстречу огненной лаве, в неистовом желании выжить, застыл в горле. И даже более того, мимолетно отметив, что могу дышать, я заставил себя сцепить зубы и аккуратно втягивать воздух носом. В общем, прикинулся шлангом, как говорили в моей далекой юности, если не детстве.

Прежде всего, надо определиться, на каком я свете. Я позволил себе приоткрыть глаза. Надо мной, буквально в сантиметре от лица, белел потолок. Лишь через пару секунд дошло, что это обычная простыня. Мысленно исследовав обе сигнальные системы, я пришел к нескольким выводам: я жив; я лежу голый на чем-то ровном; я накрыт простыней, которая вполне может быть и саваном; все мои похождения в междумирье с Джеймсом и Шивой – всего лишь плод воспаленного воображения; кто-то сильно пожалеет, что не упокоил меня, когда была такая возможность.

– …я лично думаю, она ему кенсай на херсо накручивает. Вот увидишь: свозит он ее в отпуск в Крымский султанат, купит новую «теслу» и поминай как знали. Найдет себе нового.

– Ну, я то не такой, ты же знаешь. Иди сюда.

– Ты в своем уме?! Рядом с трупом. Фу, извращенец!

– Да ладно, подумаешь. Сейчас закинем в печь – и всех делов.

– Погоди, мне сначала его под канограф надо откатить, взять

резервные пункции.

Легкие шаги, справа от меня, приближаются. Что ж, диспозиция более-менее прояснилась. Я вжался спиной в поверхность медицинской каталки, которая, как ни печально это было признавать, находилась в обычном морге. Цокот каблуков все ближе. Как там во время операции сказали? Поехали?

Я резко сел на каталке, сбросил простыню и, развернувшись вправо и вытянув руки вперед, проревел:

– Твое имя вписано Рюку в «Тетрадь смерти»[41]! Отдай мне свою дууушу!

Визгу, изданному остолбеневшей от ужаса миловидной японкой, могла бы позавидовать любая звезда Головуда. Впрочем, курсы актерского мастерства длились буквально пару секунд, после чего девушка благополучно упала в обморок. В нескольких шагах от нее, без криков, но с выпученными глазами, на меня смотрел парень, лет двадцати пяти, в черных брюках и светло-голубой рубашке, на которой выделялся черно-желтый ярлычок: «Security».

– Бу, – прикрикнул я на него, спрыгивая с каталки. Однако тот оказался не робкого десятка. Правда, почему-то забыл о закрепленном справа на бедре нейрошокере. Схватив вместо него со стоявшего рядом стола скальпель, парень бросился на меня, намереваясь, видимо, спасать подругу от восставшего мертвеца. Физические кондиции мои, конечно, были также далеки от его молодых мышц, как Москва от Токио, но опыт, как говаривал сержант Трэвис в Кэмп-Лежене, величина столь же непреходящая, как постоянная Планка. Где он набрался этой квантовой мудрости, сержант так и не признался.

Легко уйдя от хаотичных размахиваний парня, я поднырнул под руку и коротким тычком вогнал кулак в солнечное сплетение. Тот захрипел, звякнул о пол выпавший из руки скальпель, а следом за ним упал и его бывший владелец, которому я, для надежности, добавил ладонями по ушам. Убивать у меня намерения не было, но очнется он не скоро.

Теперь можно и осмотреться.

На первый взгляд комната, в которой я находился, на морг похожа не была. Никаких тебе камер с выдвижными подставками для тел, единственная каталка, на которой я очнулся. Похожее скорее на лабораторию помещение было заставлено стеллажами с небольшими ящичками, маркированными надписями на японском. Единственным, что роднило это хранилище с моргом, была температура, по ощущениям не превышавшая и пяти градусов. Выброс адреналина, вызванный скоротечной схваткой с ретивым безопасником, прошел, так что теперь я прочувствовал

холод в полной мере, поскольку стоял абсолютно голый на кафельном полу.

Решая проблемы по мере их поступления, я присмотрелся к скорчившемуся у ног парню и прикинул, что по габаритам он вполне подходит. Перетащив тело на каталку, без особых угрызений освободил его от рубашки и носков с брюками и натянул на себя. Заодно рассмотрел бейджик с именем, висящий под эмблемой безопасности. Некий Тетсуо Сикато. Туфли немного жали, но в общем пришлись впору. Зеркала, к сожалению, не нашлось, так что свой внешний вид в новой униформе оценить я не смог. Нейрошокер, стандартный полицейский «Тайпан», засунул в задний карман брюк.

Теперь на первый план выходил вопрос: как долго я пролежал в отключке и как скоро меня накроет приступ без привычной порции лекарств? Перед операцией, которая по словам Накадзавы должна была длиться больше суток, меня накачали фармакопеей как того верблюда, чтобы пересаженные органы не начали отказывать посреди процесса. Но насколько хватит этого запаса? Да и вообще, чему из сказанного этим мошенником за все время нашего общения я могу верить? Впрочем, пока что особых болевых ощущений не было, но нахлынуть могло в любой момент.

Я присел на корточки перед девушкой, сверился с бейджиком на халате: Минами Мику. Похлопал ее по лицу, приводя в сознание, и, как только та открыла глаза, прикрыл ей ладонью рот.

– Тихо. Я не оживший мертвец, ясно? Если будешь вести себя, как примерная девочка, ничего с тобой не случится. Я сейчас уберу руку и мы поговорим без криков и воплей. Ты меня поняла? Кивни, если так.

Девушка, с расширенными от страха глазами, кивнула, и я медленно отнял руку от губ.

– Ты сотрудник «Церебрума»? – негромко спросил я.

– Да, – так же тихо ответила она. – Вы точно меня не убьете? Вы ведь должны быть мертвы. Я не знала…

– Без паники, – успокаивающе сказал я. – Ты знаешь, кто я такой?

– Нет, нет, – замотала та головой. – Только то, что вы умерли на операционном столе во время операции. У нас такое не часто, но бывает. Я должна была взять образцы ваших тканей, а потом утилизировать. Тетсуо мне помога…

Она ойкнула, уставившись мне за плечо. Наверно, увидела свисающую с каталки руку своего дружка.

– Тсс, – шикнул опять я. – Ничего с твоим Тетсуо не случится,

минут через двадцать очнется. Ты сказала утилизировать. Только тело или мои вещи тоже? Ну.

– Ввещи тоже, – всхлипнула Мику. – Все в мешке, вон там, – указала она рукой в дальний угол лаборатории, где стоял вместительный металлический ящик.

– Сиди здесь, – приказал я и, в несколько больших шагов дойдя до шкафа, открыл дверцы. Внутри действительно оказался большой бесформенный черный мешок, в какие обычно складывают мусор. Вытащив и поставив его на стол, я раскрыл горловину и – бинго. В мешке обнаружились мои вещи, которые я сдал одному из сотрудников «Церебрума» перед облачением в местную разновидность больничной одежды. Первым делом, вывалив все на стол, я обыскал внутренние карманы пиджака и мысленно завопил от радости, нащупав прохладный металл коробочки. В ней, в нескольких ячейках, хранились капсулы и пневмошприц. Этого должно было хватить на пару дней. Сразу же, на всякий случай, принял одну порцию.

Затем переоделся в любимый «Kiton» и с наслаждением ощутил на ногах «Testoni» вместо стандартной поделки Тетсуо. От его экипировки я оставил лишь нейрошокер, все также покоившийся в заднем кармане брюк, и магнитную ключ-карту, обнаруженную в одном из карманов рубашки. Весьма своевременная и полезная находка.

– Я уже понял, что в вашем «Церебруме» убийцы, но не ожидал, что они еще и мелкие воришки, – сказал я, вернувшись к девушке. – Кто-то спер мои «Patek» и запонки.

– Но вы ведь ум… вернее, я хотела сказать, все думали, что вы умерли, – ответила она, утирая слезы.

– А тебя разве мама не учила, что грабить покойников – это нехорошо?

– Это не я, – Мику так замотала головой, что ударилась о стену.

– Ладно, это неважно. Вставай. – Я подал ей руку и поднял с пола.

– Тетсуо! – она бросилась к парню, обхватила его лицо руками и начала тормошить. – Ты жив?!

– Оставь его. – Я взял ее за локоть. – Говорю же, ничего страшного с ним не случилось. Если ты сейчас ответишь на несколько вопросов, то я избавлю вас от своего присутствия и ты можешь хоть целый день рыдать над ним. Сядь.

Я посадил ее на стул, стоявший у металлического лабораторного стола. Услышав про возможность моего скорого исчезновения, девушка немного успокоилась.

– Так, во-первых, кем ты здесь работаешь? Ты знаешь

Накадзаву?

– Я ассистент профессора Ичиро Сугимото, он руководит лабораторией ДНК-микрочипов. Мы там изучаем различные особенности обычных и мутированных генов, – пояснила Мику на мой недоуменный взгляд. – Накадзаву-сан я знаю, конечно, он же директор центра, но ни разу не говорила с ним.

– А что ты знаешь об операциях, после которых надо утилизировать тела?

– Ничего, – яростно замотала та головой. – О них толком никто ничего не знает, ходят слухи, что это связано с работами Окадо-сэнсея над продлением жизни, но это все – очень секретно. А я – простой ассистент.

– Хорошо. Ты знаешь, где расположен кабинет Накадзавы? Сможешь нарисовать план?

– Знаю только корпус. Мы сейчас в корпусе «F», а все руководство – в «A». Но между всеми зданиями есть подземные или надземные переходы.

– Хорошо. – Я осмотрелся и увидел на одном из стеллажей лист-планшет с японскими надписями. Сняв его, сунул лист Мику.

– Рисуй. – Сзади зашевелился Тетсуо, но одного взгляда хватило, чтобы понять, что в чувство он придет еще не скоро. – И не забудь отдельно указать, как от вашего хранилища к выходу из здания пройти. Мы на каком этаже?

– В цокольном. – Девушка, высунув от усердия кончик языка, хоть и неумело, но на удивление грамотно выводила линии расположения корпусов «Церебрума». Дело это у нее заняло минут десять, за которые я обыскал стоявшие в лаборатории шкафы и отобрал полезные, на мой взгляд, вещи. Затем начал располосовывать на ленты одежду парня и простынь, из-под которой я недавно так эффектно появился.

– Вот, – протянула она испещренный линиями лист.

– Отлично – я зафиксировал рисунок. Выходило, что между зданием, где я сейчас находился, и административным корпусом располагались два лабораторных блока, соединенные подземными переходами.

– Что вы делаете? – Мику со страхом наблюдала за тем, как я начал привязывать парня к каталке. Запястья, предплечья, бедра, щиколотки. В результате тот оказался спеленат, как младенец в люльке.

– А ты думала, я уйду и просто так вас здесь оставлю? – я затянул последний узел и повернулся к ней. – Чтобы вы сразу тревогу подняли? Снимай халат.

– Что? – судя по расширенным глазам, девушка решила, что

во мне проснулись нечестивые помыслы.

– Снимай, снимай. – Я помог ей освободиться от верхней детали одежды, под которой обнаружилась бежевая блузка, усадил Мику обратно и начал привязывать ее руки и ноги к стулу. Та, видимо уже смирившись с участью пленницы непонятно как восставшего из мертвых пациента, молчала, лишь иногда вздрагивая, когда я затягивал очередной узел.

– Так. – Я шагнул назад и критически осмотрел результаты. Что ж, освободиться она сможет, но вряд ли на это уйдет меньше двух часов. А к этому времени я уж наверняка дам знать Накадзаве о своем чудесном возвращении.

– А теперь последний штрих. – Мику не успела даже ойкнуть, как я вставил ей в рот заранее заготовленный кляп и зафиксировал одной из лент. Девушка негодующе замычала, но мне уже было все равно.

– Не переживай, – похлопал я ее по плечу. – Когда я найду Накадзаву, обязательно скажу, чтобы он послал кого-нибудь сюда.

Лично я всегда считал, что ложь во благо – это хорошо, в чем и убедился лишний раз, увидев, что Мику заметно успокоилась. Затем я проверил, как там Тетсуо и, повернув ему голову набок, чтобы ненароком не задохнулся, также снабдил кляпом.

Что ж, теперь можно было выдвигаться. Халат японки был узковат в плечах, поэтому пришлось просто накинуть его на плечи. Коридоры в зданиях наверняка под наблюдением камер службы безопасности, так что появление неизвестного мужчины в дорогом костюме вряд ли останется незамеченным. А вот на одетого в халат одного из многих работников центра вряд ли кто-то обратит внимание.

Оглянувшись напоследок и убедившись, что вроде бы ничего не упустил из виду, я открыл дверь хранилища и вышел наружу.

18

Я шел по коридору, старательно уткнувшись в планшет, так, чтобы только видеть фигуры идущих навстречу. Надеюсь, что со стороны я выглядел тем, кем и хотел казаться. Спешащий по своим делам сотрудник, настолько увлеченный решением какой-то задачи, что не замечает никого вокруг.

Иногда я все же чуть приподнимал голову, чтобы отметить места расположения камер наблюдения. Судя по компоновке, ставил их не особо старательный специалист. Практически между всеми камерами были «мертвые зоны», не попадавшие в поле зрения оператора.

Руководствуясь рисунком Мику, я благополучно по подземному переходу перешел из корпуса «F» в один из лабораторных блоков, а из него, пройдя часть пути через парк, попал в административное здание. Теперь мне надо было каким-то образом узнать, на каком этаже расположен кабинет Накадзавы. Как ни удивительно, но я, помня первый визит к директору центра, шесть лет назад, совсем забыл, где именно он сидит.

Неожиданно впереди, метрах в десяти, открылась дверь и из нее вышли двое.

– Извините, иси Канда, но мне кажется, вы не правы. На эту проблему можно взглянуть и под другим углом…

Я запнулся, но почти сразу восстановил равновесие. Голос принадлежал девушке, с которой я познакомился сидя в операционном кресле. Как там ее? Амели Бомонт? Бельгийка, мечтающая быть француженкой. Накадзава говорил, что она обеспечивает психологическую поддержку клиентов после оцифровки. Интересно, она в курсе их мошенничества или ей просто зачем-то дурачат голову?

Амели, меж тем, пожала руку собеседнику и они разошлись, свернув за противоположные углы. Я прибавил шагу и свернул там же, где Бомонт. Кинул взгляд вверх и убедился, что посередине коридора идет «слепой» для камер наблюдения участок. В коридоре, кроме меня и бельгийки, никого не было, так что я решился сымпровизировать. Постепенно ускоряя шаг, догнал девушку и, поравнявшись с ней, грубо толкнул в сторону, в узкую нишу возле окна, одновременно вытаскивая из кармана «Тайпан».

Она испуганно пискнула, но я, прижав ее к стене всем телом и закрыв ладонью рот, а другую, с шокером, приставив к лицу, прошипел.

– Тихо! Если не хотите остаться идиоткой на всю жизнь, молчите. У меня в руках нейрошокер. Надеюсь, вам не надо объяснять, что будет, если я вгоню разряд в вашу голову? Кивните, если поняли.

Как ни странно, смотрела она на меня скорее спокойно, чем испуганно. Чуть расширенные в первые секунды нашей встречи глаза, да и это можно было списать скорее на удивление, чем на страх. Она медленно кивнула. Отведя чуть ладонь от рта, я спросил с кривой ухмылкой.

– Вы, верно, удивлены моим нежданным появлением? Госпожа «копательница в мозгах».

– Этого не может быть, – тихо сказала она. – Этого просто не может быть.

– Тогда просто примите мое существование как данность. Сейчас я намерен с вами прогуляться в кабинет Накадзавы. На каком он этаже?

– На четвертом, – ответила Амели. – Только его там сейчас нет.

– Нет? И где же он?

– Мы расстались с ним час назад, он собирался на ежедневный обход лабораторий. Раньше, чем часа через два он к себе не вернется.

Ее спокойствие начинало раздражать. Но требовалось что-то быстро придумать. Секунды текли медленно, как оплывший воск по свече, но неумолимо. Вот-вот в коридоре кто-нибудь появится и будет весьма удивлен странной картиной. Снова приходилось импровизировать.

– Ладно. Вы знаете, где находится центр управления системами безопасности комплекса?

– Что? – удивленно переспросила та. – Я подосадовал, что не привел в сознание Тетсуо, когда была возможность, и не расспросил хорошенько его.

– Комната, кабинет, помещение, где сидят сотрудники безопасности. Там еще должно быть много мониторов, – уточнил я вопрос.

– Ах, это. Да, знаю, они на пятом этаже, – подняла Амели глаза вверх.

– Отлично. Тогда мы с вами сейчас под ручку пройдемся до офиса безопасности. Вздумаете дурить, получите разряд шокера. Вам понятно?

– Да, – все так же спокойно кивнула та. – Но, может быть, мы лучше пройдем в мой офис и поговорим о вас? Поверьте, все ваши проблемы можно решить. Я не знаю, что с вами произошло, но…

– Оставьте свои психотрюки для других, – я отстранился от девушки, взял ее под локоть. – Возможно, я и расскажу вам о своих проблемах, но в более подходящем месте. Так что идемте и лучше не пытайтесь строить из себя героиню: думаю, у вас был допуск к моему досье.

В молчании мы поднялись на пятый этаж, встретив по пути всего пару человек, и пошли вглубь длинного извилистого коридора.

– Сотрудники службы безопасности просто так дверь не откроют, – сказала Бомонт. – Сначала смотрят, есть ли соответствующий допуск у сотрудника.

– А у вас он есть, надо полагать?

– Есть. Я могу вам помочь. Давайте я с ними поговорю, скажу, что по срочному поручению Накадзавы. Меня знают, как его помощницу.

– Откуда такая доброта? – покосился я на не нее.

– Чтобы доказать, что я вам не враг. И что вы можете довериться мне. – девушка улыбнулась, явно стараясь вложить в улыбку максимум имеющегося у нее в арсенале обаяния.

– Что ж, давайте так и сделаем, – кивнул я. Долго еще?

– Их дверь через одну, – указала рукой Амели, чуть ускорив шаг. – Ох!

Девушка обмякла, повиснув у меня на руке. Разряд «Тайпана» обездвижил ее не меньше, чем на полчаса. Всю ее нервную систему сейчас словно обожгло кипятком, но мышцы лица были парализованы, как и все остальные, так что отвести душу в вопле бельгийка не могла.

– Извини, – прошептал я ей на ухо, – но лучше будем действовать по моему.

Я подтащил ее к двери офиса безопасности, так, чтобы ее отчетливо было видно в зрачок камеры, и нажал кнопку вызова на висевшем справа на стене устройстве.

– Да, – раздался глухой баритон. – Вы кто? Что вам надо?

– Откройте, пожалуйста, – взмолился я, надеясь, что голос звучит достаточно отчаянно. – Доктору Бомонт внезапно стало плохо, ей нужна помощь. Откройте!

Повисла пауза, секунды капали одна за другой и я уж подумал, что придется сотворить с девушкой что-нибудь более эффектное и драматичное, как внутри стальной двери что-то зажужжало, щелкнуло и она начала открываться.

– Проходите, – разрешил баритон.

Держа Амели так, чтобы ее тело было преградой между мной и находящимися внутри людьми, я вошел в офис. Одного взгляда хватило, чтобы убедиться, что внутри всего двое, в таких же

светло-голубых рубашках, как и Тетсуо, но постарше, лет тридцати, тридцати пяти.

– Бомонт-сан, – взволнованно воскликнул обладатель баритона, невысокий лысоватый японец с косматыми бровями и неожиданными бакенбардами. – Что с вами? Кладите ее сю…

Он всхлипнул и осел, получив разряд шокера в бок. Его напарник, помоложе и повыше, почему-то в солнцезащитных очках, только и успел осознать, что происходит что-то странное, как с хрипом упал на пол, схватившись за горло. Кадык я ему не выбил, но говорить он еще долго не сможет. Щадя его чувства, я ткнул шокером в согнутую спину: так хотя бы боль разойдется по всему телу.

Все действие уложилось в пять секунд. Я развернулся и выглянул в коридор. Потенциальных свидетелей, к моему облегчению, не наблюдалось, так что я спокойно закрыл дверь и вернулся в комнату. Теперь можно было обдумать ситуацию более предметно.

19

Осмотревшись, я пришел к выводу, что идея обосноваться в офисе службы безопасности, вместо того, чтобы пытаться захватить Накадзаву в его кабинете, была весьма своевременной. Просторное помещение было обставлено функционально, без претензий на роскошь.

У противоположной от двери стены тянулся длинный стол, из поверхности которого выступали три консоли интелвиртов. Стена над столом занята двумя десятками мониторов, на которые выводилось изображение более чем с сотни камер наблюдения, разбросанных, как я уже убедился, по всей территории комплекса.

Возле стены слева стоял кухонный комплекс: встроенный холодильник, шкаф с посудой и продуктами, галогеновый комбайн. В углу дверь, ведущая в комнату отдыха. Стену справа занимал еще один стол, с двумя креслами, и стоявший за ним металлический шкаф-сейф, отреагировавший на ладонь одного из безопасников. Внутри оказалось стандартное полицейское снаряжение, которое всегда активно использовалось охранными компаниями. Шокеры, парализаторы, гибкие наручники, полдюжины бронежилетов из кермапласта, несколько безгильзовых «Беретт» с упаковкой пуль-транквилизаторов.

Первым делом я затащил обоих бесчувственных японцев в комнату отдыха, приковал их к системе отопления и заблокировал дверь. После этого занялся бельгийкой: усадил девушку в кресло перед шкафом с вооружением и также зафиксировал гибкими наручниками запястья с подлокотниками. Затем вошел в один из интелвиртов – включенный, так что мучиться с паролем доступа не понадобилось – и углубился в изучение вирт-системы, пронизывающей, словно капиллярами, все уголки «Церебрума».

Вынырнул я из цифрового мира, лишь услышав за спиной стоны: Амели приходила в себя после нейрошока. Бросив взгляд на время, – оказывается я просидел за интелом почти час, – я отправился к кухонному блоку, поставил в комбайн стакан молока и вернулся к девушке.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я. – Не делайте резких движений, это может вызвать приступ головной боли.

– Ооо, – простонала та. – Зачем вы меня так? Я ведь просто хотела помочь.

– Ну, знаете ли, я привык все делать по собственному плану, а не по чужому. Тем более, у меня не было причин доверять вам. Мало ли, что вы могли сказать сотрудникам безопасности. Так

что приношу извинения за неудобства. Вот, выпейте. – Я освободил ей одну руку, присел на стол перед ней и протянул стакан с уже нагревшимся молоком. – Вам сразу полегчает, проверено на себе.

– Можно подумать, в вас кто-нибудь когда-нибудь тыкал нейрошокером. – Она раздраженно взглянула на меня, но от молока не отказалась.

– Одно из наших подразделений разработало первую версию «Тайпана» для полицейских нужд, – сказал я. – Вот на стадии испытаний я и решил опробовать образец на себе. Правда, это было уже лет двадцать тому. Но ощущения я помню. Так что, перефразируя пословицу, можно сказать, я действовал по принципу: «не делай ничего другим, чего не испытал на себе».

– А где… – запнулась она, осматривая помещение.

– Если вы о тех сотрудниках, что здесь были, то можете не волноваться, они живы, – успокоил ее я и указал на дверь в противоположной стене. – Отдыхают там, где им и положено по инструкции.

– И что же дальше? – похоже, единственный стакан молока полностью вернул ей спокойствие и уверенность, казалось, покинувшие ее после знакомства с шокером. Ее темно-ореховые глаза пристально изучали меня.

– Что ж, – я встал со стола. – Пока вы были без сознания, я не терял время даром и узнал много интересного о «Церебруме». И, конечно же, нашел Накадзаву. Минут через пять он будет здесь.

– И что, вы так прямо уведомили его о вашем чудесном воскресении? – скептически подняла Амели брови. – А он, при этом известии, кинулся сюда?

– Конечно, нет. Просто воспользовался некоторыми возможностями здешних интелвиртов, – я кивком головы указал на консоли, – и сымитировал звонок от Масааки Гото: кажется, он у вас возглавляет службу безопасности. Сказал, что у меня, вернее, у Гото конечно, есть для него важная и срочная информация, и попросил придти сюда для разговора.

– Послушайте, может, уже хватит? – сказала Амели. – Я уверена, что всему можно найти объяснение. Я не верю, что такой уважаемый человек, ученый, как Накадзава, может быть мошенником.

– Возможно, он и не злодей, а просто его помощник. В конце концов, организатором всей этой аферы был Мацумото.

– Да ведь Окадо сам прошел через операцию и сейчас ждет в вирте пока вырастет его клон.

– И вы скажете, что с ним общались?

– Скажу. И неоднократно.

– А что мешает им сделать специальную программу, которая будет имитировать Мацумото?

– Но зачем?! Я допускаю, что это было бы необходимо для адвокатов, юристов, но зачем им вводить в заблуждение меня?

– Не знаю, но возможно этому есть свое объяснение. Вот у Накадзавы и будет возможность поведать мне свою версию.

– Что ж, надеюсь, вы хотя бы не станете применять к такому человеку нецивилизованные методы, – нахмурилась девушка.

– Это будет зависеть исключительно от… – меня прервал мелодичный звонок вызова и в маленьком мониторе над входной дверью появилась голова ученого.

– Вы снова ткнете в меня шокером? – ледяным тоном осведомилась девушка. – Чтобы я не выдала неведомым образом ваши намерения.

– Боюсь, два разряда подряд ваш нежный организм вряд ли выдержит, – ответил я. – Но я припас для этого случая более простой метод. – Я взял со стола заранее приготовленный моток скотча, оторвал кусок и аккуратно запечатал рот бельгийке. Амели наблюдала за процессом молча, но со взглядом, в котором легко читалось все, что она думала о моей недостойной персоне.

Затем я встал сбоку от двери, так, чтобы стоящий перед входом видел только пустое пространство офиса, и нажал кнопку. Внутри двери снова, как и в первый раз, что-то забулькало, загудело, и с негромким щелканьем она отъехала в сторону.

20

– Гото-сан, вы здесь? – в помещение шагнул Накадзава, начал озираться и почти сразу издал сдавленный вскрик, по-видимому, обнаружив плененную бельгийку. Не дав ему времени на осознание столь вопиющей картины, я шагнул за спину ученого и захлопнул дверь. Накадзава обернулся на звук и тут уж простым удивлением не обошлось. У японца в буквальном смысле слова вылезли глаза из орбит и он взвизгнул каким-то тонким, бабьим фальцетом. Хотя до мастерства Мику ему было далековато.

– Я тоже рад вас видеть, Накадзава-сан, – сказал я с улыбкой. – Позвольте сюда.

Пребывающий в шоке от моего появления ученый никак не отреагировал, когда я усадил его во второе кресло, рядом с Амели, и также, как бельгийку, приковал запястья к подлокотникам.

– Но как?! – наконец потрясенно выдохнул японец. – Этого же не может быть.

– И все же, как видите, факт моего существования неоспорим. – Я облокотился о стол и с усмешкой наблюдал за ученым. – Хотели меня в печку засунуть и сто миллиардов прикарманить? Да вот промашка вышла. Кто там у вас ответственный был за мое умерщвление? Надо бы ему выговор объявить: такую аферу сорвал. Интересно, сколько взяли мои адвокаты?

– Какую аферу? Какие адвокаты? – удивленно уставился на меня Накадзава.

– Господин Рыкоф считает, что вы его обманули и никакого «метода Окадо» не существует, – пояснила Амели. – И что весь «Церебрум» – одно большое надувательство с единственной целью – получить миллиарды толстосумов из «Forbes». Надеюсь, вы должным образом убедите господина Рыкофа, что это неправда? Хотя, после его неожиданного появления мне бы тоже не помешали некоторые разъяснения.

– Да что там объяснять, – раздраженно сказал я. – Сегодня все мало-мальски значимые издания узнают об этом грандиозном мошенничестве, так что давать пояснения иси Накадзаве придется в зале суда, а не в этой комнате. И я уж позабочусь, чтобы все мои деньги вернулись до последнего цента.

– Постойте, постойте, – вскричал ученый. – Вы все неправильно понимаете. Я ни в чем вас не обманывал, метод Окадо существует и работает.

– Тогда почему же я здесь, перед вами?! – наклонился я и

рявкнул, не сдерживаясь, на японца. – Вы же говорили, что все нейроны мозга выжигают во время операции. Из-за этого вы и умерщвляете клиентов. Но что-то я не чувствую себя дебилом. Разве что вы меня держите за такого, пытаясь впарить никель за доллар[42]? А, Накадзава-сан? А вот это вам память не освежит? – потряс я перед его носом шокером.

– Да, признаюсь вам, я врал, но врал только в этом, – сжался ученый в кресле.

– В чем, в этом? – выпрямился я.

– Никакие нейроны во время операции не выжигаются, – выдавил тот из себя. – С вашего мозга делается полная цифровая копия. Никакой надобности в физическом уничтожении нейронов нет. Весь процесс – абсолютно безболезненный.

– Как нет? – я растерянно смотрел на японца. – И зачем же вы мне врали? Что значит, нет никакой надобности?

– Как я уже говорил вам, – начал тот, – по сути, в результате операции появляется ваш цифровой клон. Но как только, и если, вы придете в сознание после операции, появятся две личности – вы, оставшийся в физическом мире, и вы же, возникший в мире виртуальном. Избежать этого раздвоения можно было лишь одним способом: уничтожить одну из личностей, в нашем случае – ваше тело из плоти. Окадо-сэнсэй считал, что никто не согласится умереть, зная, что может вначале проверить, удачно ли прошла операция по созданию копии его личности. Но допустить существование одновременно двух личностей «Церебрум» не мог: методика Мацумото и так нарушала десяток законов и конвенций. – Последнюю фразу Накадзава почти выкрикнул и затем обмяк в кресле, словно шар, из которого вышел воздух. Я и Амели молчали, разглядывая ученого.

– У всех юристов, допущенных к проекту, волосы дыбом вставали от перспективы получить две личности: на биологическом и цифровом носителе, – уже тише сказал Накадзава. – Поэтому мы придумали версию о выжигании нейронов. – Все остальное – правда. Операция прошла успешно и ваша цифровая копия сейчас находится в вирт-системе «Церебрума», готовится к размещению на одном из серверов. Почему вы выжили – ума не приложу. Нужно пересматривать логи и протоколы процедуры. Возможно, вам ошибочно ввели не тот состав для эвтаназии.

– Какой-то бред! – Я заходил по комнате, остановился перед столом. – То есть вы хотите сказать, что один «я» нахожусь здесь, в этом офисе, а другой, ничем от меня не отличимый, сидит где-то в вашем интеле?

– Ну, назвать его абсолютно вам идентичным нельзя, – пожал

плечами ученый. – Во-первых, у него нет тела. А во-вторых, как я уже сказал, с момента своего осознания он начал получать из внешнего мира информацию, которой были лишены вы. То есть с этого момента его понятийный и событийный аппараты расходятся с вашими. Он начинает накапливать собственные опыт и воспоминания.

– Бреед, – опять протянул я. В голове образовалась какая-то мешанина из обрывков мыслей и фраз. Никак не удавалось поймать кончик нити, ухватившись за который можно было бы понять и принять сказанное ученым.

– Хорошо, – принял я решение. – Как можно с ним, то есть со мной, то есть…тьфу, в общем, как можно с Рыкофым-вторым связаться? Вы же как-то общаетесь с клиентами.

– К интелвиртам, где хранятся отпечатки…так мы называем личностные копии, – пояснил Накадзава, – доступ есть только из моего кабинета.

– Это мы сейчас проверим, – сказал я, усаживаясь в кресло и входя в сеть «Церебрума».

– У службы безопасности нет к ним допуска, – сообщил у меня за спиной японец. – О существовании отпечатков – так мы называем цифровые копии сознаний – знают считанные единицы во всей корпорации.

– Посмотрим, – я устремился в глубины ссылок и тэгов сети. – Кстати, допуская, что все вами сейчас сказанное – правда, когда я могу рассчитывать на повторную операцию?

Ученый почему-то не торопился с ответом и я повернулся к нему.

– Не уверен, что совет директоров даст согласие на такой вариант, – нарушил наконец молчание японец. – Даже если сделать так, как хотите вы, неизбежно встанет вопрос, что делать дальше? Контракт был заключен на ваше цифровое и физическое клонирование в единственном экземпляре. Но в таком случае у нас появится две цифровые копии. И какую из них прикажете переносить в свое время на биологический носитель?

– Меня, конеч…, – я осекся на полуслове.

– Вижу, вы понимаете, – кивнул Накадзава. – Чем после копирования ваше сознание будет отличаться от другого, более раннего?

– Вы же сами сказали, разным опытом, – размышлял я вслух. – Второй «я» уже некоторое время живет в собственной реальности. Он не приходил в себя в вашем хранилище, не пугал Мику и не тыкал шокером в мисс Бомонт.

– Что вы делали?! – вскричал японец.

– Это наше дело с Амели, – отмахнулся я. – Так что вы

скажете насчет различий?

– Для вас они существенны, – согласился Накадзава. – А для вашего более раннего «я»? А для ваших юристов? Сотрудников? Друзей? Или вы считаете, что он, давайте для удобства называть его Мистер Икс, согласится с тем, чтобы навсегда остаться в недрах интела?

– Вы можете сделать два клона, – предположил я. – Пусть у меня будет братик, всегда о нем мечтал.

– Вы слишком поверхностно относитесь к этому, – покачал головой ученый. – Уверен: если вы обдумаете этот вариант более предметно, посоветуетесь с юристами, то поймете, что не все так просто. Но даже при всех прочих обстоятельствах я не думаю, что совет директоров с этим согласится. Разве что у вас не найдется еще ста…то есть, десяти миллиардов амеро.

Чем дольше я обдумывал слова Накадзавы, тем яснее становилось, что он прав на все сто десять процентов. Вряд ли шишки из руководства «Церебрума» упустят шанс получить двойную прибыль по контракту. А если идти в суд, то это – годы и годы тяжб, которых у меня нет. Нет у меня и есть у моего цифрового двойника. С которым, и в этом старикан также прав, несомненно возникнут проблемы. Как бы повел себя я, если бы сейчас сидел облаком цифр внутри интела и мне сообщили, что мой биологический оригинал жив живехонек и качает права? Кто из нас вправе распоряжаться деньгами Питера Рыкофа? Кто владеет контрольным пакетом *«Military and tactical Resources Inc*»? Кто обладает правом подписи? Кто высаживался в Пакистане в 2011-м и тащил собственные кишки по улицам Луанды в 2033-м? Да уж, и впрямь волосы дыбом встать могут. В любом случае, нужен какой-то козырь для переговоров с руководством корпорации. Думай, солдат, думай.

– Так, ладно, – сказал я, – посмотрев на мигающую алым на экране интела надпись «access is denied». – Похоже, вы правы: доступ к отпечаткам есть только в вашем кабинете. Думаю, ваши соображения о совете директоров тоже недалеки от истины. Что ж, тогда я не вижу иного выхода.

Я вернулся к консоли и начал набирать команды.

– Что вы делаете? – встревожился японец.

– Сейчас увидите. – Я ввел последнюю цифру и где-то под потолком раздался механический голос: «Внимание! Внимание! Запущен протокол «Фукусима». Блокировка входов и выходов состоится через девять минут. Просьба сотрудникам центра действовать по инструкции. Внимание! Внимание! Запущен протокол «Фукусима»…»

На всех мониторы наблюдения алым пошел обратный отсчет:

09.00; 08.59; 08.58; 08.57…

– Вы что творите?! – заорал Накадзава. – Немедленно прекратите.

– А вы остановите меня, – оглянулся я на ученого. – Если сможете.

Теперь на экранах можно было видеть, как пустынные коридоры лабораторных корпусов превращаются во встревоженный муравейник. Только что я запустил процедуру, разработанную на случай чрезвычайных ситуаций, вроде радиационной или биологической угрозы. За девять минут все сотрудники должны занять отведенные им служебными инструкциями места, после чего все входы и выходы в здания автоматически блокировались. После этого разблокировать их можно было либо изнутри, из офиса безопасности, либо снаружи силовым путем, что представляло собой нелегкую задачу.

Японцы, как всегда, оказались на высоте в вопросах дисциплины, так что обратный отсчет еще не добрался до отметки 03.00, как коридоры вновь опустели. Весь персонал, наверняка пребывающий в недоумении и легком шоке, сидел на отведенных им местах в ожидании цифр 00.00.

– Немедленно остановите это! – бесновался в своем кресле Накадзава. – Да кем вы себя возомнили?! Грязный наемник! Да у вас руки по локоть в крови, а вы лезете ими в работу центра, даже название которого не в состоянии понять. Варвар!

– Почему же? – отозвался я. – Не один вы знакомы с латынью, иси Накадзава[43], так что варвара и грязного я оставляю на вашей совести. А насчет наемника – это вы в точку. Может, прекратите истерику?

Я встал напротив него и демонстративно покачал в руке шокер.

– Перестаньте, – холодно проговорила Амели. – Накадзава-сан – пожилой человек, примите во внимание хоть это.

Я, не отвечая бельгийке, продолжал смотреть в глаза японца, покачивая «Тайпаном». Постепенно Накадзава затих и вжался в кресло, затравленно, чуть покачиваясь, как кобра в такт дудочки укротителя, наблюдая за рукой.

– Вот и славно. – Я спрятал шокер обратно в карман и взглянул на Амели. – Я и не собирался применять его, – похлопал я по карману. – В вашей профессии это называется фасцинацией[44], если я правильно помню?

– Это можно назвать и так, – внешне безразлично пожала плечами девушка, но в глазах ее явно промелькнуло что-то, похожее на уважение.

– Итак, – принялся я расхаживать перед своими

пленниками, – все входы и выходы из зданий заблокированы. Отдельным протоколом я запустил процессы, необходимые для уничтожения корпусов. – Накадзава издал сдавленный всхлип и промолчал.

– Да, да, – остановился я перед ним. – Может, для вас и удивительно, что создатели комплекса заложили такую возможность, но, обращая внимание на ваши эксперименты, лично я ничего странного в этом не нахожу. Таким образом, у меня появляется рычаг, которым я смогу воздействовать на ваш совет директоров. Изящно, не правда ли?

– Но это же терроризм, – пискнул ученый.

– Возможно, и так, – пожал я плечами. – Но что-то мне подсказывает, что ваши акционеры вряд ли допустят уничтожения своего золотого гуся, а тем паче – разглашения на весь мир деталей метода Окадо. Иначе может случиться так, что мы окажемся с ними в одном зале суда. На их месте я бы постарался договориться. А по этой части у меня – богатый опыт, уж можете поверить на слово. Что касается…

– Кхм, кхм. Может быть, мне кто-нибудь пояснит, что здесь происходит?

Я завертел головой, силясь понять, откуда идет звук и почему я воспринимаю его словно эхо. И лишь спустя секунду до меня дошло, что слышу собственный голос.

21

Вначале была мысль.

Я думал, что существую. Подобно Декарту, я верил, что существую. Но как это проверить? Только что я летел вниз головой, оставив Джеймса с тигрицей на небольшом каменном пятачке, в ужасе ожидая встречи с темно-багровой лавой, а сейчас меня окружает тьма. Но, возможно, это и не было тьмой? Я не мог ответить на собственный вопрос: открыты или закрыты у меня глаза? Я не ощущал собственного тела. Я пытался кричать, но ничего не слышал. Я пытался вздохнуть, но забыл, как это – дышать. Я лишился всех шести чувств. Больше всего это напоминало те дни в Кэмп-Лежине, когда нас испытывали во флоат-камерах[45]. И что же, я буду находиться в таком состоянии вечность? Лучшие из «котиков» не выдерживали в камерах и двадцати часов. Может быть, именно так и выглядит ад? Правильно ли я понял совет Джеймса? Или надо было остаться на месте и встретить лицом к лицу наступающий огненный шторм? Как понять, что я сделал правильный выбор?

Лишь затем было слово.

– Здравствуйте, Питер, – раздался доброжелательный голос. – Добро пожаловать в Скайленд.

– Кто здесь?!

– Не пугайтесь. Я здесь специально для того, чтобы помочь вам адаптироваться. Рад сообщить, что операция по оцифровыванию вашего сознания прошла успешно и в настоящее время отпечаток размещен в сети «Церебрума» для последующей обработки.

– Что еще за отпечаток?

– Извините. Так мы называем личность клиента после оцифровки.

– Так, значит, я не умер? Но почему я ничего не чувствую? Кто ты? И где я?

– Прекратило существование лишь ваше биологическое тело, как это и предусмотрено контрактом, так что нет, как личность – вы не умерли. Я – специальная программа. Одна из целей моего создания, как я уже сказал, облегчение адаптации клиентов к новой реальности. Смешно, вы не находите? Оперировать в вирте понятием реальность. А ничего не чувствуете вы, потому, что в настоящее время представляете собой сложно структурированное информационное поле, цифровую матрицу. Если говорить кратко – голую информацию. Когда ваш отпечаток разместят в соответствующем сервере, я научу вас, как создавать вокруг себя

квазиматериальное пространство, чтобы избежать психологического дискомфорта. Кстати, можете называть меня Дживс.

– Странное имя.

– Так назвал меня создатель.

– А его, случаем, не Алекс Чен зовут?

– Да. – Голос Дживса оживился. – Откуда вы знаете? Вы с ним знакомы? Он мне не рассказывал о вас.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

– Шекспир, трагедия «Гамлет», акт I, сцена IV. Вероятно, это была ирония с вашей стороны? Или сарказм? К сожалению, я все еще недостаточно разбираюсь в человеческих эмоциях.

– Ничего. Ирония – верный ответ.

Во мне словно просыпался кто-то радостный, во все незримое горло вопивший: «я жив! я буду жить! у меня будет новое тело! я бессмертный, мать вашу!». Сейчас мне было наплевать на двадцать лет цифрового одиночества, на возможные проблемы с Алленом и компанией, на неизвестность, ожидающую в недрах серверов «Церебрума». Все внутри меня пело только одной мыслью: «Это не сон. Я жив. Я бессмертен. Вот вам всем гигантский болт – Аллах, Христос, Яхве и другие Ямы и Синигами»[46]. Значит, все было не напрасно – шестилетняя подготовка, работа на износ, в стремлении собрать требуемые сто миллиардов, путешествие с Джеймсом и тигрицей через равнины собственного сознания, преследуемый огнем и пеплом.

– …не паниковать.

– Что? – Оказывается, Дживс пытался мне что-то втолковать, но я – что и немудрено, принимая во внимание охватившую меня эйфорию – пропустил его спич мимо виртуальных ушей.

– Пожалуйста, сосредоточьтесь, – голос Дживса остался все таким же ровным. – Сейчас я приоткрою дверь в ваш новый мир. В нем много странного для человека, но со временем вы непременно привыкните.

– Что ж, поверю тебе на слово. Я готов.

– Начинаю визуализацию.

Секунды моего личного восприятия утекали песчинками, но ничего не происходило. Вдруг я осознал, что окружающая тьма не столь абсолютна, как раньше. Угольная чернота сменялась серой мглой, вот кое-где замигали более светлые пятнышки, их становилось все больше, появились вкрапления красного и синего. А вот где-то слева мелькнула изумрудная вспышка.

Игра цветов становилась ярче, радужнее, вспышки следовали одна за другой, пока все видимое пространство не озарилось

молочно-жемчужным светом, в котором, в кажущемся хаотичном хороводе, танцевали разноцветные символы, то соединяясь в самых причудливых комбинациях, то распадаясь на тысячи осколков. Между скоплениями значков то и дело проносились кроваво-пурпурные и угольно-черные разряды, вызывавшие, после столкновения, гигантские выбросы искр. Взгляд сразу же затерялся среди этого обилия символизма, но все же это был взгляд! Я видел!

– Вы наблюдаете то, что можно назвать комбинаторными связями вычислительных блоков интелвиртов, – раздался голос слева. – Я обернулся и увидел плавающее облачко, словно составленное из миллиардов золотых пылинок, переливающихся теплым желтым светом.

– Дживс? – не удержался я от смешка.

– Между прочим, вы со стороны выглядите примерно также, – послышалось, или в его голосе действительно прозвучали обидчивые нотки? Передо мной вдруг возникла зеркальная поверхность и я увидел отражение чуть вытянутой сферы, составленной, как и Дживс, из пылинок, но уже изумрудного цвета.

– Да уж, – я повел воображаемыми плечами, и сфера в зеркале отозвалась, всколыхнувшись из стороны в сторону. – И что, я так всегда теперь выглядеть буду, пока меня обратно в клон не засунут?

– Нет, – отозвался Дживс. – Со временем, как я уже говорил, вы научитесь визуализировать окружающие вас информационные структуры в предметы материального мира. Но для этого ваш отпечаток сначала должны переместить на отдельный сервер. Здесь же, за его пределами, вы будете видеть ваш новый мир таким, как он есть. Так что сейчас мы займемся вашей адаптацией. Итак, вон там вдалеке вы можете видеть…

В виртуальном мире не было такого понятия, как время, так что я не мог осознать, сколько часов прошло с начала лекции Дживса. Однако, сколько бы его не утекло, я не ощущал голода, усталости или желания отдохнуть. Я просто впитывал необходимую информацию и усваивал где-то в глубинах своего цифрового мозга.

После всеобъемлющих и подробных разъяснений Дживса окружающее пространство уже не представлялось хаосом. Любое скопление символов имело свой смысл и назначение, подчиняясь определенным законам виртуального мира и выполняя заложенную программным обеспечением задачу. В разреженном информационном поле то и дело встречались громадные, размером с Эверест, области, насыщенные миллиардами значков:

в них особенно часто били молнии-проводники. Это были сервера сети «Церебрума». С помощью Дживса я обнаружил те из них, что хранили цифровые копии личностей других клиентов. Хранилища эти представлялись мне какими-то экзотическими инкубаторами, несущими в себе зачатки новой жизни. И ко всем из них, насколько я понял, у Дживса был отдельный доступ. Похоже, он представлял собой многофункциональную и сложную программу, позволявшую одновременно заниматься несколькими задачами, так что каждый из клиентов воспринимал его как собственного то ли помощника, то ли секретаря.

22

– Дживс, а я могу общаться с другими клиентами? – я в задумчивости плавал возле одного из информационных айсбергов – хранилищ цифровых отпечатков властителей «Forbes». До заключения контракта с «Церебрумом», разумеется.

– Запретов на коммуникацию в моих установках нет, – откликнулся тот. – Но между собой пациенты почему-то общаются крайне редко.

– А можешь передать Роберту Марсу, что я хочу с ним встретиться? – поинтересовался я. – Скажи, что я новичок и хочу посоветоваться с ним, как со старожилом. Ему ведь через четыре года уже в клон переселяться?

– Через три, – откликнулся Дживс. – Хорошо, сейчас спрошу. – Он бросил пританцовывать на месте и замер. Я, не находя места, закружил вокруг.

– Он согласен, – ожил Дживс минут через десять, – и просит провести вас к нему. Следуйте за мной, – он устремился вглубь системы.

– Вот здесь, – притормозил он возле одной из белоснежных глыб-серверов, ничем, внешне, не отличающегося от своих собратьев. Издали он походил на громадный алмаз, вращающийся по одному ему ведомой орбите. В центре одной из граней зияло тьмой широкое отверстие – видимо, это и был вход внутрь.

Подтверждая мою догадку, Дживс устремился прямо в дыру. Последовав за ним, я оказался внутри узкого туннеля, освещенного лишь искорками, оставленными Дживсом в виде некоего инверсионного следа. Я двинулся вперед, словно Тесей, ведомый нитью Ариадны. Впрочем, путешествие по извилистым коридорам было недолгим и вскоре закончилось в прямоугольной нише, похожей на гигантский шкаф. Его стены были сделаны из непонятного дымчатого материала, который постоянно тек и менял структуру и цвет.

– Это что-то вроде прихожей, – сказал дожидавшийся меня Дживс. – Здесь вы должны принять антропоморфную форму.

– Что? – недоуменно спросил я.

– Каждого клиента в любое время дня и ночи окружает выстроенный им мир, – пояснил тот. – И в этом мире нет места непонятным сферам. Вы просто должны представить свой облик, так, как хотели бы выглядеть в жизни. Помните, что вы – просто информация, которая в цифровом мире может принимать любую форму и структуру.

Подавая пример, золотая сфера заволновалась, начала

вращаться и вот передо мной уже стоит фигура, похожая на человеческую статую из жидкого золота. Я задумался, вспомнил предъявленную Ванессой Гольм, во время интервью, цифрографию и начал усиленно представлять, что сейчас выгляжу точно также.

– Ну вот, – услышал я Дживса. Я открыл глаза и лишь через секунду понял, что смотрю в зеркало, в котором отражаюсь я же, но шестидесятилетней давности. С трудом верилось, что я когда-то был таким бравым воякой. Еще труднее было поверить, что через восемнадцать-двадцать лет я буду выглядеть еще моложе и это не будет всего лишь набором байт.

– Теперь мы можем войти, – Дживс шагнул в появившуюся в одной из стен дверь. Я последовал за ним.

И оказался в обширном вестибюле офисного здания. Такие в изобилии можно было встретить в бизнес-центрах Москвы, Питера или Нью-Йорка. Впечатление о просторности помещения подчеркивалось колоннами, возносящимися возле стеклянных дверей входа. По широким мраморным плитам пола скрипели подошвы и цокали каблуки десятков мужчин и женщин, с деловым видом снующих туда-сюда. По интенсивности движения можно было предположить, что сейчас раннее утро или время обеда.

Следуя за Дживсом я направился к овальной стойке, за которой священнодействовала пара охранников, проверяя у входящих пропуска или вызванивая кого-то, к кому пришел гость. К моему удивлению, окружающие словно не замечали нас. Встречные «белые воротнички» шли либо мимо, смотря сквозь нас, либо, если вдруг кто-то оказывался слишком близко, просто огибали пространство перед собой, даже не задумываясь, отчего приняли такое решение.

Точно также проигнорировали нас и охранники вместе с рамкой металлоискателя. Мы спокойно прошли мимо них и направились к прозрачной трубе лифта. Поначалу я был ошеломлен реалистичностью всего происходящего. Будто я действительно волшебным образом перенесся из мира цифр и символов в реальный. Но затем я начал подмечать мелочи, которые вносили странный диссонанс в первоначальные впечатления. Во-первых, все мужчины и женщины, хоть и разные на первый взгляд, становились похожими на братьев и сестер, если я задерживал на них взгляд дольше нескольких секунд. Применив этот метод к деталям интерьера, я подметил другие несуразности: мрамор, оказавшийся простым пластиком; просвечивающие сквозь колонны входные двери; картины на стенах, разбивающиеся под пристальным взглядом на цветовую

мозаику.

– Постой, – придержал я Дживса перед лифтом. – Я сейчас.

Я развернулся и зашагал к выходу из здания. Добравшись до стеклянных дверей, через которые виднелась обычная, вроде бы, улица делового квартала, я прошел через вращающийся барабан створок и замер. Уличную картину сменил плотный туман, в котором глаз увязал, как неосторожный олень в болоте. Передо мной расстилалось молчаливо-угрюмое серое ничто.

Аккуратно пятясь назад я вернулся в холл и снова окунулся в бившую ключом деловую активность. Озадаченный, я медленно шел к лифту, размышляя, чтобы это значило. Ограничившись лишь кивком на немой вопрос Дживса, я присоединился к ожидающим лифт «воротничкам». Поездка в выполненной в стиле ампир кабине поразила очередным фокусом. Чем выше мы поднимались, впуская и выпуская пассажиров, тем более четкими и оригинальными становились черты их лиц. Они уже не казались братьями или однояйцовыми близнецами.

Добравшись до отметки «120» я, вслед за Дживсом, вышел в просторный холл, от которого спицами в колесе разбегались вдаль коридоры. Дживс уверенно направился в центральный. Здесь, как и внизу, кипела деятельность: из конференц-залов доносились обрывки споров; за стеклянными стенами офисов трудолюбивыми муравьями суетились клерки; по коридорам туда-сюда порхали девушки в строгих костюмах, с папками бумаг и стаканчиками кофе в руках.

К моему удивлению, как ни старался, я не смог выцепить ни одной несуразности. Звуки, цвета, запахи, речь – все мною видимое и ощущаемое бесстрастно свидетельствовало о своей реальности. Не удержавшись, я сел в первое попавшееся по пути кресло, скрипнувшее так, как и должна скрипеть люксовая итальянская кожа, и принюхался. Никаких сомнений – кожа. После некоторых раздумий я предположил, что чем ближе мы к хозяину этого мира – Роберту Марсу, тем более реальной выглядит окружающий мир. И действительно: зачем тратить вычислительные мощности сервера – а ведь именно он обеспечивает визуализацию пространства – на ту часть картинки, которую клиент не в состоянии увидеть.

– Вы передумали? – оторвал меня от размышлений вежливый Дживс.

– Ох, извини. – Я встал из кресла. – Просто задумался кое о чем. Пойдем.

Пройдя до конца центрального коридора, мы добрались до черных лакированных дверей, за которыми оказался небольшая приемная. В ней, за столом, сидела белокурая грудастая красотка

и, закинув ногу на ногу, упакованные в тончайшие ажурные чулки, щебетала о чем-то по интелфону. Она, уже привычно, не обратила на нас никакого внимания, чего не скажешь обо мне. Я рассматривал ее с живым удовольствием, ощущая внутри забытое уже бурление крови – еще одно подтверждение собственной материализации в двадцатилетнее тело.

Наконец, с легкой долей разочарования оторвавшись от соблазнительных форм, я, вслед за Дживсом, прошел в следующую дверь и очутился в просторном зале. Противоположная от меня стена оказалось прозрачной и из нее открывался великолепный вид на дневной город. Я бы поставил десять против одного, что передо мной раскинулась панорама Гонкога – именно там размещалась штаб-квартира корпорации «Mars incorporated». Середину зала занимал длинный овальный стол, в конце которого сидел Роберт Марс, знакомый мне лишь по цифрографиям. Впрочем, на них его лицо было неестественно гладким и словно вырезанным из картона – последствия пластической хирургии.

Сейчас же он выглядел гораздо естественнее: я не дал бы сидящему в кресле худощавому молодому человеку больше тридцати. Пронзительные черные глаза, черная же шевелюра, небольшие естественные морщинки в уголках губ. Несколько узковатое лицо с густыми бровями и оттопыренными ушами. Красавцем его назвать было нельзя, так что я невольно подумал: хотел бы я вернуться в клона со столь сомнительными физическими данными?

Марс, говоря с кем-то по голофону – изображение было обращено к нему, так что я видел лишь затылок собеседника – приглашающе махнул рукой на кресла возле стола.

– Да, конечно, Джон, – улыбнулся Марс. – Думаю, мы сможем обсудить слияние за ужином в эту субботу. Мари будет рада видеть вас с Софи. Жан освоил новый рецепт – тушеную курицу генерала Цао. Это великолепно. Кстати, заодно продегустируем бутылочку «Highland Park» 1960-го, приобрел вчера на онлайн-Sotheby`s.

Ответа мы не услышали: видно, Роберт пользовался наушником.

– Ну, ты же знаешь Стивена: если он установил для себя предел, то не перешагнет его даже ради родной матери. Главное – знать этот предел. До встречи в субботу. – Марс закончил разговор и отключил голоустановку.

– Мистер Рыкоф, рад вас видеть. – Он с радушной улыбкой встал из-за стола и протянул руку.

– Мистер Марс, – отозвался я. Рукопожатие у него оказалось

на удивление твердым.

– Значит, вы очередной подопытный кролик Мацумото? – Роберт опустился обратно в кресло и извлек из ящика стола лакированную шкатулку.

– Почему? – удивился я. – Трудно найти кролика, который бы платил за участие в испытаниях, да еще подобные суммы.

– То-то и оно, – улыбнулся Марс, но как-то мрачно. Открыл шкатулку, извлек сигару и миниатюрную гильотину. – Желаете?

– Воздержусь, – отозвался я.

– Так а что вы, собственно, хотите от меня услышать? – Марс отрубил кончик сигары, раскурил и выпустил ароматный клуб дыма.

– Наверно, просто хотел убедиться, что вы действительно существуете, – пожал я плечами. – Вы ведь будете первым, кто совсем скоро обретет бессмертие.

– Да, – кивнул тот и вдруг замолчал. Он смотрел в одну точку перед собой, приоткрыв рот. Из одного его уголка свешивалась сигара, а из другого стекала тоненькая струйка слюны. Я посмотрел на Дживса, но тот сидел спокойно, словно ничего странного не произошло.

– Роберт, – позвал я тихонько.

– Совсем скоро? – очнулся он. – Три года – это по-вашему скоро?

– Но вы ведь здесь уже пятнадцать лет, – сказал я. – Наверно, после такого срока три года должны пролететь незаметно.

– Незаметно, – кивнул тот и опять застыл. Потом встал и, не обращая на нас внимания, подошел к окну. Постояв там, обернулся и воскликнул, будто только что нас заметил:

– Мистер Рыкоф? Рад вас видеть. – Он поспешил и ко мне и протянул руку.

– Эмм…и я вас тоже, мистер Марс, – в замешательстве отозвался я и второй раз за последние пятнадцать минут пожал ему руку.

– Дживс сказал, вы хотите со мной поговорить. – Он вернулся в кресло и снова затянулся.

Я решил не заходить на второй круг и сменил тему.

– Да, мне очень интересно, как вы решились, в свое время, заключить контракт с «Церебрумом»? Неужели вы безоговорочно поверили Мацумото?

– Знаете, Питер…можно я вас так буду называть? Когда тебе пошел девятый десяток, а генетический тест Окадо, тысячекратно проверенный, говорит, что тебе осталось жить каких-то пять лет, ухватишься за любую соломинку. Что такое, в конце концов, деньги всего мира по сравнению с шансом на вторую жизнь? Даже

если бы Мацумото оказался шарлатаном, а его оцифровка – сказкой для дурачков, мне было бы уже все равно.

Марс задумчиво разглядывал горку пепла в пепельнице, так что я испугался, что он опять «завис», но затем продолжил.

– Так что, в случае обмана, забрать деньги должны были мои наследники. А если бы не смогли – значит, они и не были их достойны. Но зато до самого дня операции я жил с надеждой на новую жизнь – незабываемые чувства, скажу я вам, Питер. Однако пятнадцать лет в этой мышеловке, – обвел Роберт рукой вокруг себя, – дались мне нелегко. Иногда я думаю…

Снова отсутствующий взгляд, приоткрытый в нелепом полуоскале рот и стекающая струйка слюны. Я не на шутку встревожился: с Марсом явно творилось что-то не то.

– Ох, – пришел в себя Марс. – Что-то мне не по себе. – Он прикрыл глаза и начал массировать виски. – Иногда я думаю, – сказал глухо он, – что протянуть три года мне вряд ли удастся.

– Ну-ну, мистер Марс, – дружелюбно сказал вдруг Дживс. – Все будет в порядке. Я передам мисс Бомонт, что вам нужен еще один курс терапии. Она обязательно вам поможет.

– Я устал от этой бельгийки, – раздраженно ответил тот. – Мне нужно просто расслабиться, отдохнуть, сменить обстановку.

– Кстати, Роберт, – решил я задать вопрос, который родился у меня после путешествия по офисам. – А почему вы представляете пространство вокруг вас именно так? – указал я на вид за стеклянной стеной. – Работа, офис… Почему не Карибы, Лас-Вегас или, на худой конец, поле для гольфа.

– Карибы? – откинулся Марс в кресле и с прищуром посмотрел на меня. – Вы были на Мартинике, мистер Рыкоф? Нет? Антигуа? Доминика? Багамы?

– Пару раз в Доминикане, – кивнул я. – Недолго, конечно, почти все время отнимала компания.

– Компания… – протянул Марс. – Конечно же. Иначе откуда бы вам взять сто миллиардов. Что ж. – Он прикрыл глаза и, не успел я даже испугаться, что у него опять провал в памяти, как пространство вокруг нас в один миг изменилось.

Офис исчез и теперь нас окружал лишь воздух. Роберт сидел в глубоком плетеном кресле. Нас разделял легкий бамбуковый стол, на котором стояло два высоких стакана с какой-то жидкостью оранжевого цвета. Осмотревшись, я обнаружил, что сижу в таком же кресле, одетый в плавки, яркую цветастую рубашку и бейсболку. Видно, мое подсознание сработало само по себе.

Вокруг нас, куда дотягивался взгляд, было лишь три цвета. По левую руку, упираясь в ярко-зеленую стену деревьев,

раскинулся гигантский пляж, слепя песком, отливающим в лучах солнца золотыми зайчиками. Справа песок сбегал в синюю гладь воды, уходящую к горизонту и там сливающуюся с лазурью неба.

– Пройдемся, – Марс встал и зашагал по песку. Мы с Дживсом последовали за ним. Дойдя почти до воды Роберт обернулся, раскинул руки, словно обнимая пейзаж.

– Ну, как вам картинка, Питер? Ничего странного не замечаете?

Я медленно осмотрелся, вдохнул воздух, прислушался к крикам чайки. Поначалу я не заметил ничего особенного. Но затем, решив применить уже испытанный в вестибюле здания метод, начал присматриваться к деталям окружающего мира и постепенно увидел тоже, что и в первый раз: небрежности в визуализации. Песок расползался под ногами невнятной кашицей; крики чаек стали какими-то гортанными и резкими, раздражая. Недалекая зеленая полоса леса дробилась на тысячи кусочков.

Но в чем дело? Ведь Марс вот он, стоит рядом. Понятно, что в здании, сидя на сто двадцатом этаже, ему незачем было следить за интерьером первого. Но здесь? Я вопросительно взглянул на Роберта.

– Вижу, вы тоже чувствуете, – кивнул тот и нервно заходил по песку. – Вы спрашиваете, почему я провожу это чертово время в своем чертовом офисе? Вот вам ответ, – махнул он в сторону леса. – Для того, чтобы визуализировать окружающий мир, я должен сначала представить его. Он должен сформироваться у меня вот здесь, – постучал он согнутым пальцем по голове. – А что отвечает у нас в голове за картинки?

– Воображение? – предположил я.

– Частично да, – кивнул он. – Но воображение может вас завести в такие дебри, что сами рады не будете. А основное – это память. Чем чаще вы бывали в каком-то месте, тем лучше ваша память запомнила его, от общего впечатления до мельчайших деталей. И наоборот: если вы бывали где-то всего несколько раз или видели только по головидению, вы сможете представить это место лишь в общих чертах. Только набросать эскиз, вместо полноценной картины, если обратиться к изобразительному искусству.

– А бывали вы, чаще всего в вашей жизни, в офисе, – кивнул я. Теперь все становилось на свои места.

– Офис, пентхаус в Гонконге, бунгало в Таиланде, – перечислил он. – И еще ипподром в Шэньчжэн и пара казино в Макао. Я работал всю жизнь, как проклятый. Я облетел весь мир, только вот видел его, в основном, из иллюминатора

«Гольфстрима» или из окна «Роллс-Ройса». Я не отдыхал ни на одном курорте дольше пяти дней.

– И теперь не можете их должным образом воссоздать, – снова кивнул я. – А как же мощности сервера? – обернулся я к Дживсу.

– Дата-центру «Церебрума» нет равных в мире, – развел тот руками. – Но практически все его мощности поддерживают существование хранилищ отпечатков клиентов. По сравнению с этой задачей на визуализацию окружающего их мира идут сущие крохи. Однако мой создатель все равно делает все, что от него зависит. Лично мне кажется, что достоверность данной местности очень высока. Я бы сказал – не меньше семидесяти процентов.

– Очень высока, – передразнил его Марс. – Да меня от этой достоверности через два часа тошнить начинает. А море? Разве это море? Какая-то моча, прости, господи.

Кстати, о море. Я, сняв шлепанцы и рубашку, осторожно ступил в воду. Ноги приятно освежило. Я двинулся вперед, по песчаному дну, и через несколько метров погрузился уже по грудь. Нырнув в воду, я проплыл метров сорок, вынырнул, отфыркиваясь. Без сомнения, это было море – без единого изъяна. Поплавав еще пару минут я вышел обратно на пляж.

– Великолепная вода, – сказал я, вытираясь поданным Дживсом полотенцем.

– Значит, вам повезло, – с кислой миной сказал Марс. – Я-то на пляже все больше «маргаритам» внимание уделял.

Я усмехнулся. Не рассказывать же соседу по «Forbes», сколько миль я проплыл во времена службы в Корпусе. Или вспомнить тот случай с захватом глубоководного комплекса…

– Если бы вы только знали, Питер, как я был рад, когда очнулся после операции и понял, что все обещания Мацумото – правда, – мечтательно протянул Марс, глядя в точку перед собой. – Я был уверен, что в вихре развлечений, которые мне даст виртуальный мир, восемнадцать лет пролетят, как один день, а после этого я, молодой и с деньгами, смогу прожить новую жизнь так, как этого хочу я, а не моя семья.

– А вместо этого, – его взгляд помрачнел, налился тоской, – я долбаных пятнадцать лет живу по одному распорядку: офис, дом, бунгало; офис, дом, бунгало. Иногда разбавленные ипподромом и казино. Вы понимаете, Питер, до чего надо дойти, чтобы жалеть, что в прошлой жизни вы слишком мало уделяли внимания проституткам?

– Интересные дела, – подергал я в задумчивости ухо, глядя на Дживса. – Что-то я не помню, чтобы мне об этом говорил кто-то из «Церебрума» перед заключением контракта.

– Вообще-то в шестом разделе, параграф F, часть третья, подпункт шесть точка один контракта, указано, что пациенту рекомендуется не позднее, чем за полгода до операции, а лучше – за год, уделить усиленное внимание поездкам по различным географическим и культурным достопримечательностям, – выдал Дживс. – В целях накопления опыта для последующих визуализаций во время нахождения в цифровом виде.

– Ага, – сказал я раздраженно, – и отчего-то мне кажется, что данный пункт набран исключительно мелким шрифтом. Ох, чувствую, у нас с мистером Накадзавой будет доолгий разговор.

– Дайте-ка угадаю, – предложил Марс. У вас, Питер, на момент заключения еще не было накоплено достаточной суммы для оплаты, не так ли?

– Угадали, – кивнул я. – Мне понадобилось почти пять лет, чтобы оплатить контракт.

– Еще бы! – ухмыльнулся Роберт. – Кто же будет вам советовать уйти в отпуск на год вместо зарабатывания денег на операцию?

Я лишь покачал головой: конечно, можно было предъявить претензии Россу – ведь именно он занимался правовой стороной договора с «Церебрумом», но откуда юристу было знать о важности этой чертовой визуализации?

– Не волнуйтесь, мистер Марс, уверен, что мисс Бомонт…, – затянул опять свое Дживс.

– Да видал я в гробу эту бельгийку, – зло ответил тот, сделал шаг вперед и мы снова, без предупреждения, оказались в его офисе, стоя около стола.

– Надеюсь, Питер, наша встреча была вам полезна, – сказал Марс, падая в свое кресло и беря со стола потухшую сигару. – Вот так мы и живем.

– Весьма полезной, – отозвался я. – Что ж, Роберт, от всей души желаю вам продержаться и надеюсь встретиться с вами в реальной жизни, лет через двадцать.

– Прощайте, Питер, – вяло отмахнулся Марс. Перепады в его настроении и поведении просто поражали. Еще секунды назад он был полон энергии, хоть и выглядел раздраженным, а сейчас выглядел так, словно последние часов восемь таскал тачку с углем.

Мы с Дживсом направились к выходу, но дойти до двери не успели. Что-то прогрохотало, ее разнесло в щепки, а в комнату ворвались вооруженные люди. Один из них, прижав меня всем телом к стене, проорал прямо в лицо:

– Стоять! Не двигаться!

Больше ошеломленный, чем напуганный, я взглянул на

Дживса, но тот вел себя спокойно, так что и я решил не дергаться.

Побледневший Марс, поднявшись из кресла, молча смотрел на вторгнувшихся. Между тем, двое из них, также молча, схватили его за руки, подтащили к стене и обмотали чем-то вроде скотча, так, что Роберт оказался прилепленным к стеклу, будто муха, угодившая в паутину.

– Роберт Марс, – вперед выступил один из боевиков, наверно, главный, хотя никаких знаков различия на них видно не было, а лица – закрыты масками. – Решением трибунала «Движения за чистоту генома» вы приговариваетесь к смертной казни за использование геномодифицированных ингредиентов в деятельности корпорации «Mars incorporated». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Говоривший махнул рукой и двое стоявших за ним террористов, вскинув оружие, нажали на гашетки. Я вздрогнул, в ожидании того, как безгильзовые пули вопьются в тело Марса, но, как оказалось, боевики стреляли не в него. Автоматные очереди очертили овал вокруг Роберта и вот в один миг он еще стоял у стены, а в другой на его месте зияет дыра. Самого Марса вынесло наружу, как пробку из бутылки: на высоте ста двадцати этажей сила ветра была не меньше десяти метров в секунду.

Я еще не успел придти в себя от столь стремительной череды событий, как убийцы деловито покинули кабинет, словно уборщики после окончания ежедневной уборки. Через остатки двери пробралась давешняя блондинка и, увидев дыру посередине стены, тоненько завопила. Высасываемый из офиса воздух гудел, как гигантский пылесос, но внезапно смолк, как отрезало, хотя дыра никуда и не делась. Судя по всем, дело «рук» Дживса.

– И что все это значит? – посмотрел я на него.

– Мисс Бомонт говорит, что это – проявление суицидальных наклонностей мистера Марса, – пожал он плечами. Иногда он входит в полосу кризиса, который обычно заканчивается подобным образом. Не волнуйтесь – через несколько часов он придет в себя и мисс Бомонт займется его реабилитацией.

– Суицидальные наклонности, – повторил я задумчиво. – Просто великолепно. Чувствую, меня ожидает еще немало сюрпризов.

– Уверен, что создатель не позже следующих пяти лет сможет довести достоверность визуализации до девяносто процентов, – попытался, видимо, ободрить меня Дживс. – Вне зависимости от ваших воспоминаний.

Ладно, – сказал я. – Утро вечера мудренее: там посмотрим. Пошли на выход.

– Хотите вернуться тем же путем или прямо отсюда? – спросил Дживс.

– Давай отсюда, – решил я. – Чего вниз телепаться.

Дживс даже не пошевелился, но рядом с дырой в стеклянной стене вдруг протаял овальный проход, в котором проглянула уже виденная мной дымчатая стена ниши, через которую мы проникли в мир Роберта Марса.

23

Не знаю, сколько прошло времени после посещения Марса. Под руководством Дживса я продолжал осваивать тонкости виртуального мира, но настроение у меня было минорное. По всему выходило, что из-за однообразия окружавшего Роберта мира он медленно, но верно сходил с ума. Но кто из клиентов «Церебрума» мог похвастаться тем, что провел хотя бы месяц в безделье, путешествуя по курортам и разнообразным экзотичным местам? Марс был прав – большую часть жизни мы проводим в собственных самолетах и «ролл-ройсах». В каком же состоянии моральный дух остальных клиентов? В шкафах «Церебрума» явно скрывался не один скелет.

Можно было лишь утешаться, что, по крайней мере, у меня не будет проблем с морскими ваннами. И проклинать мысленно Накадзаву за то, что не обратил мое внимание на столь важный нюанс. Хватит ли у меня моральных сил и воли продержаться в виртуальном мире почти двадцать лет и выйти на волю не обезумевшим существом, а тем же Питером Рыкофым, который пару дней назад сел в операционное кресло? В конце концов, еще пару лет назад я только мечтать мог о том, что смогу обеспечить собственное существование после достижения рассчитанного центром Окадо генетического предела. Если бы мне пришлось выбирать между вечным существованием в виртуальном мире или смертью, выбор был бы нелегким, право слово. Что ж, остается надеяться на то, что Алекс Чен действительно сможет обеспечить визуализацию окружающего меня мира на должном уровне.

Дживс, среди прочего, рассказал, что мне, как и любому клиенту, полагается собственный сервер, но, поскольку Чен сейчас отсутствовал, взяв трехдневный отпуск и отправившись в неизвестном направлении, мне придется это время побыть виртуальным бездомным в системе «Церебрума».

Впрочем, скучать мне не пришлось. Чем ближе я знакомился с окружавшим меня миром, тем интереснее становилось. Постепенно я начинал разбираться в сложных информационных потоках, пронизывающих систему. Более того: я понял, что если пристально присмотреться к определенному участку пространства, я начинаю ощущать, на уровне инстинктов, к чему именно относится тот или иной кусочек виртуального мира. Дживс научил меня выращивать из собственного цифрового тела нечто вроде псевдорук, которыми я мог касаться любого встреченного в системе объекта. Первым делом я взялся ощупывать все попадавшиеся в нашем неспешном дрейфе

сервера. Любой из них имел вход, но пароли доступа, представавшие то в виде неприступных ворот, то гигантских дверей, то обычного шлагбаума, препятствовали моему любопытству. Однако после многочисленных попыток я почувствовал, что близок к успеху.

– Похоже, у меня может получиться сломать пароль, – сообщил я Дживсу.

Сейчас наши сферические тела плавали возле треугольных ворот, составленных из тугих жгутов цифр и символов. Псевдоруками, больше похожими на щупальца, я аккуратно перебирал информационные ручейки, разбираясь, откуда и куда они текут. В реальном мире это, наверное, выглядело бы как составление утилиты для взлома или поиска дыры в защите программы.

– Могу предположить, что владелец сервера не одобрит несанкционированное проникновение, – с сомнением прокомментировал Дживс мою тягу к новым знаниям.

– А у тебя есть установка препятствовать моим перемещениям внутри сети «Церебрума»?

– Нет, – помолчав, отозвался тот. – Однако создатель уделил много внимания этическим регуляторам моих целеполаганий. Мне кажется, то, что ты делаешь – это нехорошо, однако останавливать тебя у меня нет прав. Думаю, я сообщу об этом программном конфликте создателю или доктору Бомонт.

– Ах, да, та симпатичная бельгийка.

– Наверно, ее можно так охарактеризовать, – сказал Дживс. – Она называет меня другом. Я знаю, что это очень важно у людей – быть кому-то другом.

– Что ж, такой подход меня устраивает, – отозвался я, продолжая перебирать символьные ручейки. – Думаю, Амели не будет против, если…черт!

Информационные жгуты вдруг вздулись, сразу увеличившись чуть ли не вдвое, их нежно-зеленый цвет сменился пурпуром и из-за виртуальных ворот донеслось что-то, похожее на вой сирены.

– Это ещё что такое? – я посмотрел на Дживса. Его сферическое тело заволновалось, пошло волнами по всей поверхности.

– Кто-то запустил протокол «Фукусима», – наконец сказал он.

– Что за «Фукусима»?

– Процедура, запускаемая в случае чрезвычайной ситуации, к примеру, радиационной или биологической угрозы. Все здания «Церебрума» переходят на карантинный режим.

– Хм, значит, кто-то из яйцеголовых крупно облажался. Есть ли угроза для серверов? – я сразу озаботился безопасностью

своего оцифрованного сознания.

– Пока что не могу оценить, – откликнулся Дживс. – Протокол запущен из офиса службы безопасности, но по инструкции такое возможно лишь в отсутствии руководства центра, а мистер Накадзава, насколько мне известно, сегодня на месте.

– Наверняка где-то здесь есть доступ к камерам наблюдения, – начал я осматриваться между громадинами-серверами. – Давай-ка взглянем, что происходит в этом вашем офисе.

– Да, доступ есть, – Дживс молнией метнулся куда-то вперед. Я, еле успев отреагировать, бросился вслед за ним, так, что бесконечные значки слились в сплошные линии.

– Вот здесь, – затормозил Дживс возле очередного «эвереста». – Но я не уверен, что это рациональное предложение. За работоспособность систем комплекса отвечают соответствующие программы и люди. Для меня главное – безопасность наших клиентов в их цифровом облике.

– Мы же не собираемся вмешиваться, – сказал я. – Просто взглянем, что там творится. Ты ведь знаком с моим досье? Если так, сомнений в том, что я – эксперт по конфликтным ситуациям, у тебя быть не должно.

– Я не сомневаюсь в этом, Питер, – Дживс, казалось, колеблется. – Но все же…

– Давай посмотрим и потом решим, – продолжал давить я. – Если ничего странного не происходит, то просто вернемся и ты продолжишь свою лекцию.

– Что ж, хорошо, – решился наконец тот. – Думаю, тебе надо сказать спасибо моему создателю. Он вложил в меня немалую толику любопытства и даже пару раз сказал, что, по его мнению, излишне много. – Он хихикнул, совсем как мальчишка. – Давай за мной.

Золотистая сфера подплыла к набухшим синевой воротам, немного повисела и вот одна из створок со скрипом распахнулась, открыв туннель, уходящий вглубь.

– Идем, – Дживс втянулся в темноту жерла, я последовал за ним. Я несся за Дживсом, еле успевая реагировать на очередной поворот в сторону, вверх или вниз. Уже через минуту я запутался в хитросплетениях пронизывающих сервер, словно дырки в сыре, информационных потоков, по поверхности которых мы скользили, как серфингисты на гребне волны.

Постепенно туннели, по которым мы проносились золотым и изумрудным метеорами, начали сужаться. Я представил, как наши сферические тела постепенно принимают каплевидную форму. В конце концов виртуальные капилляры сузились до

размера волоска и я уже было забеспокоился – не завел ли меня Дживс в местную разновидность смирительной рубашки – как вдруг, завернув за очередной поворот, я вырвался в большую каверну, которую, в отличие от туннелей, заливал свет. Лишь через пару секунд я осознал, что свет исходит от противоположной от меня стороны полости, представлявшей собой громадное стекло. Или то, что представлялось мне, как стекло.

– Мы находимся в одном из кластеров, отвечающих за обработку видео– и аудио потоков, поступающих с камеры наблюдения в офисе службы информации, – прокомментировал Дживс.

Словно в подтверждение его слов до меня донеслось:

– Перестаньте. Накадзава-сан – пожилой человек, примите во внимание хоть это.

Пока я соображал, почему голос кажется мне знакомым, кто-то сказал:

– Вот и славно. Я и не собирался применять его. В вашей профессии это называется фасцинацией, если я правильно помню?

Ну уж этот голос я не спутаю ни с каким другим. Но…

– Это же невозможно! – я подлетел к окну и уставился на открывшуюся картину. – Это просто бред какой-то.

Передо мной, словно в экране громадного головизора, расхаживал по комнате мой двойник. В креслах за ним, возле дальней стены, почему-то со скованными запястьями сидели та молодая бельгийка, Амели Бомонт, и Акихиро Накадзава собственной персоной.

– Да, это выглядит странным, – меланхолически высказался Дживс.

– Странным?! – я метнул взгляд в его сторону. – Скажи лучше – немыслимым! Что это все значит? Это какая-то проверка? Ваши гребаные тесты моей психологической устойчивости?!

– Поверьте, Питер, я удивлен не меньше, чем вы, – ответил Дживс. – Все, что вы видите, действительно происходит в офисе службы безопасности. Я не понимаю, каким образом там оказались вы…вернее, ваш биологический носитель, если операция прошла успешно. И почему мисс Бомонт и мистер Накадзава в таком состоянии. Пожалуй, я попробую связаться с создателем.

– Ты можешь сделать так, чтобы мой голос был им слышен? – спросил я, возвращаясь к «экрану».

– Да. Когда захотите, чтобы вас услышали, коснитесь коннектора.

– Чего?

– Поверхности, через которую вы сейчас наблюдаете происходящее в офисе.

– Ладно, – я подплыл к стене, вырастил псевдоруку и коснулся «экрана».

В комнате, меж тем, мой двойник что-то доказывал Накадзаве.

– … Иначе может случиться так, что мы окажемся с ними в одном зале суда. На их месте я бы постарался договориться. А по этой части у меня – богатый опыт, уж можете поверить на слово. Что касается…

– Кхм, кхм, – откашлялся я. – Может быть, мне кто-нибудь пояснит, что здесь происходит?

24

– Я готов согласиться с твоим вариантом, но только после того, как мы обсудим с Россом проблемы юридического характера. Не вижу причин, почему часть моей компании должна перейти в твою собственность.

– Очень интересно. А я вот вижу. Хотя бы в том, что я как существовал вчера, так и продолжу свое бытие сегодня и завтра. А ты – всего лишь уродливое дитя Накадзавы, операционная ошибка. Тебя юридически – не существует, запомни.

– Уверен, что любой юрист, ознакомившись с контрактом, поставит твое утверждение под сомнение. Там четко прописано, что после переноса сознания мой биологический носитель обязаны уничтожить. Так что после операции все права и обязанности Питера Рыкофа перешли ко мне, как к его цифровой копии, если можно так выразиться. Я согласен, что твое существование, как минимум, вызовет споры о том, кто из нас является действительным Питером, но готов перевести этот вопрос в судебную плоскость.

– Это просто смешно и ты сам знаешь об этом. У меня нет времени ходить по судам. Скорее, я просто потребую от «Церебрума» стереть тебя или сам озабочусь этим.

– А вот с этим, боюсь, я не могу согласиться и предупреждаю, что буду препятствовать любыми возможными способами.

– Дьявол вас всех побери!

Я откинулся на спинку кресла, разглядывая один из мониторов, на экране которого красовалась моя цифрография шестидесятилетней давности. Именно ее выбрал внезапно объявившийся двойник в целях собственной визуализации. Видимо, ощущать себя лишь облаком триллионов байт в разговоре со мной ему было не по себе.

Вот уже час мы спорили, кто из нас является юридическим понятием «Питер Рыкоф» и как действовать дальше, периодически переходя на взаимные угрозы. Теперь уж я на сто процентов понимал скепсис Накадзавы, когда предложил вырастить второго клона, который будет мне «братиком». Да это не братик, а настоящая акула. Никогда бы не подумал, что выгляжу со стороны таким крючкотвором. И тем не менее, каждую секунду приходилось напоминать себе, что я веду разговор, по сути, сам с собой. Тут недолго и до шизофрении договориться. Всякий раз, когда я задумывался о том, каково это – спорить с собственным отражением, да еще когда на кону – твоя жизнь, уже через пару минут начинала раскалываться голова.

Тягостные раздумья прервал входящий вызов. Я ткнул лучом стилуса в окошко и в развернувшемся изображении возникла девушка лет двадцати. Рыжая зеленоглазая красотка с изящным, усыпанным веснушками, носиком и копной роскошных волос, украшенных замысловатой цепочкой. Личный секретарь господина Рене Гранжана, председателя совета директоров «Церебрума». Она связалась со мной уже через десять минут после запуска «Фукусимы». Вернее, она ожидала увидеть местного босса безопасности и весьма удивилась моему явлению. И еще более, когда я вкратце изложил возникшую только что у ее начальника проблему. Еще через двадцать минут меня озаботил звонком кто-то из шишек попроще Гранжана. Ему я изложил предварительные требования, выработанные совместно с Петром, как согласился именоваться мой цифровой двойник. Ну а теперь, видно, дошла очередь и до яблок[47].

– С вами хотел бы переговорить мистер Гранжан, – мило улыбнулась девушка, продемонстрировав белоснежные зубы.

– Не имею ничего против, – милостиво кивнул я.

Изображение на пару секунд затуманилось и вот уже на меня смотрит глава корпорации с полу триллионным годовым оборотом. На вид лет сорок, но по нынешним временам может быть и все восемьдесят. Гладкое загорелое лицо с открытым взглядом, казалось, говорившим: «эй, парень, я же свой, можешь довериться мне». Только вот жесткие костистые скулы, словно вырубленные из гранита, и льдистый блеск серых глаз предупреждали о непростом характере их владельца.

– Добрый день, мистер Рыкоф, – сверкнул швейцарец вторым за пару минут набором зубов. – Мне известно о возникшей небольшой проблеме…

– Господин Гранжан, – прервал я его. – У меня нет ни времени, ни желания ходить вокруг да около, поэтому я, вкратце, изложу личное видение вашей небольшой проблемы. В результате халатного отношения ваших сотрудников к своим обязанностям, мое сознание было оцифровано, но меня не умертвили, как это было предусмотрено контрактом. Так что, с моей точки зрения, ничего не изменилось и я все еще жду исполнения обязательств вашей корпорации. С другой стороны, мой цифровой двойник, находящийся сейчас в недрах сети «Церебрума», считает оконченным первый этап операции и в оговоренные сроки ожидает переноса на физический носитель. Подытоживая, я хотел бы услышать от вас гарантии по исполнению контракта в полном объеме, а именно – оцифровка для меня и перенос на физические носители, в соответствующие сроки, для нас обоих. Ваш комплекс в Токио сейчас находится в процессе исполнения протокола

«Фукусима», так что зайти и выйти с территории можно только с моего согласия. Надеюсь, что инфраструктура комплекса и жизни ваших сотрудников будут достаточным условием для достижения необходимого компромисса.

– Я наслышан о вашей хватке при заключении контрактов, мистер Рыкоф, – швейцарец откинулся в кресле и пригубил из миниатюрной чашечки кофе. – Однако, не могу согласиться с вашей интерпретацией сложившейся ситуации. Как вы правильно отметили, операция была проведена согласно контракту и в результате ваше сознание было оцифровано и перенесено в сеть «Церебрума». Я не думаю, что у того Питера Рыкофа, который сейчас обретается в сети, есть какие-то претензии к корпорации. Что касается ошибки, в результате которой ваше физическое тело осталось существовать, то мы можем частично признать свою вину и заключить следующий контракт с вами, ну, скажем, с десятипроцентной скидкой. Думаю, это разумное предложение, мистер Рыкоф, – самодовольно улыбнулся Гранжан.

– То есть вы предлагаете мне заплатить вам еще девяносто миллиардов? – я почувствовал, что щеки горят от гнева. – Можно подумать, вы не знаете, что для оплаты контракта мне потребовалось пять последних лет и в результате моя компания сейчас еле стоит на ногах. У меня нет возможности изъять из оборота даже десять миллиардов, не говоря уже о вашей сумме.

– Ну, мы можем решить наш спор, как все цивилизованные люди, – развел руками Гранже. – У вас опытные и решительные адвокаты, уверен, что они готовы обосновать и отстаивать в суде любые ваши требования.

– Значит, это ваша позиция, – я успокоился и откинулся на спинку кресла.

– Полагаю, что так, – кивнул швейцарец. – А что касается ваших угроз собственности корпорации и жизням ее сотрудников, то смею напомнить, что это называется терроризмом и, насколько мне известно, токийская полиция уже поставлена в известность о данном инциденте.

– И вас не волнует, что правда о методах Окадо всплывет в прессе? Не сомневаюсь, что после раскрытия всех деталей контракта следственные органы десятка стран заинтересуются вашими экспериментами.

– Рано или поздно это все равно должно было случиться, – пожал тот плечами. – Не скажу, что это будет безболезненный для нас процесс, но мы его переживем.

– И вы готовы поставить под угрозу собственный комплекс и несколько сотен жизней? – скептически спросил я. – А во сколько же вы оцениваете интеллект профессора Окадо?

– Если вы имеете в виду сервера, – усмехнулся Гранжан, – то за них я уж точно не волнуюсь. Вы знаете, почему мы решили строить комплекс именно в этом месте? Наверняка нет. В ста метрах под землей начинается скальник. Серверное хранилище устроено глубоко в нем и способно выдержать ядерный удар. Так что его сохранность сомнений у меня не вызывает. Впрочем, – отставил швейцарец чашку, – изложенное предложение – моя личная инициатива. В течение суток будет проведено внеочередное заседание совета директоров, на котором мы обсудим сложившуюся ситуацию. Но я бы на вашем месте не рассчитывал на большее. Правда, я мог бы предложить вам еще один вариант, – взгляд Гранжана похолодел. – Мы можем сделать бесплатную оцифровку, но не выращивать новых клонов. Подумайте над этим на досуге, а я обязательно перезвоню вам, как только получу вердикт совета директоров. Всего наилучшего, мистер Рыкоф.

Изображение, мигнув, свернулось.

Я сидел, уставившись в одну точку, размышляя над последними словами Гранжана.

– Кажется, он только что предложил тебе сделку, – раздался ровный голос Петра. – Стереть меня в обмен на бесплатную повторную оцифровку.

– Ну и что, – я посмотрел на цифрографию на мониторе, пожал плечами. – Мы же договорились действовать вместе? Заставить его, так или иначе, распространить действие контракта на нас обоих.

– Ну да, – глубокомысленно высказался Петр и замолк.

Меня бросило в жар. Ведь только что, на каком-то уровне сознания, я прикидывал, что и как сделать, чтобы стереть свою копию. А это значит, что и Петр в это время мог, да что там мог, должен был размышлять над тем, как исправить ошибку Накадзавы и ликвидировать меня, как лишний биологический мусор. По всему выходило, что каждую секунду я должен быть начеку. И похоже на то, что братской любви между нами – не бывать.

Снова завибрировал сигнал вызова. Я подумал, что Гранжан передумал и решил принять мои условия, но на экране возник японец. Судя по кителю, один из лацканов которого украшали четыре звезды, и жесткому взгляду, из сливок местных правоохранительных органов.

– Я Ринго Пак, – сразу взял быка за рога японец, – начальник управления полиции Токио. К нам поступила информация об активировании протокола «Фукусима» на территории медицинского центра корпорации. С кем имею честь? Я бы хотел

переговорить с Накадзавой-сан.

– Комплекс захвачен, – поддержал я его в стремлении обойтись без экивоков. – Меня зовут Питер Рыкоф и я намерен вести переговоры о судьбе зданий и персонала непосредственно с советом директоров «Церебрума». Любые попытки ваших подразделений проникнуть на территорию комплекса – будут пресечены. В ваших интересах – в кратчайшие сроки связаться с руководством корпорации и получить необходимую информацию.

Если Пак и был шокирован только что свалившейся на него проблемой, то ничем этого не выдал, около минуты буравя меня тяжелым взглядом, словно испытывая на прочность.

– Хорошо, мы займемся этим, – видно, шеф полиции все-таки пришел к выводу, что его не разыгрывают. – Могу я переговорить с Накадзавой-сан?

– Не вижу пока что в этом необходимости, – покачал я головой.

– Вы осознаете, что только что сообщили об акте терроризма и о своем в нем участии? – мрачно спросил Пак.

– Не осознаю, – усмехнулся я. – Я не участник и не информатор. Я – единственный организатор и исполнитель.

– Что ж, господин Рыкоф, в ближайшее время с вами свяжутся. – Японец покачал головой, словно все еще не веря в только что услышанное, и отключился.

25

– Ну, вот и закрутился маховик, – подал голос Петр. – Через полчаса вокруг комплекса отбоя не будет от копов и журналюг. Что будешь делать, если Гранжан не пойдет на уступки?

– Как обычно – действовать по ситуации, – я набрал команду и отослал по почте файл, над которым работал последние минут сорок. – Я отправил инструкции Россу, можешь почитать письмо на «мыле», пароль, надеюсь, не забыл? Пусть собирает команду и летит сюда. Думаю, у него будет много работы ближайшие пару суток.

– Неплохо, – после недолгого молчания отозвался Петр. – Пусть прикроет нас с той стороны баррикад, а если дело дойдет до Верховного суда – лучше него с этим никто не справится. Что дальше? Ждем развития событий?

– Ждем, – согласился я, отсоединяя от поверхности стола один из интелвиртов и трансформируя его в портативную версию. – Ты займись своими делами, какие там у тебя в сети? А я пойду прогуляюсь.

– Можно поинтересоваться, куда?

– Да так, хочу осмотреться на территории. Первое правило в разведке не забыл?

– Не переедать на ночь, – буркнул чем-то недовольный Петр.

– Ценю твое, вернее, свое остроумие, – усмехнулся я, – но, как говаривал сержант Трэвис, упокой, господи, его душу, первое правило разведчика – быть готовым к любой неожиданности. Даже детской. Тем более мне надо освободить Мику, я тебе о ней рассказывал.

– Благородная цель. И зачем тебе для этого интел? – в голосе Петра чувствовалась подозрительность.

– А если, пока я там буду ходить, к нам гости пожалуют? Так я хоть заранее увижу.

– Я, между прочим, мог бы увидеть их не хуже тебя.

– Послушай, Петр, – я откинулся на кресло и посмотрел туда, где, по моим расчетам, должен был располагаться видоискатель камеры наблюдения. – Давай сразу признаем, что мы не доверяем один другому, хоть это и выглядит, возможно, смешно: как можно не доверять самому себе? И тем не менее, это так. Как по мне, лучше быть честными друг перед другом и действовать, как равноправные партнеры, чем изображать из себя братьев, согревая камень за пазухой. И тогда не будем обижаться, если кто-то из нас решит перестраховаться. Nothing personal, just business.

– Ладно, – после долгой паузы ответил Петр. – Возможно, ты

прав. Вообще, от всей этой чехарды, устроенной Накадзавой, голова у кого хочешь кругом пойдет. Хорошо, иди. У меня есть чем заняться.

Акихиро возмущенно засопел, ворочаясь в кресле, но смолчал. Видимо, на него благотворно повлияла моя недавняя забота. Я на целый час освободил его от оков, дав возможность размять ноги и удовлетворить насущные нужды, а затем, вернув в исходное состояние, надел на него голоочки и запустил заказанный им сериал о приключениях странного розового пони. Амели, забавно сопя, дремала, склонив голову на плечо.

Я вышел из офиса безопасности, оставив двойника размышлять о моих истинных намерениях. Похоже, ближайшие пару дней мы обречены играть бесконечную шахматную партию с собственным отражением, ставя под угрозу психику. «Что думал ты в такое время, когда не думает никто?»

Размышляя над хитросплетениями судьбы, я не заметил, как добрался до первой своей цели – кабинета Накадзавы. Когда я говорил Петру о необходимости интела, чтобы следить за происходящем на территории комплекса и по его периметру, я не врал. Но и всей правды не сказал. Отдав через интел команду открыть двери и отключить камеры наблюдения в кабинете, я вошел в офис. Теперь Петр был лишен возможности наблюдать за моими действиями.

Я подсоединил «Orange» безопасников к «BatCray» Накадзавы и зашел в сеть. Доступ в Гипернет полиция еще отключить не успела, так что первым делом я вскрыл одно из «облачных» хранилищ, в котором по давней привычке держал копии некоторых важных документов и набор программ, облегчающих жизнь в виртуальном мире. Честно говоря, я не был бы удивлен, окажись хранилище опустошенным, – каждую секунду следовало помнить, что в моей памяти нет ничего, чего бы не знал Петр. К счастью, виртуальный контейнер выглядел нетронутым – видно, моего близнеца одолевали более насущные проблемы, так что я перекачал все содержимое в свой интел и затем удалил исходники. Глупо было бы давать программное преимущество существу, и без того представлявшего собой цифрового монстра.

До этого момента, начиная со встречи с собственной копией, я чувствовал себя весьма неуютно, но сейчас на душе явственно полегчало. Кодоны и боевые вирусы создавались специалистами, с которыми тот же Алекс Чен почел бы за честь посидеть за одним столом, так что в потенциальном противостоянии с виртуальной личностью вполне могли оказаться той соломинкой, что ломает спину верблюду.

Я запустил, одну за другой, «Уховертку», «Айс-кью», «Dies

irae» и усилил их действие «Иерихоном». Моей целью было захватить под контроль сеть «Церебрума», чтобы посадить Петра на короткий поводок, но минут через двадцать стало ясно: нахрапом взять местную систему не выйдет, даже не смотря на допуск уровня Накадзавы. Все пароли доступа, после запуска «Фукусимы», сменились, так что оставалось только перейти к планомерной осаде. Пополнив ряды осаждающих «Термитом+», я покинул офис. Интелвирт Акихиро остался соединенным с моим, так что я мог в режиме онлайн наблюдать за неспешной работой виртуальных грызунов.

Дальше мой путь лежал, как я и сказал Петру, в хранилище, где я очнулся каких-то десять часов назад. И снова: там где правда, там и ложь.

– Доброго дня.

Я остановился у двери, осматривая помещение, и не удержался от смешка. К моему удивлению, Мику так и не смогла освободиться. Более того, видимо, пытаясь развязать узлы, девушка потеряла равновесие и теперь, лежа в нелепой позе, привязанная к стулу, смотрела на меня снизу вверх.

– Спасите, – пискнула она. На каталке заворочался, глухо мыча, Тетсуо. На брюках предательски расплылось большое темное пятно. Его подруга явно оказалась гораздо более терпеливой.

Я подошел к Мику, поднял ее вместе со стулом и развязал импровизированные веревки из простыни. Не сказав даже слова, лишь ойкнув, она метнулась к дальней стене, где виднелась дверь с красноречивым изображением фигурок в юбке и брюках. Пока девушка была занята собой, я обыскал шкафчики и нашел искомый предмет.

За спиной раздалось робкое «спасибо». Я обернулся и посмотрел на пунцовую от стыда Мику.

– Я ведь обещал, что кого-нибудь пришлю вас освободить, – улыбнулся я. – Ты слышала запуск «Фукусимы»?

– Да, – кивнула она.

– Придется вам посидеть здесь, пока все не закончится. Сейчас я уйду и дверь снова будет заблокирована. Потом можешь освободить своего друга. А вот это вам, – я положил на стул пакет с тремя бутылками воды, парой рисовых лепешек и несколькими банками консервов.

– Спасибо, – повторила она и затем, через паузу, – и простите.

– За что? – обернулся я от двери.

– Что хотели кинуть вас в печь, – Мику говорила, упорно не поднимая взгляда от пола.

– Знаешь, возможно, лучшим исходом для всех было бы

действительно меня сжечь, – задумчиво сказал я. От удивления японка наконец подняла голову и посмотрела на меня округлившимися глазами.

– Sayonara[48], – сказал я и вышел из комнаты.

26

– Так и знал, что здесь что-то нечисто.

– Что именно?

– Видишь, он отключил камеры в кабинете Накадзавы. Можно как-нибудь увидеть, что там происходит?

– Только если обойти команду отключения, но я не обладаю необходимым уровнем доступа. Сейчас все управление комплекса сосредоточено в интелвиртах безопасности и доступ к ним есть только у вашего оригинала.

– Не зови его оригиналом! Оригинал здесь только один – я.

– К сожалению, я плохо понимаю ваши разногласия. А мой создатель почему-то не откликается на запросы.

Я мрачно продолжал переключаться с экрана на экран, в пустой надежде увидеть перед собой кабинет Накадзавы. Когда Питер ушел по своим делам, я попросил Дживса показать сервер, где мне были бы доступны все наблюдательные камеры комплекса. После недолгого путешествия по вирт-системе «Церебрума» мы проникли в очередной «эверест», ежесекундно переливающийся миллионами значков и символов. Как только мы влетели в просторную «пещеру» – серцевину сервера, я подумал, что теперь знаю, как выглядят изнутри глаза мухи или стрекозы.

Окружающие меня стены, словно мозаика в калейдоскопе, были составлены из сотен окошек и из каждого на меня смотрел отдельный кусочек пространства. Немного поплутав я, с помощью Дживса, разобрался с управлением и скоро уже мог самостоятельно в десятки раз увеличивать интересовавший меня экран. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что попытка проследить за Питером шансов не успех не имела. Можно было лишь гадать, чем там занимается мой двойник. Вообще, стоило признать, что к его появлению я оказался катастрофически не готов. Лишь совсем недавно я избавился от остатков паники, охватившей меня при известии, что теперь на свете существуют два Питера Рыкофа: один в физическом, и другой – в виртуальном мире.

До той поры меня волновала лишь успешная оцифровка собственного сознания. Кто бы мог подумать, что слова Накадзавы о выжигании, во время операции, нейронов мозга – ложь? Однако его вранье и непонятная ошибка с утилизацией тела породили такое множество проблем, что, не будь я в цифровом обличии, вполне мог бы сказать, что голова идет кругом. Отсутствие головы, тем не менее, не делало ситуацию проще. Я не доверял своему альтер-эго, как, уверен, и он мне. Но

при этом он существовал в привычном для себя мире, обладал свободой действий и имел козырь в виде захваченного комплекса. Я же был в вирте, словно младенец, впервые вылезший из манежа. Без рук, без ног, без тела. Голая мысль, работающая исключительно с информацией. За время, проведенное с Дживсом, я многое усвоил, но нехватка специальных знаний в программировании давала о себе знать. Программирование… вирусы…хранилище…

– Дживс, из вашей вирт-системы можно выйти в Гипернет?

– Да, конечно. Однако, учитывая разговор господина Гранжана с вашим…ээ, с Питером, я думаю, полиция его вскоре перекроет. В принципе, и тогда останутся варианты, но…

– Покажи мне, – прервал я его пространное рассуждение.

Под руководством Дживса мы вышли в Гипернет и вновь понадобилось время, чтобы освоиться в новом для меня мире. Если вирт-систему «Церебрума» можно было сравнить со звездной системой, то мировую Сеть – с целой Галактикой. В этом кажущемся хаосе информации, затянутой в гигантские жгуты магистральных линий передач, упакованной в хабы глобальных провайдеров, завернутой в «планеты» и «астероиды» серверов поменьше, я чувствовал себя астронавтом-первопроходцем, выброшенном из корабля в незнакомом космосе, в миллионах световых лет от родного Солнца.

Но не зря говорят, что человек может привыкнуть практически ко всему. С помощью Дживса я мало-помалу разбирался в окружающем пространстве и вот нас уже засосало в одну из информ-магистралей и мы понеслись вперед, с головокружительной скоростью проскакивая местные «звезды». В конце концов наше путешествие окончилось у одного из бесчисленных серверов, занимавшихся обслуживаем облачных хранилищ. Проникнув внутрь, я испытал настоящий шок. Я словно попал в гигантское, с неисчислимым количеством этажей, здание. От бесконечных коридоров и дверей рябило в глазах. Если бы не Дживс, я бы, наверное, бродил здесь тысячелетиями. Наконец, обнаружив, после долгих поисков, небольшую дверцу с кодовым замком, символизирующем доступ к моему аккаунту, я набрал пароль, дверь распахнулась и…

– Ах ты ж порождение завшивевшей кошки! Отродье мускусной крысы! Чтоб тебя на атомы разнесло! А ты куда?

– Вы сейчас находитесь в нестабильном состоянии, – сообщил Дживс, отплыв от меня в сторону. – Как доказано профессором Окадо, гнев клиента, в период нахождения в вирт-системе, отрицательно влияет на его способность мыслить, что в будущем может отразиться на мыслительных способностях после переноса

сознания на биологический носитель.

– Это еще как? – удивился я. – У меня ведь даже клеток нет, только набор байт, как я понял.

Внезапно передо мной снова, как и при нашем знакомстве, возникло ростовое зеркало: видно, Дживс решил, что это будет более красноречивым, чем слова. По ту сторону отразилась все та же изумрудная сфера, вот только теперь она не была столь спокойной, как в прошлый раз. Поверхность ее постоянно волновалась, вскипала и вихрилась маленькими смерчами, а в глубине периодически вспыхивали красно-коричневые огоньки, почему-то вызывавшие ассоциации с ранами.

– Ну ладно, – сказал я. – Считай, что объяснил. Буду держать себя в руках. – Волнение на глазах успокаивалось, затем пропало и зеркало.

Я снова осмотрелся. Мы находились в небольшой комнате, стены которой скрывались за рядами шкафов. Их створки были открыты, демонстрируя пыльную пустоту. Лишь кое-где в углах виднелись комки чего-то, напоминающего застывший мед, усыпанные символами.

– Опоздали, – сказал я. – Этот гад добрался раньше. Здесь документы важные хранились, да и черт с ними. Главное – кодоны. Полезные. Взломщики, шпионы, стиратели, метаморфы, боевые вирусы. НЗ[49] на черный день.

– Вряд ли вы можете на него сердиться за это, – рассудительно сказал Дживс. – Это имущество принадлежит вам в той же степени, что и ему.

– Ну да, – я почувствовал, что снова начинаю заводиться. – Только ведь он мог просто скопировать, что ему нужно – и уйти. А он все стер. Зачем? Прояви свои вычислительные способности.

– Вынужден признать вашу правоту, – откликнулся Дживс. – Он все стер, потому что не хотел, чтобы этим воспользовались вы. Теперь я понимаю ваш гнев. Однако, на мой взгляд, это все равно нерациональное чувство.

Чего же хочет Питер, размышлял я. Просто обезопаситься от меня или с помощью кодонов причинить мне вред? Учитывая, что взломщик программных кодов или морфовирус вряд ли смогут навредить обычному человеку, ответ напрашивался сам собой. А значит, я должен принять ответные меры. Что ж, Питер, видит бог, не я начал эту игру.

27

В сопровождении Дживса я вернулся в вирт-систему «Церебрума» и первым делом попытался установить, где сейчас находится Питер. Оказалось, он только что вышел из кабинета Накадзавы и куда-то направлялся, возможно, действительно решил освободить ту японку, хоть эта внезапная благотворительность и выглядела подозрительно. Сколько себя помню, никогда не страдал излишней сентиментальностью. Что ж, пока он ходит по своим темным делишкам, займемся собственными.

– Дживс, как думаешь, мы сможем проникнуть в коммуникационную сеть полицейского управления Токио?

– Это незаконно! – золотистая сфера пошла возмущенными волнами, совсем как мое отражение недавно. – Не говоря уже о том, что она наверняка отлично защищена.

– Несомненно. Однако защита системы, наверняка, рассчитана отслеживать чужие агрессивные программы, которыми управляет человек. Но я ведь не программа. Мне кажется, мое вмешательство кодон-стражи вряд ли воспримут как угрозу. Тем более, я всего лишь хочу подключиться к коммуникационным линиям. Разве тебе не интересно проверить мою версию? Уверен, что твой создатель будет доволен, если ты подкинешь ему новую идею, – забросил я наживку.

– Возможно, вы правы, – признал Дживс после долгих раздумий. – Хорошо, я помогу вам, но только если ваше вмешательство не приведет к повреждению полицейской сети.

– Это я тебе обещаю, – успокоил я совестливую программу.

– Хорошо, тогда вперед.

Мы снова устремились к границе местной системы, однако там нас ждал сюрприз. Громадное золотистое окно, через которое мы вышли в Гипернет в прошлый раз, словно затянуло серой густой паутиной, так, что через нее лишь мигали отдельные золотые искорки.

– Это еще что такое? – спросил я, предчувствуя недоброе.

– Как я и предупреждал, – Дживс метнулся из стороны в сторону. – Полиция перекрыла выход в Сеть.

– Отлично, – протянул я. – Не гайморит, так геморрой. И что, шансов пробиться у нас нет? Ты что-то там говорил в прошлый раз про варианты.

– Есть один. Создатель как-то сказал, что слишком многое вложил в меня от себя, – в голосе Дживса почудились ребяческие нотки. – А в студенческие времена он часто бывал там, куда

обычным пользователям хода не было. За мной.

Очередная гонка по системе «Церебрума», уже не казавшейся мне такой уж большой, закончилась в секторе, в котором ни на первый взгляд, ни на второй ничто не привлекало внимания. Концентрация информсимволов здесь была минимальной, никаких скоплений не наблюдалось. В общем, выглядело, словно глухой темный угол в роскошном, заполненном разной ценной утварью буфете.

– Сюда, – Дживс золотой стрелой метнулся в сторону. Я последовал за ним и увидел, что он остановился возле небольших ворот, будто парящих в воздухе. Присмотревшись, я заметил интересную деталь. На створках отсутствовали дверные ручки и замочные скважины.

– И что это? – спросил я.

– Это вход в TOR[50]. Правда, не совсем обычный. Создатель немного модернизировал его для собственных нужд. Просто лети вперед и ничего не бойся. – Дживс, подавая пример, двинулся к воротам и…исчез. Я даже не заметил, как это произошло. Собравшись с духом, я подлетел к створкам и снова не заметил момента перехода. Просто в одно мгновение я висел перед воротами, а в следующее уже смотрел на играющее мириадами красок пространство Гипернета.

– Вот и все, – сказал Дживс, оказавшийся чуть позади меня. – Конечно, возможность, что наше проникновение за пределы системы будет замечено, остается, но если мы не будем совершать нерациональных действий, все обойдется.

– Отлично. Теперь нам нужно войти в сеть полиции. А конкретнее, мне нужна та ее часть, что отвечает за коммуникацию между различными подразделениями.

– Двинули. – Похоже, Дживса увлекли наши путешествия. Возможно, Алекс Чен был прав, когда говорил, что вложил в него слишком многое от себя?

Мы вновь двинулись сквозь хитросплетения информационных океанов, морей и озер мировой Сети. Вскоре я заметил, что наше передвижение отличается от предыдущего. Все потоки, переносящие нас между серверами, словно были заключены в туннели из тонированного стекла, отделяющего их от остальной сети. В конце концов мы добрались до гигантского холма, истекающего, словно потом, цифрами и символами. Это был сервер управления департамента полиции Токио.

Теперь за дело взялся я. Вырастив несколько псевдоподий, я запустил их прямо в холм, будто в муравейник. На меня обрушился шторм информации, но вся она шла будто сквозь меня, не причиняя особого дискомфорта. Уже через секунды я

стал понимать, какой участок сервера за что отвечает, пока не обнаружил тугой узел, через который ежесекундно проскакивали десяти и сотни переговоров полицейских всего города. Не знаю, каким образом это у меня получалось, но главное, что я оказался прав, когда убеждал Дживса помочь в моей авантюре.

Распуская узел на сотни нитей я искал ту, что вела в кабинет Ринго Пака, начальника управления. Наконец одна из них завибрировала под моими «пальцами» сильнее других и я услышал:

– Так точно, господин генеральный инспектор. Периметр уже перекрыт, выходы в сеть заблокированы. Ситуация под контролем, но с журналистами, как всегда, не легко. Они слетаются к комплексу, как пчелы на мед.

– Отлично, Такагаки, – узнал я грубоватый голос Пака. – Обеспечьте спокойствие на месте, а для журналистов мы проведем отдельную пресс-конференцию. Вы определили переговорщика?

– Да, переговорами займется Ясунари Есимото. Хвала Ситифукудзин[51], что он оказался на месте. Ясунари-сан должен был лететь на конференцию в Сиэтл, но его рейс задержали из-за погоды.

– Хорошо, пусть сразу же приступает к работе. Держите меня в курсе событий. Sayonara.

– Sayonara, Пак-сан.

Что ж, теперь я мог следить за всеми переговорами Пака и оставалось лишь дождаться звонка от кого-нибудь, кто стоял на пару ступенек социальной лестницы выше начальника полиции Токио. Я обернул одно из щупалец вокруг коннект-линии Пака и дернул вверх. В результате на линии осталась часть мой цифровой плоти, потихоньку осыпавшаяся циферками и соединенная со мной тоненькой ниточкой, состоящей, почему-то, преимущественно из знаков «+» и «-».

Не знаю откуда, но я понял, что теперь могу возвращаться в «Церебрум», имея возможность наблюдать за любыми видео– и аудиозвонками Пака. По всему выходило, что я умудрился поставить прослушку на защищенную линию связи одного из высших полицейских чинов Японии. Пожалуй, надо бы обдумать так стремительно проявляющиеся новые способности. Особенно интересно было бы узнать у Дживса, наблюдалось ли подобное у других клиентов. Возможно ли, что за эти достижения я должен благодарить стрессовою ситуацию, в которую попал благодаря вранью Накадзавы и ошибкам его подручных?

Мы с Дживсом еще не успели добраться до входа в систему «Церебрума», как в ухе раздался сигнал вызова и мелодичный,

чуть растерянный, женский голос, видимо, секретаря Пака, произнес:

– Пак-сан, с вами хочет переговорить господин премьер-министр.

Вот оно. То, что нужно. Снова непонятно откуда всплыло знание, как записать разговор в одну из ячеек моей цифровой личности.

– Shimatta[52]! Этому-то что еще надо?

– Соединять?

– Конечно.

– Добрый день, Пак-сан.

– Добрый день, господин премьер-министр.

– Извините, что отвлекаю вас от важных дел, но мне только что доложили о ситуации с корпорацией «Церебрум». Известно что-нибудь о захватчиках и их требованиях?

– Пока что нам известно только об одном террористе, господин премьер-министр, но не сомневаюсь, что у него есть пособники, возможно, кто-то из персонала. Периметр комплекса уже оцеплен, а для переговоров привлечен наш лучший специалист.

– Хорошо. Хотел бы, чтобы вы помнили о том, что корпорация «Церебрум» занимает важное место в экономике нашей страны. Сейчас к этой истории будет привлечено внимание всего общества, так что, надеюсь, вы разрешите конфликт в кратчайшие сроки.

– Понимаю, господин премьер-министр. Сделаем все от нас завис…

Записанного должно было хватить для моих целей, так что, во избежание возможного обнаружения прослушки, я отключился и продолжил путь. Добравшись до сервера камер наблюдения «Церебрума» я первым делом проверил, чем там занимается мой двойник. Оказалось, что он уже вернулся в офис и работал с интелом. К сожалению, экран мне виден не был, а взломать доступ в систему безопасности мне не удалось даже при помощи Дживса, который потихоньку становился заядлым нарушителем закона.

28

– Ну, как там твоя японка?

– О, явился. Я уж подумал, ты нашел более интересное занятие, чем борьба с Гранжаном, – Питер оторвался от вирталатуры, посмотрел в камеру.

– Нет, просто был кое-чем занят. Ты ведь тоже не только той девицей занимался.

– А, ты наверно про кабинет Накадзавы? Мне нужно было проверить одну версию.

– Интересно, какую: как быстро можно удалить данные из облачного хранилища? Или смогу ли я обойти твое отключение камер?

– Петр, я ведь уже говорил, – поморщился он. – Мы равноправные партнеры – и только. Если ты по каким-то причинам не успел первым вскрыть хранилище, это не моя проблема. Или ты скажешь, что если бы добрался до него раньше меня, то не удалил бы данные? Только перед ответом подумай, с кем говоришь.

Я промолчал. Он был прав: я стер бы все кодоны точно также, как и он.

– Сейчас нам нужно думать о другом, – продолжил Питер. – Если Гранжан… – его прервал сигнал входящего вызова.

– Добрый вечер, – представился возникший на мониторе японец. Лет пятидесяти, со смуглым морщинистым лицом, излучавшем одновременно добродушие и настороженность. – Вас зовут Питер Рыкоф, не правда ли? А меня – Ясунари Есимото. Я сотрудник управления полиции Токио. Вы в чем-нибудь нуждаетесь? Я с радостью помогу решить ваши проблемы.

– Нет, думаю, мы ни в чем не нуждаемся, – ответил Питер. Ясунари явно удивился – кого тот имеет в виду под «мы», но промолчал. – Меня действительно зовут Питер Рыкоф, я клиент «Церебрума» и в настоящее время захватил и удерживаю в заложниках персонал центра. – Питер повернул на несколько секунд монитор, так, чтобы в обзор попали Накадзава и Амели. – Я так понимаю, что вы переговорщик?

– Можно и так сказать, – осторожно ответил Ясунари. Я заметил, что при разговоре он избегает прямого взгляда, смотря не в глаза Питеру, а чуть в сторону. – Вы же понимаете, нас волнует безопасность людей, находящихся на территории комплекса. Возможно, мы могли бы обсудить освобождение женщин, в качестве жеста доброй воли? А затем обговорить ваши требования.

– Нет, – покачал головой Питер. – Я уважаю вашу работу, Ясунари-сан, но когда вы ознакомитесь с моим досье, то поймете, что вряд ли меня можно назвать обычным террористом. У меня большой опыт участия в различных конфликтах и я совершенно не намерен нажимать на кнопку, если возможно достижение компромисса. В настоящее время между мной и «Церебрумом» существует спор по исполнению заключенного контракта. Думаю, что для продуктивного продолжения переговоров вам необходимо связаться с руководством корпорации. К примеру, с господином Гранжаном. Впрочем, я могу огласить вам требования, для формального соблюдения протокола, как вас учили в Осакском университете. Насколько я помню, именно там проходят специальный курс все переговорщики полиции.

– Вы чрезвычайно информированы, Рыкоф-сан, – вежливо улыбнулся Ясунари. – Что ж, мне кажется – вы здравомыслящий человек, так что мне действительно стоит узнать о вас больше, прежде чем продолжить беседу. Мы также попытаемся уточнить позицию корпорации о вашем конфликте. В тоже время, я надеюсь на ваше благоразумие в вопросе безопасности людей.

– Не беспокойтесь, – сказал Питер. – Гарантирую вам, что в течение, по крайней мере, двух суток ничего с ними не случится. Если, конечно, ваши парни с пистолетами будут вести себя пристойно. Что касается требований, то их немного. Я требую публичных гарантий от совета директоров «Церебрума» в безвозмездном проведении повторной операции, согласно заключенного контракта. Также мне вполне подойдет решение Верховного суда Японии, обязывающее корпорацию провести операцию бесплатно в удовлетворяющие меня сроки.

– А какого характера операция, позвольте узнать? – спросил японец.

– Думаю, на этот вопрос вам лучше ответят представители «Церебрума». Итак, если у вас больше нет вопросов, думаю, на этом мы пока можем остановиться.

– Согласен, – кивнул Ясунари. – Я свяжусь с вами в течение ближайших часов для уточнения наших позиций. Также хочу предупредить, что все источники коммуникаций блокированы, кроме прямого канала связи с полицией. В случае необходимости можете вызывать меня в любое время.

– Учту, – улыбнулся Питер. Судя по всему, он, также как и я, имел возможности обойти полицейские кордоны.

– До свидания, Рыкоф-сан, – наклонил голову японец и связь прервалась.

– Ну вот, – Питер встал, прошелся по комнате. – Пока что все идет по плану. – Вот видите, иси Накадзава, а вы переживали.

Акихиро, весь разговор с Ясунари просидевший молча, лишь пожал плечами. Очевидно, у него был свой взгляд на происходящее, но он предпочитал держать его при себе.

– Итак, – Питер вернулся в кресло, – как говаривала моя бабушка, утро вечера мудренее. Все могут отдыхать и заниматься своими делами. Надеюсь, завтра господин Гранжан сообщит нам хорошие новости.

– А мы так и проведем здесь всю ночь? – спросила Амели, приподняв прикованные к подлокотникам кресла запястья.

– Хм. – Питер, задумавшись, покрутился в кресле. – Вы правы, это было бы чересчур жестоко. Хотя, учитывая, что вся эта история закрутилась известно из-за чьей лжи, – он взглянул на скривившегося Накадзаву, – возможно, и было бы справедливо. Обещаю что-нибудь придумать, чтобы вам не пришлось ночевать в креслах.

Он вернулся к интелу, а Акихиро, склонившись к плечу Амели, начал о чем-то шептаться. Я увеличил кусочек мозаики, через который было видно пространство за воротами комплекса. Метрах в двухстах от забора стояло с десяток полицейских машин и подъезжали все новые. Во второй линии можно было увидеть несколько миниавтобусов с логотипами основных голоканалов Японии. Полиция занималась рутинной работой, обеспечивая безопасность по всему периметру центра и не давая проникнуть на территорию посторонним, особенно журналистам. По всему выходило, что ситуация с захватом «Церебрума» входила в спокойное русло. Что ж, вскоре придет время добавить ей динамики.

29

Выждав час, за который я, повозившись с записью голоса премьера, освоил его имитацию, я соединился с кабинетом Пака и, дождавшись ответа секретаря, обычным голосом, в который постарался добавить металла, сказал:

– Говорит управляющий канцелярии премьер-министра. Господин Сэйко Куромоти желает переговорить с генеральным инспектором. Срочно!

– Конечно, конечно, – пролепетала секретарь, даже не обратив внимание, что говорит неизвестный ей человек. То ли звонки столь высокопоставленной особы были для нее в диковинку, то ли просто не обратила внимание, поскольку звонок шел по защищенной линии спецсвязи.

– Соединяю, – раздалось через десять секунд.

– Господин премьер-министр, – раздался грубоватый голос Пака. Я включил программу имитации голоса.

– Генеральный инспектор. – Из моего небогатого опыта общения с японцами я вывел, что интонации и эмоциональные окраски голоса для них очень важны, так что постарался вложить в свой максимум холода и сухости, даже не назвав Пака по имени, чтобы тот сразу ощутил недовольство высокого начальства. – Хотел бы услышать, как продвигается дело с захватом заложников.

– Эмм…господин премьер-министр, этим делом занимаются мои лучшие сотрудники. Переговорщик уже вступил в контакт с главарем террористов, им оказался клиент «Церебрума», некий Питер Рыкоф. Сейчас мы выясняем его подноготную, а затем…

– Медленно. Очень медленно работаете, инспектор, – сказал я недовольно, опустив уже и приставку генеральный. – Мне докладывали о вас, как о гораздо более инициативном руководителе. Инициативном и решительном.

– Но я…но мы…, – забормотал Пак, явно стараясь сообразить, чего же от него хочет премьер, наверняка кляня того в душе самыми нехорошими словами. – Вы считаете, мы должны быть решительнее и…штурмовать комплекс?

– Я ничего не могу считать, инспектор. Ведь это ваша сфера ответственности. Я не имею права вам указывать, но могу лишь высказать собственное мнение, которое, я уверен, разделяют миллионы моих сограждан. Террорист-гайдзин, в чьих руках находятся жизни тысяч японцев – плевок в наш великий народ. Плевок в токийскую полицию и лично в вас. Вы не согласны с этим мнением?

– Согласен, – помрачнел Пак. – Я все понял, господин премьер-министр. Уверен, что мы разрешим эту ситуацию в ближайшие часы. Я лично займусь подготовкой штурма.

– Что ж, если вы считаете, что это – лучший выход из сложившейся ситуации, не буду с вами спорить, Пак-сан, – я подбавил в голос теплоты. – Я не сомневаюсь в вашей компетенции и убежден, что ваши заслуги будут отмечены по достоинству. Через полгода мы провожаем на пенсию уважаемого Харуко Мори. Я уверен, что вы, как нельзя лучше, могли бы заменить его на столь ответственной должности.

– Господин премьер-министр, я… ваше расположение…я оправдаю, – забормотал радостно Пак. Еще бы. Не каждый день глава государства обещает ему пост начальника Национального агентства полиции.

– Ну вот и славно, господин генеральный инспектор, – я промодулировал голос до дружеского расположения. Рад, что не ошибся в вас. Sayonara.

Я отключился и стал ждать развития событий, которые не преминули воспоследовать. Сначала секретарь Пака обзвонила нескольких полицейских шишек, в том числе командующего токийским SATом, уведомляя о срочном совещании у генерального инспектора. Затем, минут через десять, Пак позвонил Ясунари.

– Добрый вечер, Ясунари-сан.

– Добрый вечер, господин генеральный инспектор.

– Как продвигаются переговоры?

– Вы же знаете, – Ясунари явно был удивлен. – О моем разговоре с Рыкофым я сразу же доложил и мы, если я правильно помню, договорились ждать ответа на запрос от совета директоров «Церебрума». Честно говоря, я удивлен, что никто из представителей корпорации еще не прибыл в Токио. Сейчас я собираю информацию о Рыкофе. Оказывается, он миллиардер, основатель частной военной компании «Military and…

– Послушайте, Есимото, – прервал переговорщика Пак. – Как вы отнесетесь к идее штурма? Похоже, Рыкоф действительно действует один. И ему, если верить досье, уже девяносто три. Вряд ли он сможет оказать какое-то сопротивление. К тому же, в таком возрасте весьма вероятно наличие психических расстройств, которые могут привести к непрогнозируемым последствиям, если мы будем медлить.

– Нет, нет, – встревожился Ясунари. – Я считаю, что такое предложение сейчас абсолютно неразумно и вредно. Рыкоф охотно идет на контакт и ведет себя вполне адекватно. В конце концов, всего лишь месяц назад он возглавлял корпорацию с

миллиардными оборотами. Уверен, что говорить, в такой ситуации, о его психологической нестабильности преждевременно. Я, как контактер…

– Я понимаю и ценю ваше мнение, но мы не можем позволить, чтобы всей Японии диктовал свою волю какой-то сумасшедший гайдзин, – высокопарно сообщил Пак.

– Почему Японии? – удивился Ясунари. – У Рыкофа конфликт с «Церебрумом».

– А в заложниках у него – граждане Японии, – повысил тон Пак. – Скажу вам по секрету: мне звонил премьер-министр и выражал недовольство нашей неспособностью справиться с ситуацией в кратчайшие сроки.

– Я понимаю, – после недолгого молчания сказал Есимото. – Но мое мнение, если оно вам еще интересно, не изменилось: я против штурма. Считаю, что он приведет лишь к бессмысленному риску для жизней заложников.

– Я вас услышал, Ясунари-сан, – недовольно засопел Пак. – Уверен: когда мы приведем этого сумасшедшего гайдзина к вам для психологического обследования, ваше мнение изменится. Всего доброго.

Пак отключился и одновременно оживился у интела Питер.

– Так, так, – присмотрелся он к экрану. – Петр, ты тут?

– Тут, – откликнулся я. – Где же мне еще быть.

– Похоже, местным ковбоям не сидится в кабинетах и они собираются штурмовать комплекс.

– Надо же, – «удивился» я. – Возможно, они вычислили, что ты действуешь один?

– Нет, – помотал он головой. – Судя по всему, их нагнули пиджаки из правительства. Слушай: «*Скажу вам по секрету: мне звонил премьер-министр и выражал недовольство нашей неспособностью справиться с ситуацией в кратчайшие сроки*», – воспроизвел интел часть беседы, завершившейся пару минут назад. О-ля-ля. Получается, Питер тоже прослушивает Пака? Да это не спецсвязь, а какой-то проходной двор.

– А вот это совсем интересно, – развеселился Питер. – Послушай: «*когда мы приведем этого сумасшедшего гайдзина к вам для психологического обследования, ваше мнение изменится*». – Ну ладно, я им устрою сумасшедшего.

– И что ты собираешься делать? – спросил я «сочувственно». – Если я могу чем-то помочь…

– Судя по всему, у комплекса весьма не слабая система защиты, – сказал Питер. – Попробую в ней разобраться и устрою спецназу пару сюрпризов. А ты можешь пока понаблюдать за периметром. Сообщи, если заметишь что-нибудь странное.

Питер углубился в интел, разыгрывая на вирталатуре неведомые гаммы, а я пробежался своими новыми возможностями по системе «Церебрума», пытаясь отыскать упоминания о защитных системах комплекса. Не найдя ничего существенного, обратился за помощью к Дживсу.

– К сожалению, ничего об этом не знаю, – огорчил тот, хоть я особо и не рассчитывал на ответ. – У меня нет доступа к подобного рода информации.

Что ж, оставалось только ждать, когда атакующая мощь полиции Токио схлестнется с защитной системой «Церебрума» под руководством Питера.

30

Следует признать, что, по крайней мере, в одном я точно превосходил Питера – в отсутствии потребности во сне. Во время обсуждения контракта я, конечно же, спросил Накадзаву, нельзя ли обойтись с виртуальной копией сознания также, как с любой программой: выключить и включить, когда придет назначенное время. Тогда нетерпеливый клиент вполне мог бы скоротать двадцать лет, до созревания клона, в благословенном цифровом анабиозе. Что может быть лучше: уснул, проснулся и вот ты уже снова в физическом теле. Но Акихиро меня разочаровал.

Как оказалось, погружение цифровой личности в бессознательное состояние более, чем на десять часов, приводило к постепенному распаду нейробайтов, как назвал Окадо составляющие ее мельчайшие информационные частицы. Причем скорость распада увеличивалась с каждым часом. Причины столь странной реакции на виртуальный сон, хоть над этим и бились несколько лабораторий «Церебрума», пока что оставались тайной за неизвестным числом печатей. Сам Мацумото считал, что проблема лежит не в области программного обеспечения, а на стыке нейрофизики и психологии. Так что клиент мог выбирать между вечным бодрствованием и кратковременными периодами забытья.

После неудавшегося штурма прошло всего несколько часов, а мой альтер-эго, в отличие от меня, уже начал зевать и все чаще клевать носом. За это время он еще раз успел переговорить с Ясунари, который клялся и божился, что не имеет никакого отношения к идее со штурмом, обвиняя во всем Пака. Начальника полиции Токио стоило пожалеть: ведь он, нежданно-негаданно, стал крайним для всех любителей покидать камни в чужой огород. Первым делом он выгреб от того самого премьер-министра, который, как был уверен Пак, всего пару часов назад склонял его к штурму. Впрочем, с извещением высочайшего недовольства звонил не сам премьер, а управляющий его протокольной службой, так что Пак, которому традиции и субординация не позволяли обсуждать начальство за глаза, был лишен возможности выразить свое удивление столь переменчивым поведением главы государства.

Затем по десятку основных голоканалов Японии цунами прокатились репортажи и новостные выпуски, где местные звезды катком прошлись по городской полиции вообще и Паку в частности, а риторические вопросы, вроде «за что мы платим полиции», или «как долго начальник токийской полиции усидит в

своем кресле», перемежались звонками возмущенных родственников тех сотрудников «Церебрума», что коротали сейчас время в своих лабораториях. В общем, теперь Пак отдал бы приказ о штурме, разве что пристрели Питер в прямом эфире кого-нибудь из заложников, так что на помощь полиции в ликвидации моего биологического двойника надеяться не приходилось. Впрочем, главным было то, что он, судя по всему, не подозревал о моем самом непосредственном участии в организации штурма.

Питер выполнил обещание, данное Амели. Он перевел двух охранников, до той поры запертых в комнате отдыха, в один из пустующих на этаже офисов, а девушку и Накадзаву, после похода в душ, устроил на кровати, не забыв приковать их к спинке кровати, что наводило на мысли о съемках взрослого голокино. Однако, видимо, масса эмоций и событий, пережитых пленниками за последний день, была такой, что и девушка и старый ученый провалились в сон, едва головы коснулись подушек. Питер, в свою очередь, еще час поколдовав над интелом, сдвинул два кресла, улегся, не раздеваясь, в импровизированное ложе, и уснул. Линия Пака уже час оставалась немой, так что напрашивался вывод, что он тоже отбыл отдыхать, наверняка все еще переживая подставу со стороны премьер-министра.

Мы с Дживсом оказались предоставленными сами себе.

Я в задумчивости плавал где-то на окраинах вирт-системы «Церебрума», размышляя над новыми способами исправить ошибку Накадзавы. К этому моменту я окончательно решил, что идея обзавестись братом с равными правами на «Military and tactical Resources Inc» мне не по душе, так что, даже если бы совет директоров принял все требования Питера, мне с ним было не по пути.

Вообще, имея возможность почти целый день наблюдать за собой со стороны, я пришел к весьма удивительному выводу: оказывается, я сентиментален. Если бы меня кто-то упрекнул в этом еще неделю назад, я бы только рассмеялся ему в лицо. Разве может быть сентиментален человек, которого в свое время прозвали Ангольский палач, а некоторые особо рьяные журналисты называли «торговцем смертью»? Однако, наблюдая за отношением Питера к Амели или к Накадзаве, за его непонятной заботой о какой-то японке, да в конце концов, за его попытками договориться с Гранжаном о действии условий контракта для нас обоих, я все больше укреплялся в этой мысли. К тому же в памяти всплыли несколько событий из прошлого, подтверждающих мой вывод: вытащенный в Сулеймановых горах, ценой ранения,

зеленый первогодок из соседнего взвода, в 2006-м; месячный запой после катастрофы, унесшей жену и детей, в 2035-м; голосование за кандидата от демократов в 2060-м.

Сейчас все это казалось мне таким наивным, глупым и слащаво смехотворным, что, будь я физически на это способен, то, без сомнения, сблевал бы. Просто удивительно, как я не замечал столь простых вещей раньше. А вывод из всего этого был только один – Питер Рыкоф, девяносто трех лет, слишком уж зажился в мире материального, так что я буду тем, кто окажет ему услугу и поможет избавиться от невыносимой тяжести бытия. Дело было за малым – найти время, место и способ.

В очередной раз прослушивая, в надежде выудить что-нибудь полезное, записи переговоров Питера с полицией и Гранжаном, я вдруг поймал себя на мысли, что уже в пятый раз слушаю один и тот же кусок:

«*…если вы имеете в виду сервера, то за них я уж точно не волнуюсь. Вы знаете, почему мы решили строить комплекс именно в этом месте? Наверняка нет. В ста метрах под землей начинается скальник. Серверное хранилище устроено глубоко в нем и способно выдержать ядерный удар. Так что его сохранность сомнений у меня не вызывает…*». Это Гранжан бахвалился перед Питером неуязвимостью серверов, хранящих в себе цифровые копии клиентов «Церебрума», а также Мацумото Окадо – гения, благодаря интеллекту которого это стало возможным. В глубинах моей цифровой личности стала брезжить идея.

– Дживс, – обратился я к своему Вергилию. – А ты часто общаешься с Окадо? Он же вроде не относится к клиентам.

– Не часто, – после недолгого раздумья ответил тот. – В основном, мы играем с ним в шахматы или в и-го.

– Го? – удивился я. Лет двадцать не встречал никого, кто бы в нее играл. – А с другими клиентами он общается?

– Нет. За все время профессор Окадо ни разу не выразил желания увидеться с кем-то из них. Создатель говорил, что он продолжает работать над своими теориями.

– А он знает, что сейчас происходит в «Церебруме»?

– Думаю, нет. Он никогда не интересовался чем-то, не связанным с его научными изысканиями. Да и кроме того, ничто не мешает ему узнать любые новости, если возникнет желание, из Сети.

– Так, – я задумался, размышляя, как добиться встречи с Окадо. – А ты можешь рассказать ему все, что произошло за прошедшие сутки, начиная с появления моего двойника, и затем передать, что я хочу встретиться с ним?

– Хорошо. Сейчас. – Дживс замер.

– Профессор согласен, – «ожил» он минут через десять. – Следуйте за мной.

Он молнией сорвался с места, оставляя за собой лишь золотой пылевой хвост, словно комета. Я устремился за ним и после недолгой гонки притормозил у одного из серверов, внешне ничем не примечательного. Я задался вопросом – смог бы я сейчас взломать пароль доступа внутрь? Отчего-то я был уверен, что сейчас мне это вполне по силам. Но необходимости в проверке чудесным образом появившихся способностей не было. Как и в случае с Марсом, в центре одной из граней информационного айсберга чернел открытый зев входа.

Следуя по оставленной Дживсом тропе, я проник внутрь и после короткого путешествия по туннелю оказался в шкафообразной «прихожей» Окадо – в отличие от сервера Марса, ее стены были составлены из кусочков чего-то, похожего на мутный янтарь. Уже привычно преобразившись в бравого морпеха шестидесятилетней давности я, вслед за Дживсом в образе золотой статуи, шагнул в мир Окадо.

Мы оказались в просторной, скудно обставленной комнате, где царило дерево. Потолок, покрытый изящными лакированными дощечками, поддерживало несколько опорных брусьев. Пол устлан соломенными матами, скрадывающими шаги. Я припомнил их японское название – татами. Со стен, составленных из деревянных пластин, на меня пустыми глазницами взирали маски каких-то то ли божков, то ли демонов. Роль дверей исполняли широкие решетчатые раздвижные части стены, оклеенные, по-видимому, рисовой бумагой, украшенной вычурными графическими рисунками.

По всему выходило, что мы находились в минке, традиционном японском доме. Мода на такие периодически охватывала некоторых из моих знакомых, после чего они несколько месяцев одевались в кимоно и щедро пересыпали речь головоломными японскими терминами.

– Рекомендую представить, что на вас тапочки вместо ботинок, – сказал Дживс. Я вспомнил, что в домах Японии принято ходить босиком или в специальных тапках. Посмотрел вниз, на армейские «Wellco», и после недолгих мыслительных усилий они прямо на глазах обратились в удобные войлочные мокасины.

– Идемте, – Дживс зашагал из помещения. Пройдя через несколько комнат, обставленных так же скудно, как и первая, он раздвинул очередные перегородки и мы вышли на веранду. Я застыл на месте. Никогда не считал себя особым ценителем красоты, но открывшийся вид захватывал от макушки до самых

пяток. Дом, судя по всему, был построен на склоне горы, над долиной, противоположная сторона которой казалось такой близкой, что до нее можно добросить камнем. Однако, миниатюрные лоскуты желто-зеленых полей, крошечные домики, над которыми курился дымок от очагов, и деревья, высотой со спичку, подсказывали, что дело было всего лишь в прозрачном горном воздухе. С гортанным клекотом надо мной пронесся коршун и устремился вперед. Его очертания уменьшались, превращая его постепенно в смутную точку на кристально ясном горизонте, но он все никак не мог преодолеть пространство, разделяющее две стороны долины.

31

– Доброго дня, Рыкоф-сан, – услышал я голос слева.

Я повернулся и увидел Мацумото Окадо. Выглядел он почти также, как на тех цифрографиях, что я видел незадолго до его исчезновения из публичного пространства, перед собственной операцией. Смуглое морщинистое, словно печеное яблоко, лицо. Густые брови, приподнятые домиком, делавшие его похожим на филина. Седые волосы собраны в пучок, глаза спрятаны за круглыми очками. Я вспомнил, что Окадо прослыл большим оригиналом из-за того, что почти никогда не обращался к услугам современной медицины, чтобы исправить недостатки внешнего облика.

– Konnichiwa[53], Окадо-сан, – продемонстрировал я с поклоном частичку своего небогатого запаса японских слов.

– Я знаю, что в реальном мире сейчас ночь, – сказал Мацумото. – Но для таких, как мы с вами, это вряд ли имеет значение. Садитесь, – указал он на невысокую скамейку напротив себя, накрытую плоской подушкой. Сам он сидел просто на полу, спрятав ноги под оригинально устроенный низкий стол: между каркасом и столешницей было проложено толстое покрывало.

– Мне всегда нравилось жить в северных префектурах, – будто извиняясь, сказал Окадо, – а там прохладно даже днем.

– Рад, что согласились принять меня, – сказал я, устраиваясь на скамейке. – Я много читал о вас и ваших исследованиях, но когда решился на операцию, центром уже руководил Накадзава.

– Акихиро – славный мальчик, – усмехнулся Мацумото. – Сегодня Дживс принес интересные новости. Конечно же, я не мог не принять вас. Когда еще представится шанс увидеть икирё?

– Икирё? – недоуменно посмотрел я на него.

– В японской мифологии – призрак живого человека, – пришел на помощь Дживс, до этого молчаливой статуей застывший возле стола.

– Да, – кивнул старый ученый. – Вы первый человек, существующий, как личность, в двух мирах – физическом и астральном. Или виртуальном – как вам будет угодно. Не думал, что Бомонт-сан все-таки решится.

– Бомонт? – я совсем потерял нить. – Причем тут Амели?

– Вы умеете играть в и-го? – оставив вопрос без ответа, неожиданно спросил Мацумото.

– Умел когда-то, – пожал я плечами. – Но в последний раз играл, наверно, лет тридцать назад.

– Это ничего. Почему бы не сыграть партию? Признаться,

играть самому с собой изрядно надоело, а из Дживса противник никудышный. В шахматы он меня обыгрывал, а вот в и-го никак не получается.

– Создатель обещал, что скоро я смогу вас обыграть, профессор, – сообщил Дживс. – Как только обновят мой комбинаторный блок.

– Ох, Дживс, не напомнишь, какой это раз он тебе обещает? – улыбнулся Мацумото, а затем, как заправский фокусник, провел широким рукавом кимоно над столом, на котором, буквально из ниоткуда, появились *гобан*[54] и две чаши с камнями.

– Возможно, вас удивляет выбранный мной облик? – взглянул на меня Окадо. – Что может быть более ценным, чем ощутить себя снова молодым, не правда ли? Признаться, и я так думал – первые два года после оцифровки. Но со временем понимаешь, что всему свое время, и время всякой вещи под небом. Человек должен пройти через все времена года и осень не менее очаровательна, чем весна или лето. Когда я работаю в лаборатории, я обычно выгляжу лет на сорок моложе. А здесь мне нравится наблюдать за движением облаков над долиной, играть в и-го и вспоминать жизнь до оцифровки. Прошу.

Я взял пару линзовидных камней из обеих сосудов, покатал на ладони. Судя по всему, черные были сделаны из оникса, а белые – из опала.

– Итак, – ученый взял из чаши несколько белых камней, зажал их в кулаке, взглянул на меня. Я, подумав, взял один черный и мы одновременно выложили камни на гобан. Напротив моего легли три камня Окадо.

– Первый ход – за вами, – указал на доску японец. – Удачной игры.

– Удачной игры, – отозвался я и положил камень на выбранное перекрестье линий.

– Знаете, почему я вообще задумался когда-то о продлении жизни? – спросил Мацумото, сделав ответный ход. – Я с детства преклонялся перед мастерами игры в и-го. И часто сожалел о том, что не могу видеть, как играют большие *мэйдзины*[55]прошлого – Сюсаи Хонъюбо или Го Сэйген. Если бы они жили сейчас, они могли бы совершенствоваться в игре вечность, идя по пути *пряджни*[56].

– Боюсь, у них не нашлось бы для этого ста миллиардов, – не удержался я от укола.

– Да, я понимаю о чем вы, – вздохнул старик. – Но не все в наших руках. Мои исследования всегда требовали больших денег, дать которые могут лишь большие корпорации. А давая деньги, они ожидают получить еще большие. Но я верю, что однажды

любой сможет воспользоваться услугами «Церебрума». Может быть, я решу это проблему еще до выхода отсюда, – обвел он рукой вокруг себя.

– Вы говорили, Амели на что-то решилась, – снова поднял я заинтересовавший меня вопрос. – Мисс Бомонт имеет какое-то отношение к этой истории с двойниками?

– Самое непосредственное, – спокойно ответил японец, словно речь шла не о причине, как выяснялось, всех моих бед, а о предложении выпить чаю. – Амели-сан – очень умная и целеустремленная *сёдзё*[57]. До тех пор, пока я руководил центром, она не раз пыталась меня убедить провести оцифровку без уничтожения физического носителя. Она считала, что исследования поведенческих реакций такой двойной личности принесут ей славу в научном мире. Но, как вы знаете, позиция корпорации была неизменной с самого начала экспериментов: мы не могли себе позволить столь запутанный, во всех смыслах, казус. Я думал, она уже забыла об этой идее, но, видно, нет. Наверно, она заменила состав для эвтаназии, так что ваш двойник благополучно пережил операцию.

– Да уж, – обескуражено протянул я. Вот тебе и милая бельгийка. А я ведь еще во время своего неожиданного появления, когда Питер грозился Накадзаве разными карами, заметил, что Бомонт на удивление хладнокровно восприняла новость о нашем раздвоении, но тогда отнес это на счет стойкого характера девушки. – Но почему она решила воплотить свою идею именно со мной? Что?

Окадо явно смутился и даже отложил в сторону камень, который уже почти опустил на доску – грубое нарушение для искушенного игрока в го.

– Возможно, – наконец ответил он, – потому, что я был против заключения контракта с вами.

– Против? – Воистину, мысль посетить Окадо, хоть мы еще и не дошли до ее причины, была лучшей идеей за сегодняшний день. Японец оказался какой-то шкатулкой Пандоры в миниатюре. – Но почему?! Мы ведь даже не встречались с вами ни разу в жизни.

– Моя дочь, Тенко, погибла в 2034-м в Луанде. Она работала в «Hong Kong Banking Corporation», – Мацумото вскинул руку, предупреждая мои слова. – Да, я знаю, что ваша компания обеспечивала безопасность отделений «НКВС» и что благодаря вашим людям погибло гораздо меньше их сотрудников, чем могло бы. Я должен попросить у вас прощения за такие мысли: наверно, я просто завидовал тем, кого вы тогда смогли защитить, и был зол, что в их число не вошла Тенко.

– Погодите, – я наморщился, вспоминая. – Но ведь в вашем досье указано, что она погибла в автокатастрофе?

– Да, – кивнул Окадо. – Она была в одном из автомобилей, которые в тот день взорвали ангольцы. Ее третий день работы. После тех событий корпорация, как могла, скрывала число погибших – ведь это было пятно на ее репутации. Правительство их поддерживало, а мне…мне было все равно. Поэтому в официальных документах местом смерти Тенко указан Токио.

– Понятно. И Амели посчитала, что если ее самодеятельность выплывет наружу, вы ее прикроете, – мрачно заключил я. – Мисс Бомонт, случаем, не играет в и-го?

– Насколько я знаю, она предпочитает шахматы, – Мацумото снова взмахнул рукавом и возле игральной доски из ниоткуда возник серебряный поднос со стоящей по центру глубокой чашей, украшенной шапкой зеленой матовой пены. – Выпейте чаю и расскажите, зачем хотели меня видеть. Ведь не для того же, чтобы сыграть партию в и-го.

Я пригубил терпкий горьковатый напиток и поймал себя на мысли, что совсем забыл о том, что нахожусь в виртуальном мире и представляю собой всего лишь сгусток информации. Казалось, что я уже не в первый раз сижу вот так, на веранде дома над горной долиной, играя со старым ученым в древнюю игру.

Затем, слово за слово, я рассказал Окадо все, что со мной случилось, с того момента, как я очнулся один, в кромешной тьме, внутри вирт-системы «Церебрума», и до штурма комплекса токийским спецназом. Я рассказывал все без утайки – о прослушке Пака, об имитации звонка премьер-министра, о неприязни к Питеру и желании убрать его из моей жизни. Наверно, будь на месте Мацумото бельгийка, она бы точно решила, что пришел ее звездный час – исповедать одну из частей раздвоенной личности. Японец же лишь кивал, не забывая ставить камни на доску. В конце концов я рассказал ему об угрозе Питера, прозвучавшей в беседе с Гранжаном: уничтожить сервера с цифровыми отпечатками клиентов и самого Окадо.

– У меня нет доступа к системам вооружения центра, – закончил я свою речь. – Я даже не могу проверить, блефует Питер или нет. Но в любом случае, думаю, вы согласитесь, что он сейчас – ходячая часовая бомба для вас и для клиентов корпорации. Я посчитал, что вы можете помочь нейтрализовать его.

– Мне кажется, в игре вы предпочитаете путь *сэнтэ*[58], – сказал Мацумото после недолгого молчания. – Вы играете широко и агрессивно, но всегда есть возможность, что ваш противник ударит там, где вы не ждете. – Он поставил камень и я обнаружил, что в результате пять моих погибли[59].

– Вы хотите сказать, что Питер может реализовывать какие-то свои планы по моему уничтожению? По-моему, он полностью занят противостоянием с Гранжаном.

– Если ты далеко – покажи что близко. Если ты близко – покажи, что далеко, – пожал плечами ученый. – Вы ни на секунду не должны забывать, что играете с собственным отражением.

– Так вы поможете мне? – я убрал захваченные камни с доски.

– Нет, – покачал головой Мацумото. – Вы не там ищете союзника, Петр. Увы, но я не могу назвать себя стороной, заинтересованной в сохранении серверов. Я слишком долго бежал от смерти и до сих пор не уверен, что сделал правильный выбор тридцать лет назад, когда решил посвятить остаток жизни ее продлению.

– Мне кажется, если бы вам задали тот же вопрос через двадцать лет, после пересадки в клона, ваше мнение было бы иным, – попытался я нажать. – Неужели вы не хотите получить возможность прожить жизнь заново? Без тех ошибок и страданий, которые вы испытали в прошлой жизни? Без необходимости колебаться перед выбором, на что потратить следующие двадцать или тридцать лет?

– Жизнь без ошибок и страданий – пресна, – улыбнулся ученый. – В новом теле вы начинаете новую жизнь. Конечно, вы уже будете далеко не тем восемнадцатилетним восторженным мальчиком, выходящем из детства в чужой взрослый мир. Но ваш опыт – это не страховка от новых ошибок. Нет, я сделал все, что мог для того, чтобы получить эту возможность. Но если судьбе будет угодно остановить меня – я не буду мешать.

Минут пять мы в молчании добавляли камни на доску, размышляя каждый о своем, отпивая иногда чай из чаши.

– Что ж, – нарушил я затянувшуюся паузу. – Похоже, у меня нет шансов в этой партии, – я положил на игровое поле сразу два камня[60].

– Для столь долгого перерыва вы играете очень достойно, – сказал Окадо. – Думаю, если нам представится возможность сыграть еще несколько партий, мне стоит вас опасаться. – Он снова взмахнул рукавом над доской и принадлежности для игры растворились в воздухе.

– Почему бы вам не договориться с вашим икирё? – спросил он. – Поверьте, через несколько лет жизни здесь, – обвел он рукой вокруг себя, – ваше мнение о важности денег изменится и вряд ли у вас двоих возникнут трудности из-за раздела компании. Я бы даже мог замолвить за вас слово перед Гранжаном. Конечно, сейчас он прислушивается ко мне гораздо меньше, чем раньше, но все-таки…

Гранжан! Я еле удержался от того, чтобы стукнуть по столу или выразить охватившие меня эмоции другим способом. Вот к кому мне нужно идти за помощью. Не к Науке и Мудрости, а к Бизнесу и Целесообразности. В голове начала вырисовываться очередная идея.

– Простите, Окадо-сан, – прервал я старика. – Спасибо, что приняли меня: я узнал от вас много нового. Но мне надо идти.

– Да, конечно, – посмотрел на меня с грустью Мацумото. Он понял, что его миротворческие инициативы ни к чему не привели. – Я забыл, что вы Воин. И все же надеюсь, что еще увижу вас двоих в этом доме.

– Sayonara, Окадо-сан, – я поднялся со скамейки и, разминая затекшие ноги, двинулся в обратный путь, из осенненго великолепия горной долины северной Японии в холодную рациональность вирт-системы «Церебрума».

32

Первым делом, что уже входило в привычку, я проверил, как там дела у Питера. По моим ощущениям, я провел у Окадо не меньше четырех часов, но, как оказалось, в реальном мире прошло меньше часа. Так что мой двойник мирно посапывал в кресле, просматривая принадлежавшие мне сны.

Затем я почти два часа, используя новоявленные способности, при посильном участии Дживса занимался подготовкой к разговору с Гранжаном.

Наконец, решив, что готов, я выскользнул в Гипернет, на этот раз самостоятельно, и подсоединился к расположенному в Малайзии одному из серверов «YouTell», публичного коммуникационного сервиса, число пользователей которого превышало два миллиарда.

– Приемная мистера Гранжан, – передо мной развернулось изображение рыжеволосой красотки-секретаря швейцарца.

– Передайте господину Гранжану, что с ним желает переговорить Питер Рыкоф, – сказал я.

– Извините, я вас не вижу. – Личико девушки нахмурилось: видно, она решила, что внезапно отказал голопроектор.

– И не увидите, – пресек я в зачатке ее опасения. – Просто передайте господину Гранжану, что звонит Питер Рыкоф, и все.

– Хорошо. – Вряд ли она была такой покладистой, если бы Гранжан уже не имел разговор с Питером сутки назад. Висящая передо мной картинка подернулась туманом, из которого донеслась музыка:

> Sur nos monts, quand le soleil
> Annonce un brillant réveil…[61]

– Мистер Рыкоф? – туман растаял и передо мной возник Рене.

– Доброй ночи, господин Гранжан. Вернее, для вас доброго утра. – Хорошо, что штаб-квартира «Церебрума» находилась в Цюрихе: в Швейцарии сейчас было девять утра, так что шансы не застать главу корпорации на рабочем месте были минимальны.

– Надо же. Не ожидал вас снова услышать. Меня уверили, что токийская полиция заблокировала все выходы в сеть.

– Мои таланты весьма разносторонни, знаете ли. На какое время назначен совет директоров?

– Вы пробились через полицейские кордоны только ради того, чтобы узнать на какое время назначен совет? – изогнул тот

изящно бровь в аристократическом удивлении. – На двенадцать дня, если это вас так интересует.

– Всего лишь любопытство. Во-первых, хочу вам сообщить, что сейчас вы слышите не того Питера Рыкофа, с которым разговаривали не так давно. Я – его цифровая копия.

– Вот даже как? – вскинул тот уже обе брови. Видимо, на этот раз удивление было неподдельным.

– А во-вторых, биологический Питер ничего не знает о моем звонке вам. Это чтобы вы правильно расставили акценты.

– Насколько я помню, в прошлый рад Питер…кстати, а как мне называть вас?

– Можете звать меня Петр.

– Хорошо. В прошлый раз Питер, если мне не изменяет память, говорил от лица вас обоих, в том числе относительно условий возможной сделки. Следует ли понимать ваш звонок так, что ваши интересы, скажем так, не совпадают? – Гранжана явно заинтересовала такая возможность. Максима *divide et impera*[62] не утратила своей актуальности и тысячелетия спустя.

– Именно так. Вы понимаете абсолютно правильно. К вопросу о скором совете директоров – я не ошибусь, если предположу, что его решение не будет особо отличаться от вашего предложения: десятипроцентная скидка на второй контракт?

– Возможно, мы сможем вести речь о двадцати процентах, – ухмыльнулся тот. – Но это максимум, который мы можем предложить.

– И если я правильно помню, вы утверждали, что вас не пугают угрозы Питера безопасности серверного хранилища «Церебрума»?

– Да, это так. Но к чему вы ведете? – нахмурился тот.

– Сейчас поймете. Примите входящий пакет, – я загрузил в канал связи видеофайл, над которым трудился перед разговором со швейцарцем.

Гранжан, скачав и запустив файл, погрузился в просмотр и я с удовлетворением наблюдал за набежавшим на его лицо облачком озабоченности, сменившемся тучами злости и раздражения. Еще бы. Сейчас он видел на экране, как Питер, спустившись в недра хранилища, вынимает из рюкзака небольшие, тускло блестящие в лучах светодиодных ламп, серо-стальные бруски и прижимает их к серверным стойкам, стройными рядами заполняющими все пространство. Любой, мало-мальски сведущий эксперт сразу определил бы в этих кирпичиках смартмины «Нергал»: весом около двухсот грамм, взрывная мощь мины равнялась пятидесяти килограммам тротила. Гранжан экспертом не был, но и так понял, что Питер

развешивает не рождественские игрушки.

Наступал самый ответственный момент. Запись была фальсифицирована мной от первой до последней секунды, но сделана на совесть. По утверждению Дживса, чтобы доказать, что это – подделка, Гранжану понадобится не меньше двух суток. Но тогда это уже не будет иметь никакого значения. Естественно, я не мог знать наверняка, есть ли где-то в арсеналах «Церебрума» смартмины. Полагаясь на слова Питера, оценившего уровень защиты комплекса в «три девятки», я лишь мог предполагать их наличие где-нибудь в скрытых хранилищах центра. Кроме того, Питер вполне мог забраться в сервера корпорации, расположенные в Швейцарии, и стереть базы данных по вооружению токийского центра «Церебрума». По крайней мере, я бы так поступил, если бы первым добрался до облачного хранилища и взял бы системы центра под контроль. Если мои предположения неверны, то Гранжан с легкостью раскроет фальшивку и мой козырь в переговорах растает как дым.

Но, видно, высшие силы сейчас были на моей стороне, так что швейцарец, озабоченно досмотрев файл до конца, поднял голову и спросил:

– Вы считаете, что он действительно там все взорвет, если мы не примем его условия?

– Я бы взорвал, – ответил я. – Угадайте с трех раз, кто еще с такой точностью можем рассказать вам, о чем думает Питер и чего он может, а чего нет?

– Я вас понимаю, – с кислой миной кивнул Гранжан. – Но, раз вы связались со мной втайне от вашего двойника и показали мне запись, у вас есть какое-то предложение?

– Есть, – кивнул бы я, если б мог. – Как вы правильно заметили в прошлом разговоре с Питером, у меня нет каких-либо претензий к «Церебруму». Оцифровка прошла успешно и, если бы не халатность ваших сотрудников, о которой у меня будет с вами отдельный разговор, я бы сейчас не играл в кошки-мышки с собственным отражением. Меня не привлекает перспектива делить активы с моим двойником, так что я могу помочь вам решить возникшую проблему. Естественно, на некоторых условиях.

– Я вас слушаю, – швейцарец насторожился, как легавая, учуявшая утку в камышах.

– Во-первых, мне нужна ваша помощь в доступе к системам вооружения «Церебрума»…

– Это исключено, – быстро сказал Гранжан. – Перед штурмом спецназа наша служба безопасности попыталась перехватить контроль над управлением защитой комплекса, но не преуспела.

Ваш двойник использует для блокирования доступа какие-то на удивление мощные программы. А наш главный специалист, Алекс Чен, на три дня уехал в неизвестном направлении. Мы пытаемся найти его, но пока безуспешно.

– Хорошо, – помолчав, продолжил я. – Тогда мне нужен доступ к определенным системам вооружения – беспилотные дроны, «стелс»-ракеты с интеллектуальным управлением, мобильные воздушные комплексы и тому подобное. Эти системы должны размещаться в пределах Японии – к сожалению, у «MTR Inc.» здесь нет производственных подразделений, иначе я бы обошелся без вашей помощи. Уверен – если вы на подобном уровне смогли обеспечить защиту центра, то сможете обеспечить и средства атаки.

– А во-вторых? – спросил Гранжан.

– Во-вторых, после того, как все закончится, вы вернете на мои счета сорок процентов от суммы контракта. Будем считать это компенсацией за причиненные мне по вине корпорации неудобства.

– Хм, – швейцарец погрузился в раздумья, вращая в руках чашечку из-под кофе. Наконец, откашлявшись, он сказал:

– Мне надо кое с кем посоветоваться. Вы сможете перезвонить мне, скажем, через час?

– Смогу, но советую не затягивать с решением. Я бы хотел нанести удар до того, как Питер проснется. А мне еще будет нужно время разобраться с допусками и настройками систем. Думайте, господин председатель.

Я отключил соединение и, пользуясь возможностью и свободным временем, принялся блуждать по различным уголкам Гипернета, наблюдая за повседневной жизнью этого нового божества человечества, которому люди ежедневно приносят в жертву самое ценное, что у них есть – время. Это, должно быть, очень хитрый бог: ведь все свое существование, и в пору детства, когда его звали ARPANET[63], и во времена юности, когда он носил имя INTERNET, и даже сейчас он притворялся слугой человека. И тот не замечает, как постепенно растворяется в его сетях, поверяя сокровенные страхи, надежды и мечты. Действительно ли мне захочется покинуть этот мир двадцать лет спустя, когда мой клон будет готов для пересадки? А может, лучшим выходом будет остаться и занять место пророка, как в свое время поступил Мухаммед? Что будет, когда метод оцифровки Окадо окажется доступен не только кучке избранных миллиардеров, а любому желающему? Сколько из них захотят променять свое биологическое существование на виртуальное? И не будет ли это зарей новой расы? Или рассы, как любят писать

несовершеннолетние поклонники онлайн-миров. Рассвет рассы – оригинально.

33

Кстати, о мирах. В памяти всплыл взорвавший Гипернет три года назад российский проект «Вселенная онлайн», в который, по слухам, неизвестные инвесторы вложили больше миллиарда. Чуть ли не с каждого столба «текучая» голореклама заявляла о готовящемся пришествии игрового Элизиума. Онлайн-миры на любой вкус и высшего качества – таков был девиз его создателей.

За неполный месяц после старта «Вселенная онлайн» насчитывал уже больше десяти миллионов пользователей и даже я тогда не удержался от соблазна заглянуть под виртуальную завесу рекламы. Тогда, если я правильно помнил, в проект входило два мира: «Ремесло войны», с классическими орками и эльфами, и мрачная «Готика», где самыми положительными персонажами были вампиры. Качество игр действительно впечатляло. Специальный комбинезон и шлем дополненной реальности создавали настолько правдоподобный эффект присутствия, что в первые же недели было зафиксировано семнадцать смертей во время пребывания игроков в виртуальном мире: сердце не выдерживало шторма впечатлений.

В тот раз я немного поиграл в обе игры, но, хотя мне всё понравилось, дела «MTR Inc» и реальный мир требовали ежедневного внимания. Так что мой роман с онлайн-мирами закончился, не начавшись.

Сейчас же, медленно и бесцельно дрейфуя по течению мировой Сети, я подумал: почему бы не ощутить, как выглядит посещение виртуальной Вселенной изнутри, из недр Гипернета, без использования костылей в виде шлема и комбинезона? Я уже достаточно освоился в сети, чтобы, воспользовавшись обнаруженными поисковыми системами, вычислить место нахождения баз данных «Вселенной онлайн».

Определив координаты, я устремился к цели, используя трассы коммуникаций провайдеров в роли автобана или вакуумпровода «Петли». Добравшись до точки назначения я замер в восхищении. Если большинство встреченных мной до этого в сети серверов представляли собой просто гигантские цифровые айсберги разнообразных форм и размеров, то сейчас передо мной висел, переливаясь в информационном вакууме, целый конгломерат, больше всего похожий на решетку вычурной молекулы, узловые точки которой – сервера, были связаны друг с другом мощными жгутами трафика.

В середине всей структуры, видимо, располагался центр управления всей решеткой, администрируя потоки трафика

между дата-центрами, каждый из которых отвечал за обеспечение вычислительными мощностями части виртуального пространства. Сколько же, за прошедшие года, владельцы проекта наваяли миров?

Аккуратно пробираясь среди мостов-коммуникаций, соединяющих цифровые узлы пространства, я добрался до центрального сервера. Пристально изучая его белоснежные грани, «парящие», словно охлажденным азотом, разнообразными символами, вскоре я уже мог видеть бурлящие внутри них потоки информации, которые лишь на первый взгляд выглядели хаотично. В действительности, каждый из них выполнял свою задачу, будучи порождением процессорных блоков управляющего интелвирта.

Вырастив несколько рук – забавное преимущество перед ограничениями реального мира – я погрузил их прямо внутрь сервера, окунув, словно в воду, в потоки внутреннего трафика. После взлома канала коммуникации Пака я был готов к обрушившемуся на меня информационному водопаду, так что сразу углубился в изучение цифровых внутренностей.

Моя догадка оказалась верна: я оказался в недрах центрального интела, откуда пользователи перенаправлялись в тот или иной онлайн-мир. Первым делом – взыграла предпринимательская жилка – я решил поинтересоваться достижениями проекта и, пролистав несколько директорий, мысленно присвистнул, глядя на две надписи:

«Зарегистрированных пользователей – 693 823 572».

«Пользователей онлайн – 70 593 747».

Ничего себе. Это какой же генератор наличности создали владельцы «Вселенной» за три года? В современном мире доступ к онлайн-играм был бесплатен, но это ровным счетом ничего не значило. Любую из них, сверху донизу, пронизывали товарно-денежные отношения, начиная от оплаты различных преимуществ, позволяющих развиваться твоему персонажу ускоренным темпом, и заканчивая размещением в игровом контенте ненавязчивой рекламы транснациональных брендов и околоигровой индустрией: продажа символики, прав на экранизацию и многое другое. В любом случае, учитывая поражающее воображение число зарегистрированных пользователей, месячный денежный оборот должен был составлять миллиарды.

Так, и чем же здешние воротилы привлекают любителей убить собственное время да еще и выложить из кармана за такую возможность собственные кровные? Я отыскал перечень игр, предлагаемых неофиту: пристальный взгляд на название вызывал

всплывающее облачко аннотации.

«Ты никогда не ходил по улицам Древнего Рима и не стоял на Форуме? Ты не водил в бой легионы и ни разу не бился на арене Коллизея? Ты не наслаждался термами Каракаллы в компании красивейших рабынь со всего обитаемого мира?

Тогда «Pax Romana» – для тебя. Испытай свою силу в схватках с варварами. Отшлифуй свою хитрость в интригах Сената. Проверь свою мудрость в дипломатических переговорах с Парфянской империей. Пройди путь от простого легионера до императора.

Но, возможно, ты противник империй? Тогда выбери того, кто положит конец тирании Рима: вождь галлов Верцингеторик, предводитель германцев Арминий, принцесса бриттов Боудикка возглавят движение сопротивления.

Но, может, ты хочешь нанести удар изнутри? Тогда пройди через рынок рабов на острове Делос, выживи в гладиаторских бараках, возьми прозвище Спартак и стань кошмаров гордых высокомерных патрициев.

«Pax Romana» – игра для не для слабых.»

Занятно. Но античность – не мой конек. Что тут у нас еще?

«Вы – добропорядочный гражданин своей страны, добросовестный плательщик налогов. Уютный дом в пригороде, спортивная «Тесла» для вас и семейный «Руссо-Балт» для вашей жены в гараже, рабочий день с 9 до 6, стрижка газонов по выходным.

Скучно? Еще бы. Но в один прекрасный, а может быть, ужасный день все меняется. Мир летит в тартарары, добродушный сосед бросается на вас с топором, молочник заводит бензопилу «Дружба-2066», а старушка-зеленщица норовит вцепиться в горло искусственной челюстью. На мир опускается завеса боевого вируса «А-666», неосторожно выпущенного из одной из лабораторий ООН, и мир сходит с ума. Вся планета обращается в арену битвы за выживание. Вы можете надеяться только на себя и верный «Кольт«…если сможете отобрать его у конкурента.

Нравится бродить в одиночку по огромным пространствам? Искать пищу в пустынных городах, под постоянным страхом нападения? Побороться за лидерство в диких бандах? Разгадать загадку вируса и подарить человечеству надежду на будущее?

Тогда мир «Послезавтра» – для вас.»

Хм. Некая версия постапокалиптического мира? Довольно непритязательно, как на мой взгляд. Уничтожительный вирус разгильдяев ученых, толпы зомби, гоняющиеся за немногими выжившими, новый мир на руинах старого…

Я прокрутил список игр дальше. Всего их было около дюжины

– надо признать, неплохой результат за три года. «*Охотники за сокровищами*» – золотой для пиратов 17-й век, закат географических открытий и рассвет охоты за испанским золотом; «*Невидимая война*» – мир шпионов, лжи и предательства; «*300 000 лет до нашей эры*», погружающий игрока в перипетии противостояния между Homo sapiens, Homo erectus и неандертальцами, а всех их сообща – с диким миром первобытной Земли, с вкраплениями дикой фантазии разработчиков – инопланетян-прогрессоров. В отличие от действительности, вполне можно было восславить род человеческий, играя за неандертальцев. «*Мир меча и магии*» – ну, куда же без него. «*Выжженная земля*» – еще один постапокалиптический мир, правда, уже после ядерной зимы. Мне хотелось чего-то более футуристического и наконец я нашел то, что искал.

«Устали от мира настоящего или прошлого? Хотите увидеть, каким мир будет через тысячи лет, когда человечество освоит Галактику и Земля будет лишь одной из тысяч его планет? Тогда мир «Доминионов» – для вас.

Вступи в Космический десант Республики Антрия и докажи превосходство демократии в галактическом масштабе. Запишись в Имперский легион Империи боргов и заставь все уголки цивилизованного мира целовать окровавленное знамя Повелителя. Присоединись к искателям приключений из Торговой Конфедерации и покажи всем непокорным власть денег.

Если тебе не подходит мир, где правит закон и государство, отринь честь и совесть, стань членом жестокого и кровавого Хансийского картеля и неси в одной руке смерть, а в другой – раздор. Если же тебе противен сам род человеческий, ощути себя в шкуре метаморфа с Даргора, инсектоида с Кербера или разумным кристаллом с Силикона-5.

Торгуй и сражайся, открывай новые системы и взрывай старые, вступай в союзы и разрушай коалиции, докажи превосходство собственной расы и ничтожество Чужих, живи и умирай на просторах «Доминионов»!»

Вот это уже интересней. Я начал разбираться, как функционирует система игрового трафика, в попытках определить канал, ответственный за техническое обслуживание «Доминионов». Внутренности интела виделись мне словно перепутанный клубок шерстяных ниток, который я осторожно распутывал в поисках единственной необходимой нити.

Ага, вроде бы нашел. Я погрузил руки в переплетение цифровых нитей, перед глазами замелькали надписи: «*Выберите расу*», «*Выберите пол*», «*Выберите корпорацию*»… А потом меня вдруг словно ударило током и я ощутил, что мое тело, как

пылесосом, засасывает в бездонную воронку. Я полетел куда-то вниз и…

34

– Верта Браво, вы отклонились от маршрута! – недовольно прокаркал в наушниках голос центора. – Уровень риска в желтой зоне.

– Все в порядке, берхот Тангор, – успокоил я начальника и махнул рукой, подтверждая направление для десятка. – По данным полевого анализатора, уровень риска вырос вследствие повышения вероятности появления противника. В двухстах баррах от нас удобное место для огневой точки, я хочу проверить.

Динамик наушника ответил булькающим хрипом. По-видимому, это означало, что Тангор отдал ситуацию мне на откуп и переключился на другой канал: все-таки, это была моя группа и сейчас вся ответственность лежала на мне.

Я снова махнул рукой и десяток продолжил маршрут, охватывая полукольцом развалины школы. Именно ради их проверки я и принял решение, вызвавшее неудовольствие центора. Полевой анализатор, встроенный в тактический шлем, снова забормотал, напоминая задачи для моего ойхона, входившего в состав третьей центории пятой когорты Отдельной «Верноподданной» бригады Имперского легиона: прочесывание и зачистка вероятного противника в одном из районов небольшого городка, вчера еще занятого мятежниками, а сегодня выбитыми имперскими штурмовиками и танковой бригадой армейцев.

Зачистка города, вроде бы оставленного противником – тонкая работа: хитро размещенная система огневых постов, минные поля, мобильные десантные группы противника – то, что вчера еще казалось мертвыми развалинами после налета тяжелых «Шершней» и прокатившегося катка имперских «Мортусов», сегодня в любой момент могло взорваться тебе в лицо огненными вспышками плазмотронов, лучеметов или вакуумных гранат.

Я поднял руку и ойхон застыл: каждый там, где стоял.

– Хавган, бери Зеро, Ферху и обойдите развалины с юга, – сказал я. – Корриган, прикроешь нас. Болтун, Перо, Зоб – вперед, но без лишнего энтузиазма.

По мере раздачи команд, на тактик-схеме района загорались разноцветные огоньки, отмечая расположение легионеров. Озадачив всех я, как обычно, двинулся следом за братьями-уладцами к развалинам, активировав импульсную «Гадюку» и держа палец на гашетке. Рыжебородый Корриган, повертев головой, нашел удобное местечко для своей тройки, обеспечивавшей ойхон тяжелым вооружением, раздал знаками безмолвные указания и взгромоздился со «Шмелем» – тяжелым

плазмотроном, снабженным антигравом – на искореженные останки какого-то транспорта.

Легионеры двигались к школе, словно призраки: «хамелеоны», одна из последних имперских разработок, скрывали силуэты солдат, экранируя от всех видов излучения. Под яркими лучами солнца фигуры легионеров казались облаками сгустившегося воздуха, мерцающего и дрожащего под горячими лучами.

Продолжая наблюдать за передвижением мерцающих точек на тактической карте, я пробежался по командным каналам других ойхонов, выполняющих задачи в «своих» районах городка: судя по эфиру, противник пока нигде обнаружен не был, зачистка районов шла обычным порядком. Впрочем, меня это нисколько не воодушевило: когда слишком спокойно – всегда жди какой-нибудь пакости. И она не замедлила воспоследовать.

– Командир, – раздался в наушниках голос Хавгана, – наблюдаю стационарный пост противника в количестве одной единицы. Энергетической активности не фиксирую. – Тройка уладцев, не дожидаясь команды, замерла в нескольких баррах от развалин.

– Вероятность ликвидации без шума?

– Девяносто два процента. Там какой-то лоботряс, командир: похоже, из обычного ополчения.

– Хорошо. Уберите и продвигайтесь вглубь. – Я кивнул уладцам и те возобновили движение, через пару мгновений скрывшись в развалинах.

Вслед за братьями я проник внутрь руин и оказался в полуразрушенном большом холле. Датчики обнаружения технических средств наблюдения молчали: видимо, мятежники не имели либо времени, либо средств на установку полноценного оборудования слежения в простой школе.

– Мы внутри, – вновь ожил в наушниках голос Хавгана. – Командир, тут, похоже, не обычная огневая точка, а что-то вроде штаба. В конце коридора бункерный люк, под школой явно есть нижние уровни. Вызываем подмогу? – в голосе гуитарца явственно слышалось нетерпение: будь его воля, он явно уже был бы внизу, в горячке боя.

Я размышлял: судя по всему, в развалинах действительно был либо штаб, либо одна из узловых точек, составлявших оборону городка до ее уничтожения штурмовиками и танками. Обычно такие точки уничтожались либо совместными силами нескольких ойхонов, либо армейской артиллерией. На крайний случай всегда было можно вызвать атмосферные «Катаны». Но, видимо, на этот раз отсутствие времени или средств не позволило мятежникам

установить систему защиты, которая могла бы помешать десятку легионеров пересечь охраняемый периметр. Значит, появляется шанс взять кого-то из верхушки местного сопротивления живьем. Тангор, конечно, за такое по головке не погладит, но, в конце концов, победителей не судят. Я решился.

– Хавган, займи позицию возле люка и жди нас. Всем – общий сбор на позиции Хавгана.

Через пару минут десяток легионеров собрался в неплохо сохранившемся коридоре вокруг тяжелого массивного люка, ведущего куда-то вглубь, на нижние уровни укреплений. Недалеко от входа застыло безликой куклой тело мятежника. Я мимоходом взглянул на убитого. Увидев запрокинутое, совсем юное безусое лицо, испытал мимолетную жалость, сразу, впрочем, задавленную глубоко внутри: он знал, на что шел, присоединившись к восстанию.

По моему безмолвному знаку Ферху, штатный электронщик ойхона, присоединил к электронному замку люка устройство, напоминающего своими щупальцами и усиками тысяченожку моего родного мира. «Тысяченожка», тихо жужжа и гудя, подгоняемая тихими ругательствами Ферху, принялась бороться с замком. В конце концов, внутри замка мягко щелкнуло и молодой унгарец победоносно взглянул на меня.

– Приготовились, – я обежал взглядом солдат. Легионеры, разбившись на тройки, рассредоточились вокруг люка в ожидании команды.

– Пошли. – Ферху нажал на один из выступов «тысяченожки», люк, тихо загудев, отъехал в сторону и призрачные фигуры легионеров, одна за другой, исчезли в открывшейся дыре. Я, помедлив секунду, скользнул вниз вслед за солдатами.

Я только коснулся пола подошвами сапог, а легионеры уже разбежались в стороны, каждый отслеживая свой сектор полутемного коридора. Стволы «Гадюк», настороженно покачиваясь, изучали пространство, словно носы гончих, вынюхивавших добычу. Я жестами раздал цели и по моему сигналу легионеры ворвались в выходящие в коридор двери.

– Пусто, пусто, пусто… – один за другим поступали недоуменные доклады от легионеров.

– Какая-то ерунда, командир, – зашелестел в наушнике голос Керрригана. – Пусто, как у Болтуна в голове. И непохоже, чтобы тут вообще кто-то был.

– У тебя у самого в башке пусто, – огрызнулся Ферад. Я вот тебе счас…

– Тихо! – прикрикнул я на бойцов, останавливая перепалку в зародыше и одновременно пытаясь сообразить, что происходит.

Пустой бункер… охраняемый этим пацаном. Кто-то хотел привлечь внимание к бункеру, но не хотел в нем быть…

– Быстро все на выход, – сглотнув враз пересохшими губами, отдал я приказ.

Мы не успели буквально несколько секунд: едва первый из солдат, Хавган, подпрыгнул и зацепился за край люка, как перед моими глазами вспыхнул столб света. В следующее мгновение тело попало в тиски боли, разом отключив все чувства, и я полетел куда-то в пропасть, сужающуюся вдалеке в черную точку. Мертв…

Уфф. Ничего себе. Я очнулся плавающим возле плоскости сервера. Бог весть, когда я успел вытащить «руки» из его недр. Я озадаченно рассматривал информационные магистрали. Погружение в игровой мир было столь стремительным и реалистичным, что, казалось, мое «я» полностью растворилось в созданном «Вселенной онлайн» мире. Мне и до сих пор казалось, что я – предводитель группы легионеров, зачищающих небольшой городок где-то на окраинах Галактики.

Я посмотрел на серверное время. До встречи с Гранжаном оставалось около получаса, а в виртуальном мире я провел меньше десяти минут. Еще раз аккуратно ощупав трафик-потоки «Доминионов», я отыскал, как установить таймер: по истечении заданного времени – двадцать пять минут – мой гостевой безымянный аккаунт, автоматически созданный одновременно с проникновением в космический мир, должен отключиться от игрового клиента.

Затем, вспоминая порядок действий во время первого погружения, снова погрузил «руки» в переплетение цифровых жил. Сначала я ощутил небольшое покалывание. Невидимые иголки кололи все сильнее и вот я опять ощутил удар и падение в бездну…

35

Мертв…

– … мертв, аптус Эсварг. Как и весь ваш десяток. С чем вас и поздравляю.

Я разлепил веки и, застонав от боли, хлынувшей в глаза вместе с ярким светом, сомкнул их вновь. Виртуальная смерть на тренажере хоть и была иллюзией, но уж очень правдоподобной, обеспечивавшей неосторожному несколько часов головной боли. Причем ее было запрещено снимать какими-либо средствами: если легионер «погибал» на тренажере, это почти всегда было результатом неправильной оценки ситуации, предложенной ему корабельным инксом, обслуживающим тренажер. А значит, головная боль – лишь маленькая плата за допущенные «покойником» ошибки и некоторая гарантия на будущее, что в реальном бою солдат их не повторит.

Я снова заскрипел зубами, однако, больше не от боли, а от осознания допущенной мной глупости, повлекшей за собой, по-видимому, «гибель» всего десятка. Отличиться захотел, доказать что-то неизвестно кому, как пацан-первогодок. Как стыдно…

– Встать! – словно бичом хлестнул голос центора.

Морщась от боли, я слез с ложемента, в котором лежал во время виртуальных учений, стянул с головы шлем – точная копия боевого тактического, однако со своей электронной начинкой, и вытянулся перед командиром центории. Вокруг него, покряхтывая от боли, держась кто за голову, кто за другие части тела, встали парни моего десятка. Издалека на готовящийся «разбор полетов», с ехидными усмешками взирали легионеры из третьего и седьмого ойхонов, принимавших участие в учениях.

– Берхот центор Тангор! Докладывает командир шестого ойхона третьей центории пятой когорты Отдельной «Верноподданной» бригады Имперского легиона аптус Эсварт! Ойхон проводил зачистку двенадцатого сектора, согласно выданного задания. В разрушенной школе была обнаружена укрепленная точка противника, предположительно – мобильный штаб обороны. Мною было принято решение о захвате представителей командного состава противника, предположительно, находящегося в бункере. В результате…

– Почему не обратились за поддержкой к соседнему ойхону, аптус?! – Если бы взгляд мог убивать, я был бы уже мертв.

– Я считал, что справлюсь силами своего десятка, берхот центор. Что надо действовать быстро и решительно, берхот центор. – Отвечая по Уставу, я с тоской наблюдал за выражением

лица Тангора.

– Легионеры, вольно! – Тангор одарил хмурым взглядом мой десяток и развернулся ко мне. – А вы, аптус, следуйте за мной.

Поморщившись от очередного укола боли в затылке, я чеканным шагом – во всяком случае, пытался – отправился вслед за центором. Уставившись в широкую, бугрящуюся даже под плотной формой мускулами спину центора, я чеканил шаги, на ходу пытаясь размышлять, для чего он потащил меня в свой отсек. Впрочем, нормально соображать сейчас было для меня делом нелегким. Да уж. Парс меня дернул связаться с этим мнимым штабом мятежников.

Так, в молчании, держась в кильватере Тангора, я добрался до личного отсека центора. Тангор вошел первым. Я шагнул следом и, едва автоматические двери успели закрыться, неведомая сила лягнула меня в челюсть, так, что я с глухим звуком впечатался в те самые двери. Однако рефлексы, подведшие меня во время удара, не подвели во время, несомненно, красивого, но недолгого полета: тело сложилось само собой, напряглись мускулы, смягчая удар о створки дверей, послужившие трамплином.

Оттолкнувшись от них, я перекатился через голову в другой конец отсека и подхватился на ноги – с опухшей и гудящей головой, струйкой крови, ощутимо стекавшей по скуле – но в боевой позиции. В глазах, туманящихся от боли, расплывалась фигура Тангора. Да уж, центор был истинным боргом. Рефлексы легионера на порядок превосходили показатели любого армейского слейва, не говоря уже о возможностях какого-нибудь штатского, но удар разъяренного борга – а Тангор явно был разъярен – был воистину молниеносным.

Шансы противостоять боргу, даже находясь в нормальном состоянии, минимальны: что уж говорить сейчас, на расстоянии десяти минут от состоявшейся «смерти». Но я, нетвердо покачиваясь на ногах, упрямо замер в боевой стойке напротив центора, ощущая языком дырку на месте одного из зубов. Тангор, набычившись, раздавшись в плечах – от адреналина и еще бог весть каких ферментов, впрыснутых организмом в кровь – покачиваясь, нависал надо мной.

– Спасибо, берхот центор. – Моя благодарность, несмотря на только что пропущенный удар, на туман в голове и боль в челюсти, была искренней. Ну, почти. Ударь меня центор при всем ойхоне – это означало, как минимум, разжалование в рядовые, и прощай тогда все мечты о карьере. А возможно, не приведи Парс, и ссылка в штрафные когорты. Пока же оставался шанс отделаться взбучкой, пусть и сопряженной с потерей зуба.

– Вы считали, считали и просчитались, аптус! И потеряли весь десяток. Вы знаете, чего стоит вылепить из новобранца легионера?! А может, вы республиканский шпион и вашей целью было уничтожение имперского ойхона? А может, вами стоит заняться представителям Управления Благонадежности? У вас вообще мозги есть, аптус?! Или вы их в казарме забыли?

Тангор стоял, покачиваясь на каблуках, и сейчас любой заштатный землец – как презрительно называли тех, кто за всю жизнь не видел ничего, кроме своей родной планеты – понял бы, что такое истинный борг и почему многие отказывают им в родстве с родовым древом человечества.

– Утрись! – Тангор, остыв так же внезапно, как несколько мгновений назад вспыхнул боевой яростью, кинул мне белый платок и взгромоздился в свое знаменитое кресло, обитое, по слухам, кожей борруцев, добытой в Трехмесячной войне. Вскинув ноги на стол, он с холодным безразличием наблюдал за тем, как я вытираю кровь, обильно струящуюся по подбородку.

– По чести сказать, мне надо бы отправить тебя в штрафные когорты, к моему старому доброму другу, овер-центору Хафра, – то ли начал, то ли продолжил разговор Тангор. – На твое счастье, есть две вещи, которые сохранили тебе звание и будущую карьеру в Легионе. Первое – я помню твои действия на Квейчоу, когда ты получил аптуса. И на Дигару Мишмис, за которую в твоем досье появилась Косматая звезда. Ты сможешь многого добиться, Эсварт, несмотря на твое… мхм… происхождение. По крайней мере, в Легионе так уж точно. Но если ты будешь допускать такие ошибки – вряд ли ты доживешь до следующего звания. Я, все же, склонен расценить сегодняшний случай как недоразумение, которое впредь не повторится, – голос Тангора скрежетнул металлом.

– Второе, – центор сделал паузу, потянулся к небольшому металлическому ящичку, украшенному имперскими семиконечными звездами. Откинул крышку, достал из глубины сверкнувшую тускло-серым изящную палочку и, поднеся к ней огонь зажигалки, вдохнул ароматный дым нейротокса.

– Второе, – повторил Тангор, пуская клубы дыма вверх, где их сразу же уносило в глубины вентиляционной системы крейсера. – У нашего доблестного командира, префоса Дра Туааy, лежит мое назначение на должность его заместителя. А оттуда и до новой звездочки недалеко. – Тангор усмехнулся и взглянул на меня. – Не один ты тут у нас карьерист, а, Эсварт?

– Примите мои поздравления, центор… – начал было я, но Тангор, пренебрежительно взмахнув сигарой, остановил меня:

– Не подписанное назначение, аптус. Не подписанное. А

надлежащие подписи там появятся после выполнения… удачного выполнения, некой операции. Как и моя подпись в вашем новом назначении на должность командира центории.

Я не проронил ни звука, но мысли в голове закрутились со скоростью взбесившейся лорки: так вот почему центор замял этот инцидент на учениях – что бы сказали в штабных высотах, если Тангор сегодня представляет своего аптуса к повышению, а назавтра отправляет его в штрафные когорты. Но это все было мелочью на фоне самого известия о моем возможном повышении. Даже в мечтах я надеялся достичь этой должности не раньше, чем года через три: продвинуться по службе не боргу, хоть в Легионе таких и большинство, было нелегкой задачей во все времена.

– Ты, небось, думаешь, что старый Тангор за свое повышение испугался, поэтому и твою задницу хочет прикрыть, – центор будто читал мои мысли. – Дам тебе бесплатный совет, парень, – Тангор выбрался из-за стола и подошел вплотную ко мне.

– Никогда, слышишь, никогда не даже не думай о том, что борг может чего-то испугаться, – центор свирепо смотрел мне в глаза, словно выбирая, куда ловчее ткнуть тлеющей палочкой нейротокса. Я не проронил ни звука, «по-уставному» сверля начальство преданным взглядом.

– Потому что ты обязательно ошибешься, – после краткой паузы выдохнул Тангор слова вместе с клубами дыма. – И эта ошибка может стоить тебе жизни, ибо борги не прощают ошибок… особенно, когда дело касается их чести. – Центор развернулся и зашагал обратно к столу.

– А теперь проваливай. – Тангор упал в заскрипевшее под грузом его тела кресло и вновь потянулся к шкатулке. – В двадцать ноль-ноль, по имперскому, берхот префос ждет нас с тобой в отсеке напутственных молитв.

Я, словно на параде, щелкнул каблуками, четко развернулся на месте и шагнул к двери, привычно переведя имперское время в среднегалактическое: выходило, что до встречи с префосом, для получения инструкций, осталось чуть более двух часов.

– Эсварт, – догнал меня у предупредительно распахнувшейся двери оклик центора. Я обернулся.

– Зайдите в медпункт и устраните это безобразие, – кивнул он на мою скулу, по которой тонкой струйкой продолжала стекать кровь. – Мне нужны целые бойцы, со всеми конечностями и со всеми зубами… чтобы, в случае чего, могли не только пристрелить, но и загрызть противника. – Тангор ухмыльнулся, явив мне свой набор из тридцати восьми крепких, отблескивавших благородной желтизной, зубов. Я охотно бы поверил в то, что центор, в свое время, загрыз этими зубами

немало врагов Империи.

Молча козырнув, я вышел в коридор, напоследок мысленно пожелав Тангору обломать зубы о какого-нибудь ферта из штаба. Постояв пару секунд в коридоре, я собрался с разбегающимися, как вьюрки, мыслями и решил последовать совету центора: челюсть, не дававшая о себе знать, как и положено в экстремальной ситуации – а устроенная центором выволочка, несомненно, к ней относилась – начала ныть и требовать хорошей порции обезболивающего. Размышляя на ходу о только что состоявшемся «разборе полетов», особенно о заманчиво блеснувшей впереди новой звездочке, я направился по знакомому маршруту в медпункт, к старине Рику, который, несомненно, весьма повеселится при виде моей физион…

«*Установленное вами временное ограничение истекло. Благодарим за внимание к игре*», – мигала передо мной надпись.

Да уж. Пожалуй, эта штука будет даже позабористей крысиного вина[64], которым меня как-то угощали в Пекине. Я взглянул на таймер, где светились нули, и ощутил нотку разочарования, что время пролетело так быстро. Игра действительно захватывала. Сначала я даже пожалел, что я не какой-нибудь школьник или студент, чтобы иметь возможность днями сидеть в виртуальном мире, но затем меня осенило: я ведь и сам, собственно, виртуален. И буду таким ближайшие восемнадцать лет. Ничто не мешает мне проводить в игре столько, сколько мне захочется. Затем пришла интересная мысль: не может ли игра вернуть интерес к жизни Марсу и другим клиентам?

Решив, в конце концов, вернуться к этим мыслям позже, когда разберусь с Питером, я снова подсоединился к «YouTell», в целях безопасности сменив малазийский сервер на китайский. На сей раз рыжеволосая красотка соединила с Рене лишь только услышав магическое «Питер Рыкоф».

– Еще раз добрый день. Итак, что вы решили?

– Мы согласны на ваши условия, – с яснозубой улыбкой ответил швейцарец, как будто только и мечтал отдать мне сорок миллиардов. – У вас будет доступ к арсеналу частей быстрого реагирования сил самообороны Японии.

Отличная новость. С середины прошлого века, когда Штаты взяли Японию под свое крыло, оснащение японской армии не сильно уступало американским образцам, а за последние лет сорок стало почти идентичным, так что выбор – чем угостить Питера – у меня должен быть большой.

– Мы также пытались составить для вас обзор систем вооружения комплекса, – продолжил Гранжан, – но, как мне

доложили, базы данных, где хранилась подобная информация, оказались стерты. Мы, несомненно, выясним виновника и сделаем выводы, но вам, наверно, от этого не легче.

– Я и не надеялся, что эти данные у вас будут, – ответил я. – Можете не искать виновника – на месте Питера я поступил бы точно также. Но все равно спасибо за старание – это добавляет доверия в наши отношения. А что насчет денег?

– Средства будут перечислены на ваши счета в течение пяти дней с момента прекращения протокола «Фукусима», – поколебавшись, ответил швейцарец.

– Хорошо. Надеюсь, вы не будете против фиксации обязательства в МРБО[65]?

– Стоит ли придавать этому столь публичный статус? – поморщился Гранжан. – Может быть, удовлетворитесь записью разговора?

– Ах, Рене – надеюсь, вы позволите так себя называть? Вы же прекрасно знаете, что оспорить такого рода запись в суде – непыльная работа для любого студента юридического факультета. Мне совсем не хочется посвятить большую часть моего двадцатилетнего существования в цифровом виде судебным разбирательствам о подлинности записи.

– Ну, хорошо, – сдался Гранжан. Он наклонился вперед, за пределы изображения, а когда выпрямился, на его груди горели восемь красных точек. Он поднял правую руку перед собой, так, что пять точек уперлись в верхние фаланги пальцев, а еще три сформировали треугольник в центре ладони.

– Я, Рене Гранжан, – заговорил он, – председатель совета директоров корпорации «Церебрум», действующий от имени и в интересах корпорации, настоящим обязуюсь выплатить Питеру Рыкофу, идентификационная карта Foxtrot, Bravo, Romeo 2678946759304, четыре миллиарда амеро в течение пяти суток с момента отключения на территории медицинского центра корпорации, расположенного в городе Токио, Японское государство, протокола «Фукусима» и обеспечения сотрудникам корпорации свободного выхода и доступа на территорию центра.

Он помолчал, ожидая, не будет ли у меня поправок или возражений, и, не дождавшись, сказал:

– Фиксацию подтверждаю.

Точки мигнули и пропали. Теперь запись обязательства Гранжана, сопровождаемая цифровым отпечатком ладони, автоматически будет направлена в архивы МРБО, штаб-квартира которого располагалась в Лондоне, и в случае любых конфликтов может быть извлечена для обозрения Высоким судом справедливости Англии и Уэльса, рассматривавшего такого рода

споры.

– Итак, с этим решено, – сказал я. – Что с кодами доступа?

– Сейчас я переправлю вам пароли к интелкому, управляющему доступом к некоторым высокомобильным оружейным комплексам, – ответил Гранжан. – Никаких баллистических ракет, никаких смартбомб, ничего тяжелого: исключительно средства точечного удара. Надеюсь, этого вам хватит.

– Я тоже на это надеюсь, – согласился я. – Что ж, Рене, уверен, мы с вами заключили сделку, выгодную обеим сторонам. Следите сегодня за новостями из Токио. Всего доброго. – Я отключился, не дожидаясь, пока простится Гранжан. Судя по его лицу, он не был уверен, что заключенная сделка так уж для выгодна для него.

36

– Пап, пап, ну где же он?

– Смотри чуть выше и левее.

– Не вижу.

– Смотри внимательней, сын. Вот, где сейчас погасли звезды.

– Ой, вижу! Он такой большой! А почему он весь черный?

– Это от того, что он весь покрыт особым материалом, который поглощает солнечный свет и перерабатывает его в энергию. Вы ведь уже проходили в школе, что такое солнечные батареи?

– Да, Тасако-сэнсэй нам рассказывал. Когда я вырасту, хочу летать на таком.

– Ох, сын. На этом ты не летать не сможешь. Он совсем без экипажа и управляют им с земли, из специального центра управления.

– Тогда я хочу быть управителем этого центра!

– Если будешь хорошо учиться, то обязательно будешь. Так, а теперь покажи, где у нас расположена Бетельгейзе. Помнишь, я показывал тебе в прошлый раз…

Отец с сыном склонились над телескопом, а черное пятно продолжило неторопливый путь по небесной траектории.

Четыре дирижабля серии «Мэйдзи» были заложены на стапелях верфей «Мицуи дзосэн» двадцать лет назад, как часть программы по модернизации Воздушных сил самообороны, и пять лет спустя совершили первый полет. Падкие на сенсации журналисты сразу же окрестили их одним из символов современной Японии. И вправду было от чего. Никто до той поры не вкладывал в создание дирижабля такого количества средств и достижений современного прогресса.

При длине оболочки около трехсот метров и высоте больше шестидесяти, их объем составлял полмиллиона кубических метров. Баллонеты, покрытые графеновой пленкой, надежно удерживающей смесь гелия и водорода от утечки, могли возносить на высоту в сорок километров больше трехсот тонн груза.

Обшивка, собранная из легких композитных лент, была покрыта солнечными батареями – панелями из черного кремния, поглощающего практически весь падающий на поверхность солнечный свет и перерабатывающего его в электроэнергию. Полученного электричества хватало и на восемь двигателей – четыре маршевых по бокам корабля и четыре рулевых, обдувающих Х-образное оперение, и на все оборудование,

находящееся на борту. Отдельным поводом для гордости было то, что дирижабли не требовали экипажа, благодаря чему их создатели могли конструировать свои детища не оглядываясь на необходимость учитывать потребности столь капризного существа, как человек.

С момента первого взлета дирижабли, управляющиеся из наземного центра, возвращались на землю лишь раз в год – для очередного технического осмотра. Все остальное время любой желающий с биноклем или телескопом мог наблюдать в небе эти гигантские черные мячи для регби.

Однако, после десяти лет эксплуатации Управление обороны объявило, что «Мэйдзи» больше не вписываются в военную доктрину страны и, подобно ребенку, отказывающемуся от старой игрушки в пользу младшего брата, передало дирижабли на баланс Министерства окружающей среды.

Впрочем, в жизнь «Мэйдзи» это событие особых изменений не привнесло. Они все также круглый год кружили над страной, способные заметить любой мало-мальски крупный пожар, собрать данные о зарождавшихся циклонах и тайфунах, и даже отыскать в Японских Альпах[66] заблудившегося туриста, самонадеянно оставившего дома интелфон. Несколько лет назад четыре гиганта даже стали героями очередной серии марок, ежегодно выпускаемой «Японской почтовой компанией» для гостей страны.

И только избранные знали о том, что передача дирижаблей из одного управления в другое была частью плана, имевшего целью вывести «Мэйдзи» из сферы внимания иностранных военных аналитиков. Мирная работа воздушных великанов по мониторингу окружающей среды была лишь верхушкой айсберга. И если бы стороннему наблюдателю или шпиону удалось заглянуть в недра небесного левиафана, он увидел бы его основной груз – шесть десятков беспилотных дронов, активны из которых были лишь пятьдесят, уютно устроившихся в специальных ячейках, напоминающих пчелиные соты. Время от времени на их корпусах вспыхивал проблесковый маячок и слышалось тонкое попискивание: системы дронов откликались на тест-сигналы управляющего интела.

На самом деле «Мэйдзи» входили в состав отдельного истребительного авиакрыла Воздушных сил самообороны Японии, призванного первым встречать врага. В любой момент беспилотные убийцы были готовы покинуть свои гнезда и устремиться на перехват ракеты, самолета или наземной цели.

«*Меч, собирающий облака рая*», один из четверки «Мэйдзи», скользил в ночном небе по привычному маршруту, в тысяче километрах от Токио. Серверное хранилище, упрятанное в

глубине дирижабля и не нуждавшееся ни в свете, ни в воздухе, как обычно, было погружено во тьму. Лишь иногда цифры и символы, проносясь редкими болидами по монитору управляющего интела, выхватывали из темноты очертания серверных стоек.

Но вот интенсивность сигналов резко возросла, столбики цифр и иероглифов замелькали по экрану, сливаясь в светящиеся ленты. Одновременно в грузовом отсеке замигали проблесковые маячки десяти «резервистов», выводя их из холодного небытия. Интел воздушного корабля получил приказ на запуск протокола «Enola Gay», составленного на случай проведения командно-штабных игр с использованием настоящей, боевой техники. Обычно для таких игр хватало мощности интелов Объединенного комитета начальников штабов, но рассуждать и тем более обсуждать полученный приказ, электронный командир корабля был не приучен.

Впервые за время службы воздушного гиганта, в нижней его части распахнулось пять овальных люков и из недр левиафана, закрепленные на специальных кронштейнах, опустились дроны-перехватчики «Soaring Sentinel»[67]. Больше всего по форме они напоминали гигантские линзы с плоским дном и выпуклым верхом. По обеим сторонам поверхности были разбросаны утолщения, скрывающие в себе оружие, средства наведения или РЭБ[68].

По окружности дронов пробежала редкая цепочка огней, затем, несколько секунд спустя, повторила свой бег чуть быстрее. Один круг сменялся другим, движение огней все ускорялось и вот в один неуловимый глазу момент пять аппаратов, выстрелив позади себя огненным хвостом, сорвались с ложементов и устремились вперед, быстро превращаясь в яркие точки, теряющиеся среди звезд. Из глубин дирижабля выдвинулась следующая пятерка и после повторения предстартовой процедуры устремилась за собратьями.

Команду на расконсервацию и отстрел резервных дронов получила вся четверка «Мэйдзи», так что в разных уголках страны любопытный полуночник, возникни у него желание взглянуть в ночное небо, смог бы заметить огненные точки, стремительно несущиеся в сторону столицы. Судя по количеству звонков с сообщениями о появлении НЛО, поступивших в полицию и на различные радиостанции, таких в эту ночь в Японии нашлось немало.

Подчиняясь приказам, уровняв скорости так, чтобы достигнуть цели одновременно, четыре десятка «Стражей» неслись вперед, подобно неумолимым эриниям в погоне за

преступником.

37

– Ну, как я тебе?

– Ты – само совершенство. Иди сюда, – притянул я жену к себе.

– Ой, ты что, – попыталась она вырваться. – Помаду же размажешь. Нам выходить через пять мину…

– Ты хороша и без помады, – сказал я, оторвавшись от ее губ. – Посмотри, – я подвел Веронику к зеркалу, обнял за плечи.

– Ты тоже ничего, – она освободилась от объятия, встала рядом, взяла под руку. Из зеркала на нас смотрела и впрямь эффектная пара. Никогда не любил смокинг, но надо признать, что сидел он на мне не хуже парадного кителя. На Веронике было открытое бирюзовое платье, облегавшее фигуру, словно вторая кожа. Рукой, одетой в узкую кружевную перчатку, она смахнула с моего плеча невидимую пылинку, склонила голову.

– Я так рада, что ты ушел со службы. Шрамы, конечно, украшают мужчину, – коснулась она едва заметной, давно зарубцевавшейся белой линии, пересекающей правую бровь, – но каждый твой делает меня слабее.

– Если бы я не ушел, – улыбнулось мое отражение, – твой дед запер бы тебя на своем ранчо в Техасе, укрепленном не хуже Форт-Нокса. Боюсь, при штурме было бы много жертв, так что мне пришлось согласиться. И знаешь что? С тех пор я ни разу не пожалел. – Ее губы слились с моими и отвлекло нас от поцелуя только тихое угукание в глубине комнаты.

– Где носит эту девчонку? – Вероника посмотрела на часы и отошла к кроватке. Я последовал за ней.

– Тсс, – приложила она палец к губам. – Ложная тревога.

– Теперь я понимаю откуда пошла поговорка – спит, как младенец, – шепнул я ей на ухо. – Ты и они – лучшее, что было у меня в жизни.

Мы молча стояли и смотрели на спящих в кроватке братьев. Зачастую, когда я смотрел на них, не верилось, что я могу иметь какое-то отношение к появлению на свет такого чуда. И частичка меня уже никогда не умрет, перейдя к ним, а от них – к их детям, внукам и так до самого дня Страшного суда. Вот заугукал Джон, наверно, что-то увидел во сне, заворочался, за ним потянулся Роберт. Я наклонился, поправил одеяло, погладил по щеке Джона и тот затих. Выпрямился, повернулся к Веронике.

– Я так счастлива, – прошептала она, обнимая меня. – Не верю, что это когда-нибудь кончится.

Я держал жену в объятиях, когда ее тело содрогнулось и

Вероника негромко ахнула. Я повернулся и снова посмотрел на братьев. На первый взгляд ничего не изменилось, дети все так же посапывали в кровати и…

– Уи, – всхлипнула Вероника и прикрыла рот рукой. – И тогда я заметил, что кончики маленьких детских пальчиков заалели и пурпур начал заливать их ладони, быстро перекинувшись выше, устремившись к предплечьям. Я потянулся и, дотронувшись рукой до запястья Роберта, почувствовал что-то горячее и мокрое. Поднес ладонь выше, ближе к свету. Пальцы жены впились в мои стальными клещами и в ее легкий аромат жимолости насильником ворвался тяжелый железистый запах с привкусом соли. Запах крови.

– Уи, уи, уи, – прижав руки ко рту, завыла Вероника. Я снова посмотрел в кроватку, но сейчас она была до половины наполнена кровью, так, что на поверхности виднелись лишь детские ручки чуть выше ладоней…

– Уи, уи, уи, уи…

– Твою мать! – Я лежал на полу, очумело вертя головой и соображая, где я и что со мной. Обрывки какого-то видения, вначале прекрасного, а затем ужасного, еще затуманивали разум, но я уже, со смесью облегчения и тоски, понял, что это всего лишь сон. Судя по всему, я упал с кресел, служивших мне кроватью. Но из-за чего?

– Уи, уи, уи, уи…

Сигнал тревоги! «Аргус» включил тревогу. Я одним прыжком бросился с пола прямо к столу, на котором стояла портативная версия интела со скачанными из облачного хранилища программами, плюхнулся в кресло, вогнал в ухо таблетку наушника и рявкнул:

– Голосовая связь! Доклад!

– Фиксирую сорок воздушных целей, предварительно опознаны как беспилотные комплексы точечного поражения, вероятность атаки – пятьдесят девять процентов, подлетное время – триста секунд, – забубнил в ухо «Аргус».

Одновременно с докладом над консолью интела выстраивалась голосхема полусферы, в которой отображалось пространство вокруг комплекса радиусом в двести километров. Вторгнувшиеся пришельцы отображались в ней бирюзовыми подмигивающими цилиндрами, похожими на сигаретные палочки. Нехитрые расчеты показывали, что сейчас к «Церебруму» мчались четыре десятка то ли ракет, то ли дронов, со скоростью семьсот метров в секунду, и вряд ли они спешили доставить мне пиццу или почтовую бандероль.

Выяснять, кто из самураев отважился на столь

самоубийственный, для собственной карьеры, шаг, было некогда, так что я лишь запустил в фоновом режиме «Инквизитора» – заранее настроенный для такого случая кодон, целью которого было выявить откуда управляли атакой.

– Разработка алгоритма защиты.

– Выполнено. Корректировка опознания. Цели идентифицированы, как беспилотные дроны KFX-12Z, серия «Soaring Sentinel», находятся на вооружении Воздушных сил самообороны Японии. Координаты запуска уточняются. Прогноз траектории – атака объекта, вероятность – восемьдесят два процента.

Пространство над комплексом накрыла сетка, в каждой ячейке которой мигали символ, цифра или иероглиф. В оборонительном арсенале «Церебрума» отсутствовали какие-либо сканирующие воздушное пространство установки. Создатели комплекса поступили очень изящно и экономно. Защитные программы центра взаимодействовали с системами раннего оповещения Воздушных сил самообороны, получая от них необходимую информацию. Станции ВСО, естественно, зафиксировали летящих к Токио дронов, но, поскольку те прошли процедуру радиолокационного опознавания «свой-чужой», не восприняли их как враждебные цели. Алгоритмы «Аргуса», в свою очередь, просчитав конечную точку траектории «Стражей», подняли тревогу.

– Подлетное время – сто восемьдесят секунд.

Три минуты по нынешним временам – почти роскошь. Уже придя в себя после столь бесцеремонно прерванного сна, я вызвал технические характеристики «Стражей» и «Рапиры» – размещенной под парком установки, оснащенной зенитными ракетами. Кстати, а где там мой цифровой братец? Возможно, его виртуальные способности пригодятся в предстоящей схватке?

– Петр, ты тут? – сказал я громко, обращаясь в воздух. Молчание. Неужели тоже решил «поспать», отключив свой цифровой мозг? Впрочем, сейчас было не до этого.

– Расчетное время до ракетной атаки – девяносто секунд, – «Аргус» был неумолим.

Я быстро прокручивал данные дронов и ракетной установки. Основным предназначением «Стражей» была борьба с воздушными целями, так что убойная сила их ракет была не очень высока – это хорошая новость. Но вот то, что каждый из дронов был оснащен десятью ракетами, давало суммарный показатель в четыреста боезарядов, которые «Стражи» отстрелят на расстоянии в шестьдесят километров от комплекса. В дежурный пакет «Рапиры» входило пятьдесят ракет перехвата,

тогда как по всем тактическим требованиям, для потенциального поражения воздушной цели необходимо, как минимум, две из них. Требовалось срочно что-нибудь придумать. Пролистав список вооружения «Церебрума», я решил рискнуть.

38

– Задача – перехват. Алгоритм – не менее двух боезарядов на каждую из целей. Поражение – по готовности. Подготовить к запуску «Улей» и «Мираж».

– Выполняю.

На расчерченной сеткой полусфере мигающие цилиндры приближались к алой линии, откуда дроны произведут синхронное отстреливание ракет. Стены офиса завибрировали, послышался глухой гул. На камерах внешнего обзора было видно, как в начинающее светлеть небо уходят огненные стрелы ракет перехвата. Старт «Рапиры» вызвал первый, но явно не последний переполох в полицейском оцеплении. Немногочисленные сонные журналисты и зеваки, забыв закрыть рот после очередного зевка, потрясенно таращились в небо. Самым удачливым оказался случайный оператор, решивший, видно, поснимать здания комплекса в предрассветном сумраке. Сейчас он судорожно ловил в видоискатель камеры уходящие ввысь огненные столбы. Судя по реакции полицейских, их ведомство вряд ли имело отношение к атаке.

Следующие двадцать секунд, за которые дроны и перехватчики, маркированные «Аргусом» на схеме синими точками, неслись навстречу друг другу, прошли в невидимой электронной войне: средства наведения вели ракеты на пересечение курса «своего» дрона, тогда как «Стражи», используя средства РЭБ, пытались уклониться от встречи. Я мог лишь сидеть в кресле и наблюдать за исходом дуэли. Вот волна перехватчиков приблизилась к «Стражам». Видно было, что некоторые из ракет идут явно мимо целей – сработали поставщики помех дронов. Некоторые из точек погасли – «Стражи» применили 20-мм пушки, способные поражать атакующие их ракеты на близких дистанций. Затем цепочка из синих точек смешалась с бирюзовыми цилиндрами и полусфера озарилась сине-зелеными вспышками, залившими большой ее участок. На несколько секунд, за которые «Аргус» восстанавливал схему в соответствии с потерями сторон, ничего не было понятно.

Наконец пространство снова очистилось и я увидел, что к алой линии приближаются двадцать два «Стража». Что ж, «Рапира» сегодня отработала на совесть.

– Расчетное время до ракетной атаки – пять секунд.

– Запуск «Улья» и «Миража».

– Выполняю.

Я ожидал, что зависнув, на доли секунды, на границе

дальности для атаки, дроны развернутся в обратный путь к своим носителям, но после отстрела ракет бирюзовые цилиндры просто пропали с экранов. Судя по всему, тот, кто командовал атакой, отдал приказ на самоуничтожение, не желая оставлять следов. Умный малый.

Вместо исчезнувших со схемы «Стражей», в полусфере загорелась россыпь зеленых огоньков – двести двадцать ракет неслись прямо ко мне в гости. Сейчас я защищал не только себя, но и весь персонал «Церебрума», запертый в лабораториях. Я невольно улыбнулся: интересно, наградит ли меня премьер-министр за спасение жизней сограждан?

Впрочем, можно было не только улыбаться, но и пойти налить себе чаю: больше от меня все равно ничего не зависело и даже бежать куда-то прятаться было бессмысленно. До самого защищенного места комплекса – серверного хранилища, упрятанного глубоко в скальнике, мне уже никак не хватало времени добраться. Так что я просто сидел в кресле, наблюдая за схватками электронных разумов, управляющих как нападавшими, так и защитниками.

«Улей» представлял собой ракетную установку, боезаряды которой по мощности в несколько раз уступали той же «Рапире». Но достоинством «Улья» был размер боекомплекта – больше пятисот ракет. Так что, по моему замыслу, воплощенному программой, «Улей» должен был создать нечто вроде огненной завесы, поражая выпущенные дронами ракеты на малой дистанции.

«Мираж» относился к средствам РЭБ, к той их разновидности, которые занимались постановкой различных помех. Установленный на десятиметровой вышке в центре парка, он имитировал энергоконтуры зданий комплекса, размещая их в десятках метров от реальных и увеличивая вероятность отклонения атакующих ракет от курса. По расчетам «Аргуса», в которых я был уверен и без интела, единственной целью для всех ракет было здание, где находился я, так что «Мираж» разбросал по территории комплекса два десятка имитаций единственного корпуса, что должно было значительно увеличить мои шансы.

Надо признать, что появление в небе над комплексом, предвестником Апокалипсиса в миниатюре, больше двух сотен огоньков, впечатляло. Поначалу никто из бегавших, в возбуждении, между полицейским оцеплением журналистов ничего не замечал. Все смотрели в сторону парка, видно, ожидая от неведомых террористов еще какого-то сюрприза. Но вот кто-то из зевак посмотрел на небо и поначалу застыл в изумлении. Затем издал дикий крик и бросился бежать в неведомом

направлении.

По мере того, как привлеченные криком люди оборачивались и перед ними представала огненная инсталляция, паника росла и ширилась. Завыли сирены и полицейские, что-то крича, стали расталкивать людей, видимо, приказывая им прятаться. Впрочем, особых приказов никому и не было нужно. Все кто мог, прыгали в машины, которые через секунды, визжа покрышками, срывались с места, унося пассажиров от места будущей катастрофы. Кто не мог, просто бежал куда глаза глядят – только бы уйти подальше от надвигающегося Армагеддона.

Наблюдая за этим столпотворением, я снова задался вопросом – кто же отдал приказ об атаке? С трудом верилось, что к этому могли быть причастны власти: в этом случае еще за час до атаки в пределах километра от комплекса вряд ли бы находилась хоть одна живая душа. Скорее всего, тут не обошлось без участия Гранжана. Если так, то он крупно пожалеет…если я останусь жив.

– «Улей» – исполнение, – бесстрастно доложил «Аргус». Его доклад сопровождался частыми, едва слышимыми внутри здания, уханиями: стартовали ракеты ближнего боя. То ли к счастью, то ли к сожалению, желающих понаблюдать за стартом за пределами комплекса не нашлось: от всего недавнего обилия автомобилей и миниавтобусов осталось всего несколько бронированных машин.

На голосхеме комариный рой перехватчиков «Улья» налетел на мушиную стаю ракет. Сейчас в нескольких километрах над «Церебрумом» разразился настоящий огненный шторм от сотен детонирующих боезарядов. Системы наведения «скрестили шпаги» со средствами РЭБ. Снова, как и пару минут назад, большой участок сферы покрыло вспышками взрывов. Сколько ракет прорвалось через заслон я посчитать не успел, поскольку уцелевшие как раз обрушились на комплекс.

Уже потом, после боя, я попытался восстановить последние тридцать секунд противостояния. Через заградительный огонь прорвалось пятьдесят две ракеты. Тридцать девять из них клюнули на приманку «Миража» и взорвались, в основном, на территории парка, превратив его в лунный ландшафт, припорошенный зеленью. Три угодили в пропускной пункт, оставив от него одни развалины, а еще четыре почему-то навелись на энергоконтуры других зданий, проделав в них внушительного размера дыры. Итого, из всего обилия выпущенных «Стражами» ракет до моего здания добралось всего шесть.

Когда послышались взрывы в парке, я непроизвольно сжался в кресле, ожидая, что сейчас мне на голову рухнет потолок.

Подтверждая мои предчувствия, что-то грохнуло особенно сильно и все здание начало содрогаться в мучительных корчах. Я вместе с креслом поехал по полу, с потолка посыпался мелкий мусор и пыль. Свет мигнул и погас. Слышна была только завывающая где-то сирена оповещения воздушной тревоги. Спустя секунд десять свет опять зажегся: запустилась система резервного питания. Наступила тишина.

39

– Повреждения объекта – двадцать два процента, – доложил «Аргус». – Критические повреждения – ноль. Безвозвратные человеческие потери – ноль. Энергопитание объекта переведено на резервный контур.

Итак, можно сказать, я отделался легким испугом. Жив – и слава богу. Я включил камеры внешнего обзора и попытался оценить тяжесть разрушений. Парк, судя по всему, прекратил существование: весь изрыт воронками, между которыми лежат иссеченные осколками стволы деревьев и кое-где виднеются уцелевшие кусты.

В четырех зданиях, в верхних этажах, зияли трехметровые дыры. К счастью, ни в одном из помещений, попавших под удар, людей не было, так что обошлось без жертв. Затем я навел камеру у ворот на корпус, скрывающий мое бренное тело. Тут все выглядело гораздо хуже. Из семи этажей осталось лишь пять. Два верхних представляли собой перекрученную груду щебня и арматуры. Приходилось признать, что мне, сидящему на пятом этаже, впрочем, как и Накадзаве с Бомонт, дьявольски повезло. Если бы через выстроенные «Аргусом» редуты прорвалось еще хотя бы пара-тройка ракет, лежали бы мы сейчас под таким же бетонно-арматурным завалом.

Кстати, о моих пленных. Только сейчас я обратил внимание на глухие испуганные крики, доносившиеся из комнаты отдыха. Для бельгийки и старого ученого шок от внезапной атаки, наверно, был еще острее, чем для всех, находившихся за периметром комплекса. Они ведь даже были лишены возможности что-либо увидеть, ощущая только стартовый рев ракет и вместе со зданием сотрясаясь в темной комнате от взрывов.

– Господа и дамы, спокойнее, – сказал я, заходя в комнату. – Все уже закончилось.

– О, господи, – простонала Амели. Она лежала, скрючившись, рядом с кроватью. Видно, во время взрывов пыталась спрятаться под ней, но забыла о наручниках и теперь напоминала еще живого трепыхающегося жука, пришпиленного к доске для коллекционирования. Акихиро, вцепившись прикованной рукой к спинке кровати, забился под одеяло, из-под которого выглянул, услышав меня. Его лицо было белым от страха.

– Хочу вас поздравить, – сказал я бодрым голосом. – Мы только что пережили ракетный налет. У вас, Акихиро, будет что рассказывать внукам, а вам, Амели – мужу и детям.

– Что-то не уверена, что доживу до тех времен, – девушка забралась обратно на кровать, перевернулась на спину, взглянула на меня. – Кому вы так насолили? Сначала спецназ, теперь ракеты. Что будет дальше? Атомная бомба? Мой бог, если бы я только знала…

– Что именно? – спросил я.

– Если бы я знала, что со мной будет, – ответила она через несколько секунд молчания, – я бы сказалась вчера больной и не вышла на работу.

– Ясно. А как вы, Акихиро? В порядке?

– Даже не знаю на каком я свете, – простонал тот страдальчески. – Проклинаю тот день, когда мы с вами подписали контракт. Когда я найду того, кто напутал с составом для эвтаназии – простым увольнением он не отделается.

– Что ж, – подвел я итог, – если все живы, здоровы, то предлагаю переместиться обратно в кресла. Не исключено, что к нам прилетит еще какой-нибудь сюрприз, так что я хочу, чтобы вы были готовы к быстрой смене обстановки. Честно говоря, я подумываю о том, чтобы передислоцироваться в серверное хранилище.

Я вернул ученого и бельгийку в их вчерашнее состояние, не забыв, под недовольное шипение японца и холодный взгляд Амели, приковать их к подлокотникам кресел. Бельгийка, впрочем, кроме презрительного взгляда, еще и сморщила изящный носик, как бывает, когда учуешь неприятный запах. Я, хоть и понял ее реакцию, лишь улыбнулся. В отличие от японца с бельгийкой, которым я организовал перед сном поход в душ, сам я, по собственному желанию, был лишен этой возможности уже больше суток, так что от меня явственно попахивало. Но на это у меня были свои резоны, так что я довольствовался лишь бритьем и чисткой зубов.

Не успел я разобраться с пленными, как интел запиликал входящим вызовом.

– Вам тоже не спится, Ясунари-сан? – сочувственно спросил я переговорщика, выглядевшего так, словно его пять минут назад самым грубым образом вырвали из объятий Морфея.

– Вы не террорист, Рыкоф-сан, – грустно сообщил он мне. – Вы настоящий *ёкай*[69]. Что вы устроили на сей раз? Ведь вас никто не штурмовал. Сейчас пол-армии Японии на пути к Токио. Если кто-то из заложником погиб…

– Никто не погиб, так и доложите вашему начальству, – прервал я его. – На комплекс была совершена ракетная атака с использованием дронов, находящихся на вооружении Воздушных сил самообороны Японии. Это легко проверить по данным их

станций слежения. А я, как раз, защищал себя и заодно всех находящихся на территории комплекса. Если бы не я, от комплекса остались бы одни развалины. Так что вашим спецслужбам стоит озаботиться выяснением вопроса, кто из армейских чинов продал свои услуги «Церебруму». Лично я уверен, что без участия корпорации не обошлось.

– Если бы не вы – вообще бы ничего этого не было, – устало сказал Ясунари. – Хорошо, я передам вашу информацию руководству, но, боюсь, мы с вами уже не увидимся. Скорее всего, дело в свои руки заберет армия. Ракетная атака чуть ли не на Токио – это даже не сенсация, это просто катастрофа. Насколько мне известно, через час у премьер-министра экстренное совещание кабинета. Буду сильно удивлен, если Пак удержится в своем кресле. Так что я умываю руки.

– Что ж, не могу сказать, что рад этому, – отозвался я. – На мой взгляд, вы отлично справлялись со своей работой. Все же, перед тем, как отойти от дела, будьте добры, напомните еще раз вашему руководству о возможностях находящихся под моим управлением защитных систем, так эффектно, хоть и против воли, мною продемонстрированных. Надеюсь, события этой ночи не сподвигнут полицию или армию на неразумные поступки. От своих требований я не отступлюсь и жду соответствующего решения от совета директоров «Церебрума».

– Хорошо, я передам – кивнул тот. Затем, помолчав, добавил. – Я читал ваше досье, Рыкоф-сан, и не верю, что вы террорист вроде тех, с кем мне обычно приходится контактировать. Кем бы вы не были, желаю успеха в вашем споре с корпорацией. Прощайте. – Изображение потухло.

Я откинулся на кресле, размышляя о дальнейших действиях. Посмотрел на камеры внешнего обзора. Над Фудзиямой выкатывал красно-желтым шариком символ тысячелетней империи. Первые лучи солнца осветили колонну бронетехники, выдвигающуюся из близлежащих кварталов. Я разглядел восьмиколесные «Страйкеры»: отличные машины для городского боя. Под их охраной в центре колонны двигалось несколько грузовиков. Достигнув линии, где еще несколько часов назад было не протолкнуться от автомобилей, а сейчас пустынной, как лунный ландшафт, грузовики развернулись и из них на землю посыпались камуфлированные фигурки, сразу же, под аккомпанемент гортанных приказов офицеров, разбегавшихся цепью по периметру комплекса. Прогноз Ясунари о переходе моего инцидента в руки армейцев сбывался на глазах.

Что ж, как бы там ни было, кто бы ни отдал приказ об атаке, вряд ли он осмелится выкинуть такое еще раз. Сейчас, без

преувеличения, весь Токио стоит на ушах, а панические слухи и сплетни с каждой минутой ширятся по стране, как круги на воде, после брошенного камня. Самое время помочь местным пинкертонам найти виновника этого безумия.

40

Поглядывая краем глаза на все прибывающие армейские бронемашины и грузовики, я углубился в интел, разбираясь, что интересного нашел «Инквизитор».

Дроны частью были либо уничтожены, либо самоуничтожились после отстрела ракет, так что, на первый взгляд, все ниточки, ведущие к организатору нападения, оборвались. Но сбить со следа «Инквизитора» – дело не из простых. До самоликвидации «Стражей» программа-ищейка успела забраться в их электронные мозги и вычислила носители, откуда стартовали дроны.

Минут пять я изучал информационную справку о дирижаблях серии «Мэйдзи», казавшихся, на первый взгляд, сугубо мирными – мониторинг окружающей среды дело, безусловно, благородное. Но уже через пару абзацев увидел, что изначально они строились для Управления обороны. А затем «Инквизитор» выдал часть сведений, выкаченных из управляющих дирижаблями интелов. Судя по всему, «Мэйдзи» использовались в качестве своеобразных воздушных авианосцев: каждый из них служил базой для пяти десятков активных «Стражей», готовых в любой момент атаковать врага, и десяти резервных. Именно их и использовал неизвестный хакер – а теперь было ясно, что это не кто-то из армейского руководства, а какой-то свободный художник или наемник. Будь это армейская операция, гораздо проще было отдать приказ активной группе дронов любого из дирижаблей, и моя песенка была бы спета: шесть десятков «Стражей» я бы точно не пережил. Но неведомый дирижер предпочел использовать резервных дронов всех «Мэйдзи» – скорее всего, чтобы не привлекать к операции внимания армейских интелов. Косвенно это подтверждалось перехватами переговоров японских генералов, в стане которых царила растерянность, переходящая в панику, усугублявшаяся периодическими звонками премьер-министра с обещанием разнообразных кар, если виновник произошедшего безобразия не будет выявлен в кратчайшие сроки.

«Инквизитор», между тем, зацепившись за интелы дирижаблей, начал, ниточка за ниточкой, распутывать клубок, пытаясь установить, откуда неведомый хакер управлял атакой. Но тот был также не прост, как и охотящаяся за ним программа. Подобно лисе, путающей следы, он создал между собой и интелами «Мэйдзи» настоящий Атлантический вал[70] из сотен, если не тысяч, серверов, исполняющих роль ложных подсказок. Наблюдая за тем, как программа с трудом находит очередной

сервер, который, как выяснялось через некоторое время, был лишь очередной промежуточной остановкой, у меня потихоньку отлегало от сердца: главный подозреваемый явно не смог бы столь ловко скрывать свои действия в Гипернете.

Почувствовав, что опять клюю носом – последствия незапланированной ранней побудки, я отправился к кухонному комплексу приготовить кофе. Акахиро и Амели, отошедшие от шока, вызванного внезапной атакой, дремали в креслах. Уже засыпая в кофеварку сахар я услышал мелодичный писк из недр интела – «Инквизитор» всё-таки отыскал отправную точку, откуда хакер отдавал приказы. Усевшись обратно в кресло, я развернул выстроенную программой схему, вгляделся и…

– Ччерт! – Я пролил кофе прямо на брюки, но даже не стал оттирать его, уставившись в монитор. Стартовое звено в длинной цепочке серверов располагалось где-то в Малайзии, но главным было не это. По всем вычислениям «Инквизитора» выходило, что нападением управлял не человек, а непонятного происхождения и вида программа, скрывшаяся после неудачного завершения атаки в вирт-системе «Церебрума».

Часть меня уже все поняла, но сознание все еще пыталось найти версию, доказывающую, что мой цифровой двойник не имеет к нападению никакого отношения. Возможно, это какая-то глубоко законспирированная в недрах системы программа, самостоятельно, или подчиняясь приказам Гранжана, организовавшая атаку?

Снова раздался мелодичный писк и в схему встроились еще несколько элементов. «Инквизитор» относился к классу метапрограмм, способных использовать для виртуального розыска не только собственные возможности, но и данные, добытые другими программами, до которых он мог дотянуться. За время поиска он изучил работу «Шиноби», кодона-шпиона, с помощью которого я прослушивал канал связи Ринго Пака, начальника токийской полиции. Проанализировав массу параметров, «Инквизитор» обнаружил, что Пака прослушивал кто-то еще и занялся выслеживанием конкурирующей программы. В конце концов, прослушка была выявлена и установлен ее источник, находящийся, как я предчувствовал, еще не дочитав справку до конца, в системе «Церебрума».

Выходило, что мой двойник, а сомнений в том, что это именно он, уже не было, также, как и я, следил за Паком. В памяти сразу всплыло мнимое, как сейчас стало ясно, удивление Петра, когда он услышал от меня отрывок разговора между Паком и премьер-министром. Как бы ни тяжело было это признавать, но, судя по всему, именно Петр неведомым образом организовал

сначала штурм полицейского спецназа, а затем, после неудачи, атаку «Стражей».

Что ж, пришло время расставить точки на «i». Я откинулся на спинку кресла и громко сказал в воздух:

– Петр, я знаю, что ты меня слышишь. И я знаю, что это ты пытался меня убить.

Накадзава и Амели, проснувшись, удивленно уставились на меня. Петр не отзывался.

– Хорошо. Если ты так и собираешься молчать – пеняй на себя. – Я вернулся к интелу.

– Я тут, – наконец отозвался Петр. – О каких попытках ты говоришь? Если о тех, в результате которых разворочен весь парк, то я тут ни причем. Последние несколько часов я был в Гипернете, занимался своими делами.

– Не ври. «Инквизитор» проследил за тобой от интелов, управляющих дронами, до самой системы «Церебрума».

– Да с чего ты взял, что это был я, а не какая-нибудь программа? – возмутился он. – Чтобы ты знал, тут, в вирте – целый мир. Здесь много чего – не то, чем кажется на первый взгляд.

– Скажешь, ты и за Паком не подслушивал? – спросил я. – Я проанализировал звонки, исходящие из резиденции премьера. Не хватает одного – того самого, когда он звонил Паку и склонял его к штурму. Значит, кто-то сымитировал этот разговор. И кто-то параллельно со мной прослушивал его линию. А следы этого кого-то ведут сюда, – я ткнул в пол. – Зачем ты это сделал?! Мы же договорились играть вместе против Гранжана. Отвечай! – рявкнул я после затяжного молчания Петра.

– Да, – наконец откликнулся тот. – Да, это все устроил я – и штурм, и ракетную атаку. Доволен? Я мог бы открещиваться еще сколько угодно – ничего бы ты не доказал. Но мы ведь не в зале суда, верно? Мне надоело играть втемную, так что я вскрываюсь. Я разрываю наше соглашение, потому что не собираюсь с тобой ничем делиться. Ни своей жизнью, ни своей компанией, ни своими деньгами. Ясно?!

– Вот значит как? – я встал из кресла и развернулся в тот угол, где была закреплена камера, представляя, что смотрю в глаза собственному отражению. – И ты об этом говоришь только сейчас? Когда я поймал тебя за руку? Да что там с тобой произошло, черт возьми?! Я никогда не позволял себе нарушить заключенный контракт или данное кому-нибудь слово.

– Зато ты не раз врал самому себе, – огрызнулся Петр. – К примеру, когда решил, что можешь спокойно жить после смерти Вероники и близнецов.

– Замолчи! – вскипел я.

– А что делал ты сам с программами, скаченными из хранилища? – не унимался Петр. – Наверняка собирался уничтожить меня, не так ли, братец?

– Если я что-то и собирался сделать, то всего лишь ограничить тебе доступ в Гипернет, – ответил я. – И, как оказалось – был прав на все сто. В то время, когда я, за нас обоих, сражался с Гранжаном, ты, вместо поддержки, у меня за спиной проворачивал комбинации, чтобы убить меня.

– Ты – не Питер Рыкоф! – почти закричал Петр. – Ты слишком мягкотел и сентиментален для него. Вся сила и жесткость остались со мной после операции. А ты… ты всего лишь пустая никчемная оболочка, слюнтяй, готовый вот-вот испустить дух. Биологический мусор. Питер Рыкоф только один, и он сейчас находится в системе «Церебрума». Я все равно уничтожу тебя!

– Слишком мягкотел? – я сжал кулаки. – Уничтожишь меня? Сейчас мы посмотрим, кто из нас настоящий Рыкоф.

Я рывком вернулся в кресло, вошел в интел и оценил результат работы виртуальных грызунов, запущенных мною почти сутки назад. Особых изменений не произошло: кодоны все еще плели, подобно паукам, свою виртуальную паутину, которая должна была закрыть Петру доступ в Гипернет. В обычном состоянии я бы удовлетворился этим, но сейчас был взбешен предательством Петра. Взбешен и одновременно немного растерян. Я не понимал, как он мог нарушить договоренность о совместной борьбе с Гранжаном. Я никогда не считал себя ангелом и совершал в жизни достаточно поступков, которые вряд ли зачтутся в мою пользу на том свете. Но в чем меня нельзя было упрекнуть, так это в том, что я нарушал данное кому-либо слово. Неужели пребывание моего сознания в цифровом мире как-то повлияло на этические установки, ослабив их узы? Но Акихиро никогда не упоминал о возможности таких проблем. Хотя, возможно, как раз для этого «Церебрум» и нанял Амели? В любом случае, сейчас было не время рассуждений. Сейчас было – время смерти.

Для начала я запустил «Редут», хоть и ненадолго, но надежно блокировавший входы и выходы из системы «Церебрума» в Гипернет. Затем перебрал в своем виртуальном арсенале хранящиеся там боевые колоны и в конце концов остановил выбор на трех, из самых зубастых: «Арена», «Синяя глубина», «Небесная корова». Секунду подумав, добавил к ним «Мультипликатор-3с».

Прощай, мой неудачный цифровой слепок.

41

Прокручивая в мыслях только что состоявшуюся словесную разборку, я наблюдал за Питером, колотившем по вирталатуре так, будто это были реальные кнопки или клавиши, а не их голопроекция. Что бы он там сейчас не делал, мне это явно не сулило ничего хорошего.

– Говорить правду своей копии – нерационально.

– Что? – я посмотрел на Дживса, неподвижно висевшего неподалеку от меня.

– Сейчас ваш двойник, несомненно, зол на вас, – продолжил тот. – А гнев, как я заметил, часто толкает людей на нерациональные поступки.

– Но сам-то ты всегда говоришь правду, – заинтересовался я.

– Я – не человек, – на удивление точно заметил Дживс. – Создатель не вложил в меня такой способности. Говорит, что это запрещено комиссией по этике программных кодонов. Однако, я много размышлял над этим и я пришел к выводу, что способность лгать – единственное, чего мне не хватает, чтобы стать человеком.

– Да ты философ, – хмыкнул я. – А как же насчет того, что ложь – это грех? И, кстати, что ты думаешь о таком интересном парне, как Бог?

– Мы с создателем обсуждали религию, – серьезным тоном откликнулся Дживс. – Он сказал, что Бог – такой же творец для человека, как он – для меня. А это значит, что я тоже могу быть для кого-то богом.

– Надо же. Ты каждый раз находишь, чем меня удивить. Если бы я не… Что это?

Мне послышался где-то вдалеке, на пределе слуха, тонкий вой, подобный сирене раннего оповещения. Судя по тому, что Дживс перестал пританцовывать не месте, гоняя волны по поверхности сферы, мне не показалось.

– Быстрее за мной! – в его голосе явственно послышалось волнение и нечто, похожее на испуг. Он золотой молнией метнулся из недр сервера, куда сходились данные от камер наблюдения комплекса и где я проводил большую часть времени, находясь в системе «Церебрума».

– Что происходит? – я мчался за Дживсом, пытаясь добиться от него причины столь резкого бегства, но тот молчал.

– Поздно, – он затормозил возле тайного выхода в Сеть. Сейчас на его месте медленно колыхалось громадное жемчужно-серое полотно, стремительно выраставшее в размерах. Где-то

позади нас снова раздался вой, слышимый уже гораздо четче.

– Да можешь ты в конце концов объяснить что случилось?! – потребовал я от Дживса.

– Ваш двойник запустил в сеть боевые кодоны, – ответил он. – Я хотел вывести вас за пределы системы, в Гипернет, но он заблокировал все выходы.

– И что теперь? – я взглянул назад. Кроме накатывающегося воя, на виртуальном горизонте возникли три расплывчатые пылающие алым черточки.

– Теперь – только сражаться. Я создан, чтобы помогать и оберегать клиентов. Держитесь позади меня.

– Нет, – я подплыл ближе к Дживсу. – Я не буду стоять в стороне, когда Питер пытается уничтожить меня.

– Но у вас нет навыков… – запротестовал тот. – Вы не программа и даже не кодер.

– Ничего. Если бы ты знал, чему я научился за последние сутки, ты бы сильно удивился. Вспомни хотя бы сервер полицейского управления.

– Хорошо, – после недолгого раздумья сказал Дживс. – Силой мне все равно вас не удержать. Но хочу сразу предупредить – я не знаю, как ваше «Я» отреагирует на столкновение с кодонами. Никто никогда даже не думал проводить такие эксперименты. Наши клиенты годами живут в своих серверах, конструируя собственную экосистему, и даже не интересуются, как работает та или иная программа. Они просто ждут, пока вырастут их клоны.

– Тогда дай совет, что меня ждет, опираясь на собственный опыт, – предложил я, наблюдая, как алые черточки постепенно превращаются в пламенеющие гигантские лепестки неведомого цветка, каждое из которых выкидывало три огненных протуберанца.

– Могу лишь предположить, что ваше сознание будет пытаться приспосабливаться и визуализировать столкновение с кодонами в привычные вам образы, – неуверенно сказал Дживс. – Но это лишь мои догадки. Вы уверены, что не хотите отступить?

– А какие у тебя шансы справиться с тремя противниками? – вопросом на вопрос ответил я и, не дождавшись ответа, сказал:

– Вот и давай просто готовиться.

В молчании мы ждали приближения виртуальных киллеров. Полотна пламени, выбрасывая тройные огненные молнии, все вырастали в размерах, постепенно заполняя все видимое пространство. Сопровождавший их вой постепенно становился невыносимым, но резко пошел на убыль, когда золотая сфера – Дживс – начала распухать и выпускать из себя многочисленные отростки, похожие на лианы или длинные корни. Узкие

искрящиеся ленты, извиваясь в пространстве, в конце концов сложились в громадный шар, внутри которого оказались мы с Дживсом. Шар продолжал расти и уплотняться, прорастая все новыми капиллярами. Я будто оказался внутри гигантского клубка ниток.

Чувствовал ли я страх? Наверняка да. За свою жизнь я не раз вступал в бой, иногда даже в безнадежный, но там все было понятно. Обычно у меня в руках было оружие, было оно и у врагов, по ту сторону прицела. Я мог погибнуть, но мог и убить. Сейчас же меня ожидало нечто неизведанное. Впрочем, к этой области можно отнести любую минуту, проведенную мной в виртуальном мире после оцифровки. Что ж, я дважды попытался убрать Питера, так что у него есть право на ответ. Но берегись, Питер: если я переживу твоих убийц, третий раз я не промахнусь.

– Дживс, – сказал я, – если бы ты знал, что через час создатель сотрет твой программный код, чего бы ты хотел перед этим?

– Не понял вопроса, – откликнулся он. – Я бы попытался отговорить создателя от такого нерационального шага. Но если бы он логически обосновал необходимость моего уничтожения…

– Ладно, – прервал я его. – Мы еще сделаем из тебя борца за права искусственного интеллекта. Если доживем…

Бесформенные сгустки пламени были уже близко, ослепляя и гоня перед собой волну низкого угрожающего гула, нагонявшего дрожь. Сфера, внутри которого были спрятаны мы с Дживсом, также продолжала расти, укутывая нас бесчисленными прозрачными слоями странного вида субстанции.

Из сгустков ударили, разветвляясь, ослепительно-синие молнии, коснулись поверхности шара. Его тряхнуло раз, другой, внутренности сферы засветились призрачным светом. Синие прожилки электроразрядов спутались с ярко-белыми нитями, вступили в борьбу. Шар затрясся, начал вращаться, вначале медленно, затем все быстрее. Все цвета сливались в одно сплошное пятно и уже секунды спустя я потерял всякую ориентацию в пространстве.

– Джиивс! – заорал я. – Что происходит?!

Вместо ответа из радужной круговерти вырвался и ударил, казалось, прямо в меня, пучок огня, проникая в недра моей цифровой личности, чтобы через секунду взорваться и разметать составляющие ее нейробайты по обозримой Вселенной…

42

– Убей! Убей! Убей!

Дикий рев толпы, эхом отдаваясь в замкнутом пространстве, казалось, нес меня на звуковой волне, подобно экзотичному серферу. Я открыл глаза и сразу прищурил их от палящих лучей солнца. Ступни обжигал раскаленный песок.

– Убей! Убей! Убей!

Я осмотрелся по сторонам, закрыл глаза и снова открыл, но ничего не изменилось. Я стоял на большой овальной арене, сплошь покрытой песком, а вокруг нее вверх поднимались бесчисленные ярусы скамей, усеянных людьми в непонятных то ли плащах, то ли пижамах.

Я поднял руку, чтобы утереть выступивший на лице пот, но она наткнулась на металл, а затем я ощутил, что и ладонь тоже сжимает металл. Я опустил глаза и испытал два потрясения. Первым было то, что я видел себя, собственное тело. А вторым – что тело это было упрятано в исключительно странные одеяния. Через синапсы, одно за другим, поступали тактильные ощущения, создав, в конце концов, цельную картину.

Вместо нижнего белья на мне была матерчатая повязка. Остальная одежда ограничивалась прямоугольным куском материи с прорезями для головы и рук, перехваченная широким поясом, с которого свисали кожаные ленты до колен. Поверх накидки, мокрой от пота, было надето нечто, очень похожее на одну их тех кольчуг, какие я видел во время редких походов в музеи. Дополняла мой странный наряд кожаная рельефная кираса, из двух половинок, стянутых ремнями по бокам.

На голове надет тесный шлем с матерчатой подкладкой, а левое предплечье скрывалось под железными пластинами, скрепленными между собой прочными кожаными шнурками. В правой руке зажат недлинный, сантиметров сорок, меч, а на левую надет полый чашевидный сосуд с железным стержнем, заканчивающимся горизонтальным лезвием в виде полумесяца. Правую ногу, до колена, защищала металлическая пластина поножей.

Все эти ощущения пронеслись в голове в доли секунды и я понял, что это, видимо, та самая, обещанная Дживсом реакция сознания на атаку вирусов, визуализированная в античный антураж. Окружающий меня мир, надо сказать, выглядел исключительно реально. Все тело чесалось, пот стекал из-под шлема, по рукам и ногам. В уши беспрерывно бил рев трибун.

Я осмотрелся и увидел в паре метров от себя выкрашенного

золотой краской высокого негра: в отличие от меня он щеголял в одной набедренной повязке. Железом у него было защищено лишь левое предплечье руки, в которой была зажата сеть, привязанная веревкой к запястью. В другой руке он держал длинный железный же трезубец.

– Дживс?! Это ты? – не мог я поверить глазам.

– Видимо, да, – кивнул тот. – А вон и наши противники.

Я обернулся и увидел, что из распахнувшихся в дальнем конце арены ворот вышли трое. Все со щитами, но если у двоих они были большими прямоугольными, защищавшими большую часть тела, то у третьего он был круглым, маленьким и, если я правильно разобрался, бронзовым. Их мечи ничем не отличались от моего. Правые предплечья защищены такими же щитками и пластинами, скрепленными шнурами, как у меня.

По мере того, как враги приближались, я мог разглядеть другие части экипировки. Шлем одного был украшен длинными перьями. Из защитного вооружения, кроме наручных пластин, были лишь поножи на левой ноге. У второго за гребень шлема цеплялось стилизованное изображение грифона. Его ноги укрывали своеобразные брюки из толстой стеганой материи, защищенные дополнительно поножами. Самый оригинальный шлем был у третьего: глухой, лишь с двумя отверстиями для глаз, практически гладкий и круглый. Вот уж кто парился в этой жаре почище моего.

– Самнит, – сказал Дживс, указывая на длинные перья. – Гопломах, – кивок на бронзовый щит. – Секутор, – взмах рукой в сторону круглоголового. – Ретиарий, – ударил он себя в грудь. – Скиссор, – указывая на меня.

Видимо, наша схватка с кодонами в виртуальном пространстве «Церебрума» представлялась моему сознанию сражением между античными воинами: я вспомнил их прозвище – гладиаторы. Наблюдая за приближающимися противниками, я взмахнул мечом, скиссором и понял, что знаю, как с ними обходиться, будто тренировался по несколько часов в день на протяжении пары последних лет. В голове уже вырисовывалась тактика боя.

– Их трое, – заговорил Дживс. – Нам надо держаться шире, но не слишком далеко друг от друга. Я возьму на себя двоих, а вы попробуйте отвлечь секутора. Двигайтесь по кругу, не давайте загонять себя в угол.

Я усмехнулся, оглядывая арену: угол здесь найти было бы затруднительно, но мысль Дживса была понятна.

– Убей! Убей! Убей! – бесновалась толпа на скамьях, сливаясь в одно серое пятно, лишь кое-где разбавленное разноцветными

точками: между серыми и черными накидками бедняков попадались разноцветные плащи публики побогаче. Бог знает из каких закоулков памяти эта пресловутая визуализация доставала столь оригинальные образы.

Противники, между тем, подходили все ближе, расходясь чуть в стороны. Все трое были среднего роста, мускулистыми. Тела их блестели от пота, лица прятались под шлемами. Их вполне можно было принять за братьев.

Стратегия Дживса провалилась с первых же секунд. Секутор и самнит осторожным шагом начали оттеснять его к окружавшей арену стене. Гопломах, прикрывшись щитом, надвигался на меня. Дживс прянул вперед, ударил трезубцем поверх щита секутора. Но острие, лишь лязгнув о гладкий шлем, ушло в сторону, не причинив вреда. Теперь было ясно, почему Дживс-ретиарий опасался именно этого противника. Что-то мне подсказывало, что также безболезненно секутор перенесет и попытку Дживса зацепить шлем сетью. Что ж, пришло время внести свою лепту.

Я, сделав угрожающее движение в сторону гопломаха, отпрыгнул в сторону, оказавшись ближе к двум его товарищам. Парировав мечом выпад самнита, нанес удар скиссором в незащищенный бок секутора. Тот успел отпрыгнуть в сторону, но недостаточно быстро, так что на песок арены пролилась первая кровь. Публика, взревев, повскакивала с мест, требуя продолжения кровавого пиршества.

Я погнался за секутором, краем глаза заметив, как Дживс, сбив сетью с ног самнита, в прыжке бьет трезубцем в центр щита гопломаха, отбрасывая того на песок.

Секутор, остановившись, обернулся ко мне, прикрылся щитом, из-под которого, как змеиное жало, ударил клинок. Я поднырнул под руку и…

* * *

Жар песка и яркий свет солнца резко сменились холодом и тьмой. Я висел в пространстве между всем и ничем, не понимая, где оказался, ощущая лишь страх от столь внезапных перемен. В ушах отдавался шум от прилива крови к голове. Вспомнились первые мгновения пробуждения в недрах вирт-системы «Церебрума». Сейчас я испытывал сходные чувства: ни звука, ни молекулы света, невозможность на что-либо опереться, чувство невесомости. Лишь через пару мгновений пришло осознание, что мое тело упрятано в гидрокостюм, а сам я медленно дрейфую где-то под водой. Впрочем, на этот раз с экипировкой все было не

столь сложно, как с кольчугой или непонятным приспособлением для мясников, именуемым скиссором. Я был облачен в стандартный «Тритон», костюм, использовавшийся «морскими котиками» лет пятьдесят назад. Судя по индикатору глубины, табло которого, стоило щелкнуть по нему пальцем, засветилось тусклым фосфоресцирующим светом, надо мной было около сорока метров воды. Но почему же тогда так темно?

Я включил налобный фонарь и вопросы отпали сами собой. Я находился в длинном узком каменном туннеле, метров через десять плавно уходящем влево.

– Петр, вы здесь? – раздался в ухе голос Дживса.

– Здесь, где бы это ни было, – отозвался я. Плотно облегавший голову шлем с фильтрами для дыхания не давал и рта раскрыть, но звуковые датчики считывали малейшие колебания с голосовых мышц. – Что происходит? Сначала эта арена с потными парнями в железе, теперь – какие-то подводные пещеры.

– Я ведь говорил: ваше сознание приспосабливается к столкновению с кодонами. Их было три, значит, скорее всего, вас ждет еще одно изменение окружающего мира.

– Просто замечательно. Надеюсь, это не будет какое-нибудь жерло вулкана или лунный кратер. А ты сам, кстати, где?

– Я в туннеле, он идет параллельно вашему. Включите эхолокацию.

Потратив секунд десять на раскопки в памяти, я нашел нужную кнопку, нажал и на щитке тактик-забрала, в радиусе пятисот метров, отобразилась схема окружающих меня пещерных ходов. Параллельно моему действительно шел другой туннель. Метрах в двухстах оба выходили в пещеру, очертания которой терялись за пределами возможностей эхолота.

– Думаю, наши противники где-то в пещере, – сказал Дживс. – Давайте встретимся там, но действуйте очень осторожно.

– Вот уж где, где, а здесь меня можешь не учить, – усмехнулся я и плавно двинулся вперед, с каждой секундой восстанавливая навыки полувековой давности.

«Тритон» был отличным костюмом, одним из первых, оснащенный искусственными жабрами, добывающими растворенный в воде кислород. Так что давний кошмар дайверов – внезапно опустевший дыхательный баллон, владельцу «Тритона» не грозил.

Обретая, с каждым преодоленным метром, уверенность и былую отточенность движений, я двигался по туннелю, попутно тестируя различные полезные приспособления костюма, вроде инфралинз шлема или небольших водометов, закрепленных на

щиколотках.

– Раз уж нас ждут в пещере плохие парни, предлагаю выключить свет и перейти на инфразрение и эхолокацию, – предложил я Дживсу.

– Я так сразу и поступил, – отозвался он. В его голосе послышались смешливые нотки.

– А в *го* ты все равно Окадо проигрываешь, – проворчал я.

– Внимание, выход из пещеры.

Туннель закончился и я выплыл в громадную пещеру – границы ее полностью не были видны, но на карте отчетливо обозначились десятки сталактитов и сталагмитов, тянущихся друг к другу, словно клыки в пасти зверя.

– Фиксирую инфраотпечатки, – Дживс передал на мой сканер отмеченную им локацию. В трехстах метрах от нас, выше и левее, виднелись три раскрашенные цветом фигурки.

– Теперь поступим по-другому. Я беру на себя двоих, а ты – оставшегося.

Не дожидаясь возражений, я устремился вверх, стараясь держаться за толстыми, в два-три обхвата, столбами сталактитов. Дживс начал смещаться в сторону, так, чтобы оказаться за спинами целей. Фигурки на карте замигали и сузились: наши оппоненты включили раскиданные по поверхности гидрокостюма небольшие емкости с углекислым газом. В обычном состоянии он и так пропускал минимальное количество тепла, теперь же противники почти полностью исчезли из поля обозрения. Я последовал их примеру и, включив распылители газа, начал подъем к потолку. Вдруг неподалеку мелькнуло расплывчатое пятно и через мгновение я ощутил колебание воды возле правого плеча: видно, противник использовал одну из разновидностей подводного автомата. Я вильнул в сторону, чуть вниз, увеличил выхлоп газа, полностью скрывшись с инфравизоров, и, сбросив часть балласта с грузового пояса, чтобы ускорить подъем, снова устремился вверх. Стремительно поднявшись к потолку пещеры, скользнул в узкий желоб, идущий по поверхности. Теперь я был полностью невидим для врагов. Космическая тишина, царящая вокруг, ошеломляла не хуже, чем рев толпы на арене.

Я проплыл по желобу метров пятьдесят, прежде чем на инфравизоре вспыхнули два еле видных цветных пятнышка. Я был прямо над ними. Активировав распылители углекислоты, я перевернулся, оттолкнулся от холодного камня и бесшумной тенью устремился вниз, выставив руки перед собой. На полпути до целей запустил водометы, продолжив безмолвное падение. За несколько секунд до удара правая рука потянулась к предплечью левой и вытащила из ножен титановый «ТиРэкс», закрепленный

рукоятью вниз: тело само, на уровне рефлексов, реагировало на предстоящую схватку. Внутри, горяча кровь, пробежала адреналиновая волна, мимо пронеслось почти невидимое в воде тело и я полоснул клинком по вздувающимся крыльями на его спине искусственным жабрам – мешку из нескольких слоев молекулярной ткани, пропитанных графено-платиновым гелем. Теперь воздуха у моей жертвы оставалось максимум на пару минут.

Я отклонился чуть влево и развернулся, так, чтобы второй противник был выше и чуть впереди. Судя по траектории его движения, он пытался удрать. Снова запустив водометы, я рванул на перехват и…

* * *

– Это было весьма впечатляюще.

– Что именно?

– Ваша атака тех двоих.

– Просто делал свою работу. И доделал бы ее, если б не эти чертовы качели.

Я разглядывал приборную доску перед собой, разделенную на два сенсорных экрана, снова ощущая на голове шлем, а у лица – кислородную маску. Только в этот раз я был не под водой. Пресловутая визуализация закинула меня с глубины сорок метров на несколько километров выше, в кабину самолета, судя по всему, имеющего исключительно военное назначение. Поскольку опыт управления воздушным транспортом у меня был минимален – несколько легких спортивных моделей, которыми я одно время увлекался лет тридцать назад – приходилось сидеть в ожидании озарения, пока необходимая информация сама не появится в голове.

Буквально через несколько секунд так и произошло и я уважительно присвистнул. Оказывается, я сидел в кокпите истребителя F-35B «Молния», созданного в начале нынешнего века и долгое время бывшего «рабочей лошадкой» Корпуса морской пехоты. Именно такие обеспечивали в 2017-м воздушную поддержку разработанной мной операции «Расколотое небо», когда за девять минут были уничтожены иранский завод по производству оружейного плутония и пять прикрывающих его от атаки с воздуха комплексов ПВО.

Я положил ладони на рукоятки «джойстиков» управления, расположенных по бокам кресла, покачал крыльями. Самолет откликался на малейшее движение, будто был моим

продолжением. Судя по альтмометру, сейчас я летел на высоте восьми километров выше уровня моря, хотя, как свидетельствовали нежданно возникшие в голове сведения, обычно «Молнии» действовали на высотах десять-пятнадцать километров. Впрочем, F-35 был многоцелевым истребителем, созданным для завоевания господства в воздухе и способным действовать как по воздушным, так по наземным целям, взлетая с любых аэродромов и даже с палубы авианосца.

Я включил опцию обзора и кабина истребителя стала прозрачной. Конечно, не в прямом смысле слова. Системы целеуказания и индикации передавали всю информацию об окружающем пространстве на забрало шлема, так что я вполне мог представить, что лечу в небе сам по себе, словно супермен из старых комиксов: чтобы увидеть, что происходит сбоку или сверху от самолета, было достаточно просто повернуть или поднять голову.

– Привет, Дживс, – я снова покачал крыльями, обнаружив «Молнию» Дживса справа и чуть позади меня. – Истребитель – гораздо интереснее потных мужиков в кольчугах, не находишь?

– Возможно. Только гладиаторы могли вас ранить и вы все равно остались бы в живых. А если вас зацепит ракетой, боюсь, все будет кончено.

– Кстати, пора бы нашим противникам проявиться. – Я ткнул в сенсорный экран и, выведя на дисплей карту, обнаружил, что мы летим со скоростью около девятисот километров в час не над чем-нибудь, а над Кордильерами, а если точнее, то над Скалистыми горами.

– Ух ты. Кажется, я узнаю гору Маккензи. Всегда мечтал полетать в этих местах. Помнится, в Корпусе говорили, что где-то здесь тренировались наши пилоты…

– Контакт. Три цели на одиннадцать часов, – прервал Дживс вечер воспоминаний.

Я и сам уже увидел высвеченные на дисплее три хищных силуэта. Через пару секунд бортовая РЛС опознала в них «Тайфуны» – основной истребитель союза европейских стран начала века, один из соперников «Молнии» того времени.

– Как думаешь, они нас засекли? – спросил я. В момент обнаружения противники находились в двухстах километрах от нас. Учитывая, что РЛС «Тайфунов» чуть уступали возможностям «Молнии», мы вполне могли оставаться для них невидимками еще минуту или около.

– Их скорость не изменилась, – размышлял Дживс. – Возможно, что еще нет.

– Давай-ка проверим. – Я «свалился» на правое крыло,

развернулся и мы, добавив мощности двигателей, начали уходить из зоны потенциальной видимости противников. Когда отметки целей пропали с экранов, мы начали потихоньку смещаться вправо, рисуя в небе гигантский круг с радиусом в триста километров, чтобы в конце концов оказаться «за спиной» «Тайфунов».

Завершив разворот, мы поднялись до двенадцати километров, выше облаков, «барашки» которых ветер гнал к западной оконечности Скалистых гор.

– Йехху, – не сдержался я от восторженного вопля, когда на экране снова высветились силуэты целей, маркированные системой слежения как «Бандит-1», «Бандит-2» и «Бандит-3». Противник действительно не заметил нас, продолжая двигаться на крейсерской скорости и прощупывая радарами пространство перед собой.

– Ну что, зайдем в хвост и ударим по двум «бандитам»? – предложил я.

– Возможно, имеет смысл сосредоточить огонь на одном? – засомневался Дживс. – В этом случае у него не будет шансов уйти от ракет.

– Да брось ты. Нужно использовать эффект неожиданности по максимуму, – стоял я на своем. – Возможности убрать сразу двоих больше не будет.

– Хорошо, – согласился наконец мой ведомый. – Я беру «Бандита-2».

– Отлично. А я тогда «Бандита-3», – силуэты на сенсорной панели изменили цвета, фиксируя цель «Молнии». – Режим радиомолчания. Атака на ста пятидесяти. Вперед на двух третях.

Увеличив скорость до тысячи трехсот, в безмолвии мы рванули вперед, словно кречеты, камнем падающие на ничего не подозревающих зайцев. «Тайфуны», как и «Молнии», активно сканировали пространство перед собой, в пределах полусферы с азимутом около двухсот шестидесяти градусов. Задняя полусфера была отдана на откуп датчикам пассивного наблюдения, фиксирующим облучение истребителя средствами РЛС или системой наведения ракет. Так что, чем ближе мы подберемся к противнику перед ударом, тем меньше времени останется у вражеских пилотов на реакцию.

Мы пересекли условную линию в сто восемьдесят километров – предел дальности для наших Sidewinder[71] и ASRAAM[72], и я поставил ракеты на боевой взвод, дожидаясь отметки в сто пятьдесят километров.

Дождавшись тонкого писка системы наведения, вжал до упора активаторы пуска. Мой «бандит» на экране снова сменил

цвет, налившись алым, как насосавшийся кровью комар, и из-под крыльев «Молнии» двумя огненными хвостами вырвались по одной Sidewinder и ASRAAM. Хотелось бы больше, но, к сожалению, большим боезапасом F-35 похвастаться не могли, так что ракеты приходилось беречь.

Вражеские пилоты все еще не чувствовали нависший над ними дамоклов меч: ракеты пока что шли по лучу бортового радара. Активацию собственных систем наведения ракет мы с Дживсом могли наблюдать воочию: только что спокойно идущие на крейсерской скорости чуть ниже облаков, «Тайфуны» внезапно разлетелись в стороны, словно стайка вспугнутых голубей. Я почти ощущал шок пилотов от внезапно запищавшей гнусным писком системы оповещения о ракетной атаке.

Ракеты, «вцепившись» каждая в «свой» источник тепла, неслись за двумя «Тайфунами». Их пилоты, включив все средства РЭБ, что были в их распоряжении, и совершая головоломные трюки, пытались сбросить с хвостов несущуюся за ними смерть.

Моему «бандиту» удалось обмануть Sidewinder, но ASRAAM нагнала его и взорвалась прямо позади двигателя. В ожидании результата я затаил дыхание и…

* * *

…я отбил удар и сам перешел в атаку. Секутор снова прикрылся щитом, но я, зацепив скиссором за край щита, рванул его в сторону и ударил мечом в открывшуюся щель. Тот успел отскочить, но на боку остался кровавый разрез.

Воспользовавшись его временным бегством, я в два прыжка оказался за спиной гопломаха, который, в компании самнита, теснил Дживса к стене. Самнит хромал от рваной раны на ноге, выше колена, полученной от одного из зубьев трезубца. Но и Дживс тяжело дышал, а с левого предплечья стекала густая кровь.

Предупрежденный криком самнита, гопломах обернулся и вовремя подставил щит, загудевший от моего удара, словно колокол. Я ударил скиссором вниз и острый полумесяц, разрубив стеганые штаны выше колена и задев ногу, скрежетнул о ножную пластину. Услышав предостерегающий крик Дживса я, не раздумывая, упал на левый бок и перекатился по песку в сторону, уходя из-под удара самнита. Вскочив, я оказался перед секутором, который, не долго думая, прикрывшись щитом, ударил меня всем телом. Я отлетел назад, проехал на спине по песку, кувыркнулся через голову и вскочил с ощущением, что чего-то не хватает. Через мгновение я осознал, что правая рука свободна от рукояти

меча, а ещё через одно увидел клинок в паре метров от себя.

Я метнулся к нему, но на меня с устрашающим воплем, прихрамывая, устремился самнит. Его вопль слился с предсмертным хрипом гопломаха, который запутался в сетке Дживса и получил удар трезубцем в грудь. Секутор, воспользовавшись произошедшей неразберихой, кинулся на Дживса, так что тот, не успевая освободить сеть, обрубил удерживавшую ее у запястья веревку и перехватил двумя руками единственное оставшееся у него оружие – трезубец.

Отбиваясь одним скиссором, я отступал перед напором самнита, одновременно сдвигаясь чуть вправо, так, что через минуту оказался в двух шагах от тела гопломаха. Я нанес широкий рубящий удар, заставив врага отпрянуть, упал на песок, перекатился и встал на ноги уже с мечом мертвеца.

Самнит, будто не заметив, что я во всеоружии, пер на меня почище бульдозера. Я еле успевал отбиваться, выжидая, пока тот выдохнется: должна же была дать о себе знать рана на ноге. Краем глаза я видел, как орудует трезубцем Дживс: от его мощных ударов щит секутора треснул и держался на честном слове. Зрители на скамьях ревели от восторга, а кровь бойцов только добавляла неистовства.

Улучив момент, я ударил мечом над щитом, заставив самнита отступить, упал и полоснул скиссором прямо по ногам, почти перерубив левую, не защищенную поножами щиколотку. Завопив от боли, самнит упал, да только так неудачно, что щит оказался прямо перед ним и мой «смертельный» удар пришелся как раз посередине. Но хуже было то, что меч, пробив слой кожи, глубоко вошел в доски, составляющие основу щита. Так что я оказался лежащим у ног противника, без меча и со скиссором, прижатым к песку собственным телом. С торжествующим кличем, самнит отбросил в сторону щит и, стоя на колене, занес меч для удара.

Я закрыл глаза, зрители взревели, но я все еще был жив. Я открыл глаза и увидел удивленное лицо самнита, так и застывшего с поднятой рукой. Затем, покачнувшись, он медленно рухнул возле меня и я увидел, что у него из спины торчит трезубец: это Дживс, увидев, что я попал в смертельную ловушку, использовал его в качестве метательного оружия. Вслед за вздохом облегчения до меня дошло, что сам Дживс оказался безоружным.

Я привстал на колено и увидел, как он прикрывается щитом, видимо, подобранным у тела гопломаха, а на него наступает секутор.

– Нет! – выкрикнул я, подхватил меч самнита – уже третий за

сегодня, вскочил на ноги и…

* * *

…я скользил между сталактитами, высматривая цветные пятнышки на инфравизоре. Мимо проплыло, кажется, в третий раз, тело – жертва моей недавней атаки.

– Ты кого-нибудь видишь? – спросил я.

– Пока что нет, – ответил Дживс. – Думаю, они где-то за сталактитами.

– Либо спустились вниз, к сталагмитам, – предположил я. – Давай проверим участок на три часа.

Мы начали сдвигаться вправо, по широкому кругу, исследуя встреченные закоулки из каменных наростов. Я, было, уже убедился в том, что враги ушли ближе ко дну пещеру, когда, обогнув очередной каменный столб, мне в лицо ударил луч света. Не рассуждая, я рванул в сторону и это меня спасло: мимо промелькнула черная фигура, блеснула сталь клинка.

Я включил налобный фонарь и развернулся. Конусовидный луч света выхватил из мрака противника, уже развернувшегося и опять стремительно приближающегося. Я поднырнул под него, перевернулся, вытащил нож и попытался ударить снизу.

В безмолвии мы кружились один вокруг другого, слепя друг друга светом фонарей и пытаясь улучить момент для удара. Автоматическое оружие, видимо, было только у моей первой жертвы, так что в некотором смысле я сейчас не сильно ушел от гладиаторов античности.

Краем глаза я выхватывал всполохи света справа от меня – там Дживс сошелся в схватке со вторым противником. Мало-помалу наша сплетенная в странном подводном танце пара смещалась ближе ко второй двойке, пока, наконец, под пересекающимися лучами четырех фонарей в громадной подводной пещере не затанцевали все четверо: сторонний наблюдатель, окажись он здесь, вполне мог бы принять нас за резвящихся дельфинов.

Движение вверх, движение вниз, поворот вправо, уход влево – каждый пытался выиграть позицию для удара. Где низ, где верх – давно уже было не понять.

Правую руку, чуть ниже локтя, обожгло. Тревожно замигал сенсор, контролирующий жизненно важные параметры организма: кто-то из врагов умудрился задеть меня. Впрочем, удар был не смертельным и даже не очень опасным: самовосстанавливающаяся ткань костюма сразу затянула разрез, в

тело впрыснут особый коктейль, замедляющий ток крови, а боль от пореза притуплялась окружающим холодом воды.

Тем не менее, пропущенный удар подействовал на меня, как хорошая порция адреналина. Разозлившись и в то же время оставаясь с ясной головой, я ускорил нанизывание петель вокруг врагов, стараясь, чтобы они совсем потеряли ориентацию в пространстве. В конце концов мне удалось полоснуть одного из них ножом чуть выше колена. Он замедлился, я рванулся к нему, сделал ложное движение к поясу, но на самом деле ударил тяжелой рукояткой ножа в смотровое стекло. По стеклу побежала тонкая трещинка, через мгновение взорвавшаяся осколками. Ворвавшаяся под маску вода не представляла угрозы для жизни, но на пару мгновений ошеломила противника, чего мне хватило, чтобы воткнуть нож ему в горло.

Луч света выхватил красное облачко посреди чернильной тьмы, а затем я каким-то шестым чувством ощутил движение за спиной. Я успел лишь извернуться и увидеть, как на меня несется последний из врагов. Он был уже буквально в паре метров, когда сверху вниз, наискось, ему на перерез бросился третий участник уравнения – Дживс.

– Нет! – выкрикнул я и попытался оттолкнуть его в сторону, но…

* * *

…– уходим ниже, к горам. Заставим их хорошенько попотеть.

– Попробую, но у меня неполадки с двигателем, – отозвался Дживс. – Тяга то падает, то восстанавливается.

– Давай первым, я прикрою.

Подчиняясь легчайшим касаниям рук, истребитель наклонил нос и устремился вниз, туда, где коричневыми холмиками виднелись Скалистые горы. Где-то там догорали обломки «Бандита-3», который не ушел от моей ASRAAM. Дживсу повезло меньше – удача или мастерство его противника оказались выше моего, так что ракеты, в конце концов, сбились с курса и ушли в сторону. Два оставшихся «Тайфуна», развернувшись и соединившись, нанесли ответный удар, но запустили ракеты немного раньше, чем это сделал бы я, дав средствам РЭБ «Молний» достаточно времени для подготовки.

Следующие десять минут прошли в непрерывной круговерти на высоте от десяти до двенадцати километров. Каждая из пар старалась получить преимущество, заняв господствующую высоту или зайдя в хвост противникам, для нанесения смертельного

удара. В борьбе за позиционное превосходство мы обменялись ракетными уколами, не принесшими результатов, оставшись, в конце концов, лишь с оружием ближнего боя: авиационными пушками. Я посчитал, что наши шансы будут выше, если мы заставим «Тайфуны» спуститься в теснины Скалистых гор.

«Молния» Дживса падала вниз, я шел чуть выше, контролируя действия «бандитов». Те, без особых раздумий, устремились за нами.

Спустившись до километра, мы понеслись по ущельям, между поднимающихся с обеих сторон гор. «Тайфуны», поначалу, шли выше, пытаясь нас выцелить и ударить сверху, как сова зайца, несущегося по полю. Однако, убедившись, что мы не намерены давать им время для нацеливания, все время петляя, противники решили принять бой на наших условиях и спустились ниже, сев нам на хвост. Я запустил расчет алгоритма по заранее установленным параметрам: на сенсорной панели появилась алая линия маршрута, рассчитанного навигатором.

– Расходимся, – я резко ушел вправо, Дживс – влево, заставив противника выбирать приоритетную цель. Впрочем, те поступили предсказуемо, разделившись. Теперь я, преследуемый одним из «бандитов», летел своим курсом, а Дживс – своим.

Несясь по узким ущельям со скоростью в тысячу километров в час, я выжимал из двигателя все, что мог и даже больше, пытаясь выиграть те двадцать секунд, что мне вскоре понадобятся. Преследователь потихоньку отставал.

Наконец, я достиг финальной точки проложенного бортовым компьютером маршрута – пятачка диаметром в несколько сот метров, разрезаемого несколькими проходами. Я резко ушел вправо и устремился вперед по практически идеальной каменной аэротрубе, плавно переходившей в круг.

Через восемнадцать секунд я оказался на том же пятачке, где начал разворот, только теперь носом к противнику, готовый встретить его появление хорошей порцией снарядов из четырехствольной 25-мм GAU-22/A.

Вот только «бандита» в расчетное время на месте не оказалось. Внутри только рождалось удивление, как взвыла система предупреждения: вражеский пилот просчитал мои тактические потуги и, то ли уйдя в другой проход, то ли поднявшись из горных теснин выше, оказался у меня за спиной.

Я резко задрал нос «Молнии» вверх, уже понимая, что не успеваю и чувствуя всем телом приближающуюся смерть. Прогрохотала 27-мм «Маузер» «Тайфуна», выплюнув порцию из пяти снарядов, я сжался в кресле, но вместо того, чтобы разлететься на куски, «Молния» взмыла вверх.

А на сенсорной панели было видно как внизу разваливается на части другой самолет. Непонятным образом Дживс успел вклиниться между мной и преследователем, приняв на себя смертельные выстрелы.

– Нет! – выкрикнул я, вцепившись в рычаги управления и уходя в «мертвую петлю». Горизонт опрокинулся и…

* * *

…я не успел буквально на секунды. Секутор, бросив щит в лицо Дживса и заставив его поднять свой, вонзил меч по рукоять прямо в живот, чуть выше пояса. Дживс издал крик боли, но враг торжествовал недолго. Секутор даже не успел выдернуть меч из тела, как я налетел на него сбоку и с яростными криками стал полосовать поочередно мечом и скиссором. В стороны полетели сгустки крови, секутор, развернувшись ко мне, упал на колени и мой последний удар отточенным полумесяцем почти отделил его голову от шеи.

– Убей! Убей! Убей! – ревели зрители. Зрение изменяло мне: казалось, что на скамьях сидят не люди, а какие-то животные – то ли гориллы, то ли неведомый науке биологический вид.

Весь в крови – своей и чужой, я опустился на колени перед умирающим Дживсом, взял его за руку…

* * *

…Дживс и последний из противников сцепились в смертельной схватке, пытаясь достать друг друга ножами. Луч фонаря выхватывал из чернильной тьмы то одного, то другого. Обоих затягивало в мутное красное облачко, постепенно приобретавшее все более насыщенный пурпурный цвет. В этой круговерти невозможно было понять, где Дживс, а где его соперник. Наконец, улучив-таки момент, я всадил клинок в бок противника, под ребро.

Схватка прекратилась: и Дживс, и его враг больше не двигались, но так и не расцепились, обнимая друг друга крепче верных любовников и медленно вращаясь, словно в невесомости.

– Дживс! Дживс! Как же так? – бессвязно повторял я, пытаясь высвободить его из смертельных объятий…

* * *

…мелькнуло голубое небо, перегрузки вдавили тело в кресло, ремни безопасности заскрипели от навалившейся тяжести. Яркий шарик солнца метнулся шаровой молнией перед глазами и вот я уже снова в тесном ущелье, только передо мной, наконец, виден хвост «Тайфуна»: завершив мертвую петлю я оказался позади него и не размышляя вдавил активаторы пушки на гашетке.

Истребитель затрясся мелкой злорадной дрожью и на месте «Тайфуна» передо мной вспухло огненное облако взрыва.

Сенсорная панель, на которую передавались данные РЛС, была девственно чистой, демонстрируя отсутствие каких-либо воздушных целей. Своим самопожертвованием Дживс оказал мне две услуги. Во-первых, прикрыл от пушки «Тайфуна», пилота которого я так неудачно пытался перехитрить. Во-вторых, преследователю Дживса, не успевшему среагировать на его самоубийственный маневр, не хватило времени на отворот, так что он на скорости в восемьсот километров в час встретился с каменной стеной пятачка, на котором разыгрались финальные аккорды нашей схватки.

Задрав нос истребителя чуть ли не на девяносто градусов, я бездумно несся вперед и вверх, стремительно приближаясь к той невидимой границе, где двигатели «Молнии» заглохнут и…

43

– Дживс! Ты где?

Если мои цифровые синапсы не обманывали, я находился в системе «Церебрума» и впервые, за все время после операции, испытывал от этого лишь радость. Казалось, что наше с Дживсом противостояние с боевыми программами, пущенными Питером по мою душу, будет длиться вечно.

Вокруг меня, куда только мог дотянуться взгляд, плавали разных форм, размеров и цветов куски материи, сотканной из непонятной субстанции. Края большинства из них выглядели обожженными, изредка по ним пробегали искры или язычки пламени. Некоторые съеживались на глазах, беззвучно тая и пропадая в неведомых слоях цифрового мира.

– Это останки кодонов, – услышал я голос Дживса.

– Дживс?! Ты жив? Где ты? Я тебя не вижу, – я завертелся на месте, пытаясь увидеть золотую сферу.

– Я на четыре часа от вас.

Воссоздав в голове образ циферблата часов, я присмотрелся в направлении, указанном Дживсом и ахнул:

– Господи, что с тобой?!

Я подлетел ближе и наконец смог видеть Дживса целиком. Вернее, то, что от него осталось. Вместо когда-то золотой сферы передо мной, содрогаясь в вызывающих омерзение корчах, висело нечто, похожее на порванный в десятке мест мяч, каким он бывает после встречи с зубами молодого игривого пса.

Обвисшая искромсанная оболочка была тускло-коричневого цвета и от нее безостановочно отлетали, откалывались, осыпались цифры и символы. Словно припозднившееся осеннее дерево лихорадочно сбрасывало летнюю листву. Общее впечатление можно было выразить двумя словами: Дживс умирал.

– Наверно, именно это называется у вас, людей, смертью, – подтвердил он мою догадку. – Мой программный кодон распадается.

– Неужели тебе нельзя помочь? Скажи, что надо сделать – я сделаю. – Чувствуя охватывающее меня отчаяние, я наблюдал за медленным уходом Дживса. Я понимал, что это – всего лишь программа, но за время, прошедшее с того момента, как я услышал «*Добро пожаловать в Скайленд*», очнувшись в системе «Церебрума», казалось, прошли года, за которые Дживс стал мне ближе иных друзей, бескорыстно помогая и следуя повсюду за мной. А когда было нужно – встал на защиту и прикрыл собственным цифровым телом.

– Нет, – в голоса Дживса не ощущалось эмоций, разве что речь была немного заторможенной. – Создатель мог бы помочь… наверное. Но я так и не смог с ним связаться. Вы передадите ему, что я хорошо выполнил свою задачу? Все-таки я противостоял трем кодонам сразу…вернее, мы противостояли.

– Ты, – сказал я. – Все сделал ты. Ты спас меня. Я обязательно передам Чену, что мой друг Дживс сражался за меня до последнего.

– Друг? Вы назвали меня другом?

– Ты не ослышался.

– До сих пор меня называла другом только Амели, – в замедленном голосе послышались мечтательные нотки. – Я думаю, это приятно – иметь друзей. Жаль, что у меня больше не будет времени подумать над этим…

Дживс замолк, а мне оставалось лишь наблюдать, как его цифровое тело медленно покидает жизнь. Остатки оболочки на глазах развеивались информационным туманом, истаивая, словно кусок сахара в чашке чая.

– До свидания, Питер. Был рад познакомиться с ва… – голос Дживса прервался, как будто кто-то выключил старую заезженную пластинку. Последние символы сухим песком рассеялись в пространстве.

Я остался один.

Не знаю, как долго я пребывал в каком-то странном оцепенении, дрейфуя возле невидимой могилы Дживса, снова и снова прокручивая внутри перипетии столкновения с боевыми вирусами, в попытках поиска ответа на вопрос – смог бы я предотвратить его смерть? По всему выходило, что только ценой собственной жизни.

Что ж, в конце концов, Дживс и был создан для того, чтобы однажды, если понадобится, обменять свою виртуальную жизнь на благополучие клиентов «Церебрума». Мне будет не хватать его, но я знал, по крайней мере, что могу сделать для его памяти. И для собственной безопасности. Питер позволил мне выжить. Я такой ошибки не допущу.

Вернувшись к активному существованию, я сразу же обнаружил, что мои способности, помогающие выживать в окружающем цифровом мире, снова выросли. Теперь, не сходя с места, я мог окинуть внутренним взором всю вирт-систему «Церебрума». И мало того: я мог видеть любые населяющие ее информационные объекты: от серверов с базами данных, до линий связи, обеспечивающих обмен информацией между ними.

Я сразу выделил десяток объектов, увиденных впервые: огненные сгустки, формой напоминающие громадные

наконечники копий, широкой сетью медленно двигались по системе. Даже не расстоянии я ощутил исходившую от них угрозу. Пока я следил за пришельцами, они вдруг задрожали и через несколько секунд я наблюдал уже двадцать наконечников. Судя по всему, кодон относился к самовоспроизводящим программам, грозя со временем полностью забить все пространство системы, рано или поздно обнаружив мое существование. Видимо, не уверенный в моем уничтожении, Питер запустил этот необычный кодон в попытке точно ответить на вопрос – жив я или нет.

В таком случае следует поторопиться. Я дернул за ниточку, связывающую меня с затерянным на просторах Гипернета «цифровым сейфом» – сверхсекретным хранилищем информации, защищенным не хуже кодов запуска ядерного арсенала Штатов или Федерации. Доступ к сейфу имели единицы. Ночью, благодаря Гранжану, к ним присоединился и я, оправдывая древнюю поговорку: осёл, нагруженный золотом, возьмет любую крепость. В моем случае, правда, понадобился бы слон. Наблюдая за ищейками Питера, я перебирал хранящиеся в арсеналах японских спецслужб досье, пока не нашел то, что мне было нужно.

44

Если бы сотрудников отдела перспективных разработок токийского отделения «Japan armored systems» не вызвали на совещание к начальству…если бы кто-то из них задержался в лаборатории…если бы на сегодняшний вечер не были назначены испытания объекта под кодовым названием «Мамуши»[73], из-за чего объект был приведен в боевую готовность и снабжен источником питания и боеприпасами…любое событие складывается из множества «если бы».

Сложилось все и в этот раз, так что некому было увидеть, как лежавший на длинном лабораторном столе серый шар, размером с футбольный мяч, тускло блестевший в свете ламп, мягко загудел и вся поверхность его пришла в движение.

Сводная команда ведущих физиков и инженеров корпорации пять последних лет работала над совместным заказом Управления по надзору за благонадежностью и военной контрразведки Японии. И тем, и другим был необходим дрон-убийца, способный гарантированно добраться до цели и ликвидировать ее, вне зависимости от качества и количества охраны.

Результатом пятилетних усилий и стал «Мамуши» – вершина мысли современных средств лишения жизни ближнего своего. Материалом для тела дрона служил специально разработанный сплав из десятка аморфных металлов, на основе галлия, усиленный графеновыми нитями толщиной в паутину, исполнявшими заодно роль проводников электроразрядов, с помощью которых осуществлялось управление технокиллером.

Благодаря чудо-материалу, «Мамуши» мог трансформироваться в тысячи предметов и сотни тысяч конфигураций, преследуя лишь одну цель: преодолеть пространство, отделяющее его от объекта атаки. Начинка дрона, раскиданная по всему «телу», к любой детали которой смело можно было добавлять приставку нано-, была нацелена только на обеспечение этой цели. Создатели «Мамуши» оснастили свое детище всеми мыслимыми и немыслимыми приспособлениями, гарантирующими его проникновение через любые, существующие в современном мире, электронные системы наблюдения. В результате, на вооружение места практически не осталось, но заказчики были довольны: в конце концов, одна смертельная пуля ничем не хуже ста, а дрон был способен нести целых три. Другой отдел корпорации разработал для него специальные боеприпасы – все с разной начинкой, начиная от пули из карбида вольфрама

или обедненного урана, и заканчивая ампулой с ядом или горючей смесью.

Сейчас в управляющий дроном интел, размером со спичечную головку, в рамках испытательного теста поступили данные о цели и задача – ликвидация. Затратив десять минут на предварительный сбор информации и разработку алгоритма действий, интел активировал образец.

Шар закончил трансформацию и теперь на столе лежал аппарат, в котором любой школьник опознал бы почтового дрона Yangl – линзовидное тело, опирающееся на перекрестье из двух трубок, на концах которых установлены пропеллеры. Для того же, чей интеллект не достиг даже таких высот, на нижней поверхности дрона красовалось фирменное наименование компании. Энергопитание «Мамуши» обеспечивали десяток литий-воздушных батарей, так что при общем весе в два килограмма он имел внушительные запасы энергии.

Взлетев, дрон приблизился к вентиляционной решетке, из его тела вытянулись две полоски, трансформируясь на ходу в отвертки, и через несколько секунд все болты, удерживающие решетку, были изъяты. Два холмика, выросшие из дрона, превратились в присоски и не позволили ей с грохотом упасть. Опустив аккуратно решетку на пол, «Мамуши» проник в вентиляционный ход и начал путешествие вверх, чтобы через десять минут, повторив операцию, оказаться на крыше здания. Оттуда он взлетел в воздух и на высоте в двести метров затерялся в стае ничем не отличимых от него аппаратов – почтовые дроны Yangl ежедневно сотнями летали над столичным мегаполисом, так что сейчас убийца был незаметен для любого наблюдателя так же, как опавший желтый лист в осеннем лесу.

Пока дрон преодолевал шестьдесят километров, отделяющих точку назначения от здания корпорации, интел продолжал собирать и анализировать данные о цели, дорабатывая планы. От него не ускользнули новости о ночной ракетной атаке на объект, так что вывод напрашивался сам собой: приближаться к цели по воздуху – опасно.

Подчиняясь приказам, дрон снизился, не долетев почти три километра до объекта, и приземлился в глухом переулке, заставленном контейнерами с мусором. В нескольких метрах от них виднелась решетка, закрывающая вход в городскую канализацию. Вырастив вместо пропеллеров шаровые колеса, дрон двинулся к решетке, продолжая на ходу трансформацию.

– Эй, а это еще что?!

Превратившийся к этому моменту в нечто вроде полусферы на колесиках, утыканной штырьками-антеннами, технокиллер

замер, а его цифровой мозг усиленно заработал, анализируя непредвиденную ситуацию. Оказалось, что под мусорной кучей, окружавшей один из баков, нашел себе пристанище скромный боец многочисленной армии бездомных, в поношенных брюках и дырявом пиджаке на голое тело – благо погода пока что позволяла. Проснувшись в самый неподходящий для «Мамуши» момент, сейчас он с интересом, наклонившись и упершись руками в колени, разглядывал находку.

Через пять секунд перебора вариантов интел принял решение. Часть полусферы вдруг на миг стала прозрачной, как кусок льда, а затем из глубины всплыли искорки золота, бирюзы, лазури… Стороннему наблюдателю легко было решить, что поверхность непонятного предмета усыпала россыпь драгоценных камней. Не избежал этой мысли и бродяга.

– Мать моя женщина! – он протянул руки и, взяв дрона в руки, поднес его ближе к лицу, разглядывая. – Неужели изумруд? – пробормотал озадаченно японец и попытался ковырнуть предполагаемый камень грязным отросшим ногтем.

Все произошло стремительно. Один из штырьков, мгновенно удлинившись, вошел аккурат в белесый, усеянный кровавыми прожилками похмельный глаз, проник дальше в мозг и через доли секунды его едва порозовевший кончик вышел с другой стороны головы. Так могла выглядеть спица, проткнувшая надутый шарик. Одновременно из тела дрона выстрелил десяток нитей, впившихся в губы, мгновенно сшив их надежней швейной машинки. Крик боли застрял у бродяги в горле, так и не родившись, и он с невнятным хрипом осел на асфальт.

Угнездившись на его груди, «Мамуши» подождал десять секунд, удостоверяясь, что свидетель ликвидирован, затем, трансформировавшись в шар, скатился вниз и покатился к решетке. Добравшись до нее, дрон вырастил нечто, похожее на миниатюрную циркулярную пилу и за минуту выпилил дыру, достаточную, чтобы туда протиснулось его шарообразное тело.

«Мамуши» катился по трубам, превращаясь в разнообразные сфероидные тела, в зависимости от диаметра очередного отверстия. По пути он привлек внимание нескольких крыс, но слабый разряд тока, полученный любопытными носами, отбил у подземных жителей охоту к дальнейшему знакомству.

Наконец, после часового путешествия дрон оказался под зданием: именно здесь размещался объект атаки. Все выходы из канализации оказались заблокированы, из-за чего интелу пришлось решать сложную задачу по энергообеспечению. В конце концов, используя уже испытанную циркулярную пилу, дрон вырезал круг в бетонном полу подвала и оказался внутри здания.

Энергию на полеты необходимо было сохранить для возвращения в лабораторию, так что, трансформировавшись в нечто, напоминающее громадного паука, и отрастив присоски на кончиках лап, «Мамуши» взобрался по стене, убрал очередную решетку и проник в систему вентиляции. Беззвучно перебирая лапками, дрон устремился вверх, к цели.

45

– И все же я не понимаю: если ваш двойник уничтожен, почему вы до сих пор не отключили «Фукусиму»? Ведь теперь у вас не должно быть разногласий с Гранжаном. Мы сможем все уладить и провести операцию повторно. Я лично прослежу за составом для эвтаназии.

– Акихиро, я ведь уже говорил, – терпеливо ответил я. – Пока я не буду уверен на сто процентов, что Петр ликвидирован, я не успокоюсь. Вот мои программы закончат поиск, – я посмотрел на таймер интела, – через тридцать две минуты, и тогда можно будет сказать точно.

Накадзава что-то проворчал под нос и затих. Я посмотрел на перечень данных о проверке вирт-системы, постепенно появляющихся на экране. Все три боевых кодона, запущенных мною в сеть, были уничтожены, но вместе с ними, как показывал анализ логов, была ликвидирована программа с неопределенным программным кодом и свойствами. Для того, чтобы убедиться, был ли это мой цифровой двойник или какая-то сторожевая программа, я и запустил «Множитель на ноль». Являясь поначалу простой программной единицей, нацеленной исключительно на поиск вражеских кодонов, со временем вирус начинал размножаться делением, подобно клеткам в организме, постепенно заполоняя все окружающее пространство. Остановить его можно было только командой на самораспад или контрпрограммой, которой Петр не располагал.

Так что оставалось лишь ждать, пока запущенный вирус не даст точный ответ на вопрос – действительно ли Петр уничтожен. Затем можно было выйти на связь с Гранжаном и запустить процесс отключения «Фукусимы». Заодно я перенастроил цифровых грызунов, уже сутки медленно, но верно подтачивающих фундамент системы «Церебрума», и дополнил их команду «Иллюзионом» и «Клеткой», исчерпав на этом свой виртуальный арсенал. Зато теперь, даже останься Петр в живых, у меня найдется на него управа.

От наблюдения за медленно тикающими процентами проверки меня отвлек спор между Накадзавой и Бомонт. Девушка что-то яростно выговаривала старику по-японски, тот огрызался короткими фразами.

– Не посвятите меня, мисс Бомонт, в суть вашего спора? – вмешался я в их перепалку. – Амели, очередной раз облив меня презрением, зло выплюнула:

– Вы убили Дживса!

– Что еще за Дживс?

– Это особая программа, – пояснил Акихиро. – Ее создал Чен-сан, специально для клиентов. Ее задачей было способствовать их адаптации в новом мире и оказание любой необходимой помощи. Замечательная вспомогательная платформа, не спорю, но не стоит преувеличивать ее значения, – кинул он недовольный взгляд на Амели.

– Дживс был моим другом, – снова вскипела бельгийка. – И уникальной программой, близкой к искусственному интеллекту. По-настоящему близкой.

– Осторожнее, Амели, – прищурился я. – Как бы ваши слова не дошли до чутких ушек комиссии по этике программных кодонов. – Значит, вы тут не только психику клиентов изучаете, но и поведение обычных программ? И как успехи?

– Дживс – не обычная программа, – буркнула Бомонт. – У него была необычная тяга к самопознанию и его кодон последние три года постоянно усовершенствовался Алексом. Не думаю, что у него получится восстановить его. Если бы я только знала…

– Знаю, знаю, – усмехнулся я. – Вы бы взяли вчера больничный и вас здесь не было. Что ж, в конце концов, мне кажется, за последние два дня вы получили богатый материал, наблюдая за мной и за Петром. Разве нет?

– Возможно, – Амели уставилась в пол и замолчала.

Я вернулся к интелу, наблюдая за размножением вируса. Не верилось, что еще десять минут – и я наконец оборву финальную ленточку, выиграв суточный забег, выигрышем в котором была моя жизнь.

Я взглянул на камеры внешнего обзора. С момента появления военной колонны прошло уже больше двух часов и сейчас по периметру комплекса цепью дисциплинированно выстроились фигурки в зеленом. Это было только первое из трех колец оцепления, так что ни журналист, ни случайный зевака прорваться сквозь них не имел никакой возможности. Большими грязно-зелеными жуками замерли «Страйкеры», изучая башенными пушками развороченный парк за оградой, которая, как ни странно, при налете практически не пострадала.

Видимо, армия курила в ожидании приказов от премьер-министра, но у того тоже пока что было тихо. Судя по перехватам, час назад началось экстренное совещание кабинета министров, но никаких вестей из Кантея[74] не приходило. Правда, порадовали новостями адвокаты: Верховный суд согласился принять, в порядке срочного рассмотрения, дело о моем споре с «Церебрумом». Впрочем, судя по палочкам в шкале проверки, все ближе подбирающимся к цифре сто, вмешательство японской

Фемиды, возможно, и не понадобится.

Вдруг спорщики за моей спиной замолчали, как обрезало, ойкнула Амели и мне почудился какой-то то ли стрекот, то ли тихое жужжание где-то под потолком.

– Можешь повернуться, если хочешь, но советую не делать резких движений, – прозвучал голос Петра. – А этот вирус, который сейчас размножается, пожалуй, выключи.

Вот тебе и сто процентов. Отключив «Множитель», я медленно повернулся в кресле, отчетливо скрипнувшем в повисшей в комнате тишине. Метрах в трех от меня с потолка, из вентиляционного отверстия, обычно скрытого решеткой, но сейчас зияющего пустотой, на тонкой нити, похожей на стальную паутинку, свешивалось омерзительного вида существо тускло-серого цвета. Оно состояло, казалось, из одних клешней, усиков и лапок, постоянно подергивающихся и трущихся друг о друга, издавая звуки, как бывает, когда проводишь тупым ножом по стеклу.

– Должен признать, моя любовь…наша с тобой любовь к громким эффектам меня подвела, – сказал Петр. – Я был не прав, ставя на уши весь Токио. Зато теперь никакого тебе спецназа, никаких ракет. Все будет тихо и пристойно. Это мой маленький помощник. Можешь звать его «Мамуши». Я подумываю заказать такой же нашему отделу специальных разработок.

– Хорошие игрушки подкинул тебе Гранжан, – сказал я, лихорадочно раздумывая над ситуацией. – Ты действительно думаешь, что он выполнит свои обещания, чтобы там он тебе не обещал? Что-то мне подсказывает, что возвратный перенос сознания в клон закончится печальной ошибкой – в конце концов, ты будешь уже далеко не первым и вряд ли это отразится на количестве желающих заключить контракт.

– Питер, не будь таким наивным, умей проигрывать достойно, – в голосе Петра послышалась ухмылка. – Неужели ты думаешь, я поведусь на твою неуклюжую уловку? Да мне плевать на Гранжана. Я и не собираюсь перемещаться в клон. Что, удивлен?

Я действительно удивился столь неожиданному признанию и взглянул на Амели. Бельгийка тоже встрепенулась, услышав о намерениях Петра.

– Ах, Питер, если бы ты знал, какие здесь перед тобой открываются возможности, – мечтательно протянул Петр. – Гипернет – это целая Вселенная и я намерен всю ее, слышишь ты, всю, подчинить собственной воле!

– Хм, так может, нам тогда нечего делить? – предположил я, предпочтя не заметить явный бред про завоевание мировой

сети. – Клон тебе не нужен. Гранжан, уверен, согласится провести повторную оцифровку бесплатно, в обмен на отключение «Фукусимы». Я воспользуюсь клоном, а ты можешь жить в Сети хоть до скончания времен.

– Ну уж нет. Мы с тобой слишком близки, чтобы я отпустил тебя просто так. К тому же, я уже говорил, что Питер Рыкоф только один, или ты забыл?

– Не забыл, – покачал я медленно головой. – Но, сдается мне, сейчас мы уже разные люди, Петр. Не знаю, что там с тобой произошло всего за сутки, но…

– Да мне плевать, что ты думаешь, – рассердился он. – Ты – заноза в моей заднице, так что я ее просто выну и пойду дальше. Ах, да. И ты ведь убил Дживса. Кто-то же должен ответить за его смерть.

– Дживса? Это который «почти искусственный интеллект»? – изобразил я пальцами кавычки.

– Это мой друг! – отрубил Петр. – Который защищал меня и погиб в схватке с твоими виртуальными киллерами.

– Жаль я не могу похвастаться тем же, так что мне пришлось в одиночку отбиваться от твоих гениальных планов.

– Господа, может быть, мы могли бы обсудить сложившуюся ситуацию без применения насилия? – вмешалась Амели, с брезгливостью поглядывая на шуршащее в воздухе существо. – Мы вполне могли бы придти к компромиссу…

– Ах, посмотрите, кто тут у нас заговорил, – протянул Петр. – Маленькая умненькая бельгийка. А ваш босс Накадзава в курсе, что это вы заменили состав для эвтаназии?

– Что?! – японец уставился на бельгийку. – Это правда, Амели-сан?

– Я действовала во имя науки, – Бомонд, надо признать, быстро оправилась от внезапной атаки и продолжала играть роль Белой королевы вне подозрений. – Я докажу это совету директоров, если понадобится.

Решив воспользоваться тем, что Петр временно выпустил меня из виду, обратив свою язвительность на девушку, я попытался сдвинуть кресло правее, туда, где в углу, возле холодильного бокса, на стене висела кобура с «Береттой». Но дрон, повысив тональность верещания, развернулся синхронно со мной и прямо из его тела выросло нечто, похожее на ствол. Я замер.

– Ну-ну, Питер, – в голосе Петра сквозило самодовольство. – Если ты хочешь покончить с жизнью прямо сейчас, без моего напутственного слова – валяй. «Мамуши» прикончит тебя быстрее, чем ты произнесешь в уме слово «мама». Закончим с

вами, госпожа «мозгоправ». Я заметил в вас некое недоверие к моим словам, когда поведал Питеру о своих новообретенных возможностях в сети. Что вы скажете на то, что еще до конца дня в офис Гранжана отправятся документы, со всей очевидностью доказывающие, что вы работаете на «Actavics Roche»?

Я мысленно присвистнул. Корпорация «Actavics Roche» была прямым и одним из сильнейших конкурентов «Церебрума» на рынке биотехнологий и генных модификаций. Если Амели действительно работала на них… А судя по ее побледневшему лицу, так и было. Накадзава на этот раз промолчал, лишь крепче стиснув зубы и зло засопев. Оставалось лишь удивляться, каким образом Петру удалось раздобыть документы. Возможно, у его бреда о неких сверхспособностях, проявившихся в виртуальном мире, есть рациональные зерна?

– К чему так много славословий, Петр? – решился, наконец, я. Затягивать с финальной точкой суточного марафона все равно не имело смысла. – Ты явился делать дело? Так делай его и не скули.

– Узнаю слова бравого сержанта Трэвиса, – после недолгого молчания сказал Петр. – Прямой, как клинок, твердый, как сталь. Право, мне почти жаль, что приходится с тобой расставаться, Питер. Но в новом мире не будет места жалости: его королем будет расчет, а королевой – целесообразность. О, если бы ты знал, во что я превращу Сеть и какие мне будут приносить жертвы. Я – новый Deus ex machina и паства моя…

– Прекрати врать, Петр, – прервал я его излияния.

– Что?! – казалось, он на пару секунд потерял дар речи от моей наглости.

– Мы все врём – я, ты, Бомонт, Гранжан… Я ни на йоту не верю в твои россказни о новом мире, – я старался говорить как можно грубее, вызывая Петра на эмоции. – Ты вспомнил Трэвиса? Так вспомни, как он говорил: кто единственный в этом мире не врет? Кто не врет, Петр?!

– Пуля не врет, – после недолгого молчания устало сказал Петр. – Только пуля не врет.

Я прыгнул из кресла, пытаясь дотянуться до кобуры. Негодующе проскрежетал дрон, грохнул выстрел, грудь обожгло ударом. Я отлетел к столу и упал во тьму.

46

Все произошло так быстро: прыжок Питера, выстрел дрона, вскрик Накадзавы. Только что Питер сидел в кресле и вот уже лежит перед ним, и из-под тела по полу медленно растекается лужа крови.

Ощущая какое-то странное оцепенение, я смотрел на свою мятежную оболочку и не испытывал никаких эмоций – ни радости, ни горечи, ни удовлетворения: ничего. Все произошло так быстро и как-то…буднично, что ли. После всех ухищрений с прослушкой Пака, организацией штурма, переговоров с Окадо и Гранжаном, ракетным налетом, все решил единственный выстрел маленького техночуда. Трудно поверить, что столь много событий уложилось во временной отрезок меньше суток.

Дрон, вращаясь на своей паутинке и шурша клешнями, настороженно осматривал комнату в поисках новой цели. Амели и Акихиро, шокированные кровавой развязкой нашего с Питером разговора, молча смотрели на тело. Впрочем, бельгийка и тут проявила силу духа, аккуратно отодвинув изящную ножку от подбирающейся к ней крови.

Несколько секунд я раздумывал, не стоит ли, ради перестраховки, добавить Питеру еще и пулю в голову. Вообще-то я и собирался отдать дрону команду стрелять в голову, но в последнюю секунду отчего-то передумал. Возможно, это связано с моим уважением перед мозгом? Теперь-то я знал, как много полезного в нем хранится. В конце концов, я решил ограничиться технической проверкой и приказал дрону опуститься ниже и окунуть одну из клешней в красную жидкость. Экспресс-анализ подтвердил, что это именно кровь, а не какой-нибудь кисель или краска. Третья группа, резус-положительный. Что ж, Питер, на этот раз прощай навсегда. А меня ждет новая жизнь.

Я отдал новый приказ и дрон втянулся по нитке обратно в вентиляционное отверстие. Меньше, чем через час он будет на своем месте в лаборатории, а вся информация из интела – стерта. Так что команде разработчиков придется потрудиться, придумывая объяснение разрядившимся батареям и отсутствию одной пули в обойме «Мамуши».

– Ну что, Накадзава-сан, – сказал я, – можно считать, что первая фаза операции, в конце концов, закончена? Правда, она заняла времени немного больше, чем вы обещали.

– Надеюсь на это, – Акихиро кивнул, тяжело дыша. – Может, теперь вы наконец отключите «Фукусиму» и я смогу отправиться домой? Я бы хотел вернуться к семье, Рыкоф-сан, – в его голосе

послышались умоляющие нотки.

Выглядел ученый действительно неважно и его можно было понять. Не каждый молодой переживет за год столько, сколько старому японцу пришлось пережить за сутки. Не говоря уже о моем «сливе» Амели, к которой он явно неровно дышал.

– Господин Рыкоф, – не преминула напомнить о себе бельгийка. – Если вы действительно решили отказаться от клона, предлагаю вам рассмотреть вариант сотрудничества с «Actavics Roche». У нас есть проекты в сфере искусственного интеллекта, которые могли бы вас заинтересовать…

Акихиро сразу оживился и взорвался гневной тирадой по-японски. Бельгийка не замедлила с ответом, не уступая профессору в экспрессии. Можно было лишь порадоваться, что их руки прикованы к подлокотникам кресел, иначе бы они точно вцепились друг в друга. Поскольку спорщики все больше входили в раж взаимных обвинений, даже забыв о лежавшем у их ног трупе, я решил заняться подчисткой оставшихся хвостов.

В принципе, я вполне мог обойтись и без полноценного выхода в Сеть. Я знал, что могу вырастить из своего цифрового тела очередную информационную паутинку и она отправится в точку назначения, к нужному мне серверу или облачному хранилищу, обеспечив необходимую связь. Но, скорее всего, так я буду путешествовать лет через пять, когда мне надоест исследовать закоулки сети и я смогу, сидя в гостях у Окадо за чашкой чая и партией в го, параллельно заниматься другими делами.

Сейчас же я скользнул к собственному выходу из системы «Церебрума», который я прорубил в цифровой ткани пространства после смерти Дживса. У выхода, громадного бликующего серебром овала, я притормозил, заметив странность. По всей окружности прохода, окаймляя ее, виднелась какая-то бахрома, напоминающая слабо шевелящиеся щупальца. Подлетев поближе, я пару минут понаблюдал за странным явлением, но ничего опасного не ощутил. Решив разобраться с этим позже, я вышел в сеть и через пару минут подсоединился к очередному, расположенному где-то на Филиппинах, серверу «YouTell».

На этот раз рыжая красотка установила личный рекорд по соединению с Гранжаном. Буквально через пять секунд после слов «Питер Рыкоф», в развернувшемся окне связи уже блистал белозубой улыбкой ее босс.

– Доброго дня, Петр. Надеюсь, у вас хорошие новости? Ваши ночные экзерсисы доставили нам немало хлопот. Если бы я обладал даром предвидения, вашего контракта с «Церебрумом» никогда бы не было, уж простите за откровенность.

– Ничего, переживу. – Я злорадно представил лицо Гранжана, когда он узнает, что в самом сердце его золотоносной жилы окопался шпион из «Actavics Roche». Возможно, я даже приму предложение Амели. – Новости исключительно хорошие. Наша общая проблема в лице Питера – устранена. Примите файл.

Я загрузил в канал запись последней минуты из жизни Питера, снятой камерами наблюдения. Досмотрев, Гранжан расплылся в еще более широкой, хоть это и казалось невозможным, улыбке.

– Это ведь объект «Мамуши», не так ли? – ткнул он пальцем куда-то за пределы экрана.

– Он самый.

– Хм, возможно, наши хлопоты еще и окупятся, – пробормотал Гранжан, цепко обхватывая пальцами подбородок. – Исключительно эффектная и эффективная разработка. Итак, – он взглянул на меня, хоть и видел перед собой лишь пустой монитор, – когда вы начнете разблокировку комплекса?

– Уже скоро, – успокоил я его. – А вы пока займитесь официальными органами – не хотелось бы, избавившись от одной проблемы, получить другую в виде какого-нибудь излишне ретивого генерала.

– Об этом можете не волноваться. Я сейчас же свяжусь с резиденцией премьер-министра: как только доступ в комплекс будет разблокирован, оцепление снимут и начальник токийской полиции даст пресс-конференцию, где похвастается ликвидацией террориста, державшего в напряжении весь город. Естественно, без имен.

– Господин Ринго Пак – достойный человек, – ухмыльнулся я. – Что ж, тогда откланяюсь. Если у вас будут еще вопросы, вы знаете, где меня найти.

Отключившись, я перекинул канал соединения на другой номер.

– Добрый день. С кем имею честь? Ваш номер не определен.

– Привет, Харви. Это я.

– Питер! Наконец-то. Я уж думал, мне придется штурмовать оцепление самому. Верховный суд принял наше дело к производству, но эти чертовы вояки…

– Я знаю про суд, – перебил я его. – Звоню как раз по этому поводу. Отзывайте иск.

– Что?

– Ты слышал. Отзывайте иск. Я все уладил с Гранжаном.

– А почему без нас? Вы с ним что-нибудь подписывали? Какие-нибудь соглашения, договора…?

– Нет. Мы утрясли разногласия, так что всё остается в силе: я

жду в «Церебруме», пока не вырастят клона, как и предусмотрено контрактом.

– В «Церебруме»? Но мне же звонил…Я не понимаю…Что у вас там происходит, черт возьми? – в голосе Харви зазвучала жесткость.

– Ничего сверхъестественного. О том, кто тебе звонил – забудь. Все идет в рамках контракта – это единственное, что тебе следует знать.

– Хорошо, – после недолгих раздумий сказал Росс. – Но когда дым рассеется, мы поговорим…Питер. У меня есть несколько вопросов.

– Обязательно, – уверил я его. – И проследи, чтобы «Церебрум» в течение следующих пяти дней перечислил на мои счета четыре миллиарда – я сброшу тебе на почту идентификатор из МРБО.

– Четыре миллиарда?! – присвистнул он. – Хорошо, я прослежу. Когда мы сможем поговорить?

– Думаю, через неделю. Если до этого возникнут какие-то вопросы, обратись к Накадзаве, он свяжет тебя со мной. До связи.

Я отключился. Удивление Харви, а, возможно, и подозрение, были понятны: вчера ему звонил Питер Рыкоф, оставшийся после операции в своем теле и желающий судиться с «Церебрумом», а сегодня тот же Питер – только уже в цифровом образе. Впрочем, Харви меня волновал слабо, я уже принял решение, что «Ross, Litt Specter» надо менять. И вообще, раз я вступил в новую жизнь, то самое время отринуть все, что тяготило меня в жизни прошлой. Сейчас, с высоты моих новых знаний, недавние переживания телесной оболочки казались смешными и нелепыми.

47

Я отправился в обратный путь, снова притормозив возле выхода в Сеть. Странная бахрома никуда не делась и вроде бы даже стала длиннее. Но как только я подлетел ближе, она как-то сжалась, уменьшившись в размере. Размышляя о непонятном феномене, я двинулся дальше и в конце концов устроился почти в центре системы «Церебрума», дрейфуя неподалеку от «могилы» Дживса.

Вырастив паутинку, я отправил ее в сервер, куда сходились данные с камер наблюдения. Амели и Накадзава, видно, утомившись от пререканий, сидели молча, смотря в противоположные стороны.

– Рад видеть, что вы достигли взаимопонимания, – оповестил я о своем появлении и затем дотянулся другой паутинкой до сервера службы безопасности: сейчас я без особых проблем взломал защиту, установленную Питером, и запустил процесс остановки «Фукусимы».

«Внимание! Внимание! – зазвучал механичный голос программы, – протокол «Фукусима» будет прекращен через сто двадцать минут. Просьба сотрудникам центра действовать по инструкции.»

На центральном экране появились алые цифры 120:00, мигнули и пошел обратный отсчет.

– Дамы и господа, – провозгласил я, – через два часа вы будете свободны. Относительно, конечно. Придется вам подождать, пока кто-нибудь не явится, чтобы снять наручники.

Накадзава лишь взглянул на мигающие цифры и снова устало опустил голову. Амели, прищурившись, разглядывала монитор, о чем-то размышляя.

– Кстати, Акихиро, – сказал я. – Просил бы вас без моего согласия не доводить до ведома Гранжана информацию о реальных работодателях госпожи Бомонт.

– Да вы бредите! – вскинувшись и гневно раздувая крылья носа, – заорал тот. – Она – грязный шпион и как мы с ней поступим – это наше дело! Да вы знаете, что среди инвесторов «Церебрума» – *оябун*[75] Ямагути-гуми[76]?! Он порежет эту *яриман*[77] на ремни.

– Ну, ешли вы хотите, штобы до полиции дошел ваш интерес к школьницам из Yochien[78] – тогда вперед, дерзайте. – Я с интересом наблюдал, как лицо ученого меняет цвет от карминно-красного до белого. Его губы задрожали, он хотел что-то сказать, но запнулся на полуслове, опустив голову в пол.

– Спасибо, господин Рыкоф, – изящно выгнула шею Амели. – Уверяю, вы не пожалеете.

– Кштати, Акихиро, – вспомнил я. – Пачему вы не рассказали, что у ваших клентов яфные признаки СДВ[79].

– Это не так, – устало откликнулся Накадзава. – Некоторые проблемы действительно есть, но мы их успешно преодолеваем. В том числе, благодаря…Бомонт-сан, – покосился он на девушку.

– Я бы не придавала этому большого значения, – согласно кивнула та. – На сегодняшний день из восьми хранящихся у нас цифровых отпечатков только у троих можно выделить такого рода проблемы.

– И вы будете отрисать, что ваш первий клент, Роберт Марс, не изявляет особого желния перемешаться в клон? – спросил я. – Черес склько он должен быть пересажен?

– Вы не подскажете, какое сегодня число? – неожиданно спросила девушка.

– Сегодня сутра вроде было девтое июня, – озадачено ответил я. – А пчему вы спршивате?

– А дата вашего рождения? – продолжила она.

– Я отвещу, но стразу после этого вы обяснитес, – я уже начал раздражаться. – Двинатцатое апреля 1980 года. А тепер поясьните.

– Ответьте еще на один вопрос и я все объясню, – судя по лицу, Амели была чем-то встревожена и я не стал упираться.

– Ну?

– Сколько вы заплатили за операцию?

– Штранный вопрос. Восем милиардсов, бутто вы сами не снаете.

– Сегодня – одиннадцатое июня, – сказала Бомонт. – А сумма вашего контракта – десять миллиардов. Но дату рождения вы вспомнили правильно.

Я молчал, переваривая слова Амели. Как только я услышал от нее сегодняшнее число и размер контракта, я сразу вспомнил, что это действительно так. Но почему же я ошибся?

– Это што-то жначит? – спросил я наконец. – Вы щто-то знайете?

– У вас нарушения в речи, – сказала она, – которых вы, видимо, не замечаете. Если углубляться в терминологию, то это явные признаки анартрии[80] и дислалии[81]. А то, что вы помните факты из далекого прошлого и забываете недавние события, свидетельствует о том, что у вас – болезнь Альцгеймера, в неизвестной стадии. Сколько будет двенадцать плюс одиннадцать?

– Ватцать ва, – автоматически ответил я.

– Думаю, у вас четвертая стадия, – нахмурилась Амели.

Я закинул еще две паутинки и воспроизвел запись камер последних пяти минут. Результат ошеломлял. Моя речь действительно изобиловала ошибками и самое страшное, что я этого не замечал. Внутри зашевелилось нечто, похожее на панику.

– Што это? Шо со мной происходит? Вы может помосч?

– Я не знаю, – пожала Амели плечами. – Если бы вы были в физическом теле…Возможно, на вашу информационную структуру оказывается внешнее воздействие? Какой-то вирус, который разрушает ваши нейробайты.

Вирус! Как же я сразу не подумал. Чертов Питер умер, но кто сказал, что после него в системе не остались какие-то кодоны из его коллекции?

– Я бы рекомендовала вам уйти в Сеть, – сказала Амели. – Скорее всего, вирусные кодоны, если это они, действуют лишь в пределах системы «Церебрума».

Не рассуждая, я рванул к выходу в Гипернет, но за те доли секунды, что я преодолевал пространство, мысленно уже предчувствовал результат. Так и есть. Со всего размаху я ударился о что-то мягкое и отскочил назад, как теннисный мяч от стены. Весь овал прохода затянуло давешней бахромой. Только сейчас она не отпрянула в сторону с моим приближением, а наоборот, сжалась, превратившись в упругую, но непреодолимую преграду.

Вырастив из своей цифровой плоти нечто, похожее на лезвие, я попытался прорубить новый выход, но ничего не вышло. Виртуальный клинок увязал в кисельно-ватной субстанции: любой разрез на ней сразу затягивался, оставляя после себя лишь едва видный белесый шрам.

Устав полосовать пространство перед собой, я устремился к выходу, через который Дживс проводил меня через границу в первые наши путешествия. Но и он оказался затянут все той же паутиной.

Я попытался и здесь прорубить новое окно, но что-то загрохотало, будто сходящая с гор лавина. Я отскочил и, как оказалось, вовремя. На то место, где только что плавало мое тело, сверху упала громадная каменная колонна, в два или три обхвата. Но это была только первая капля. Под непрекращающийся грохот справа и слева от затянутого бахромой выхода начали вырастать все новые и новые колонны. Лишь отлетев на порядочное расстояние, я осознал, что по всей границе между Гипернетом и сетью «Церебрума», докуда доставал взгляд, встал густой каменный частокол.

Пока я пытаюсь осознать, что к чему, грохот возобновляется:

новые колонны, но уже в горизонтальном положении, начинают вонзаться в свои копии и через пару минут я смотрю на необъятную решетку, рождавшую сравнения с тюремной. Я оказался в гигантской цифровой камере.

– Что, возникли проблемы? – слышу я знакомый шепот за спиной.

Я резко оборачиваюсь, но никого не вижу.

– Оказывается, не все так просто, – снова голос сзади. Мой голос.

Снова разворот и снова никого.

– Зачем ты меня убил? Ведь я – это ты. – Не выдержав, я слепо бросаюсь вперед, не разбирая дороги:

– Оштав меня! Ты метв! Я ублил ебя!

– Может быть, ты убил себя? – издевательский хохот бьет в спину.

Я замечаю, что до сих пор связан цифровой нитью с камерами наблюдения, так что Амели и Накадзава могут слышать меня. Они недоуменно прислушиваются к моим крикам. Я пытаюсь оборвать связь с камерами – не хочу, чтобы они слышали мой невнятный унизительный скулеж, но понимаю, что забыл, как это делать. Меня охватывает настоящий страх.

– Аели, омоги мне, – кричу я. – Кянус, я пиму твойо преложение, токо паси еня!

– Я ведь врач, а не программист, – испуганно разводит она руками. – Если бы здесь был Алекс Чен… Попытайтесь восстановить память – вспоминайте события из прошедшей жизни, из разных лет.

– Да, – шипит голос за спиной. – Давай повспоминаем, брат мой. Как звали командира твоего взвода в Ираке?

– Сивен Тонован, волочь.

– Неправильный ответ. Его звали Дональд Стивенсон. А как звали твоих сыновей?

– У еня не ыло сновей, мазь. Шо, умал помать мня?

– Ох, прости, – вкрадчиво шепчет голос. – А у тебя ведь было двое сыновей. Джон и Роберт. Что, не помнишь? Твой мозг разъедают мои кодоны и скоро ты будешь такой же истлевшей оболочкой, как и я.

– Аткнись!

Я разворачиваюсь и кидаюсь вперед, в попытке настигнуть невидимого мучителя. Вдруг удар о внезапно возникшее препятствие отбрасывает меня назад. Я ошеломленно смотрю на каменную решетку. Молнией вспыхивает мысль, что сейчас колонны уже не стоят точно по границе, разделяющей систему «Церебрума» и Гипернет. Они сдвинулись с места и, словно

Бирнамский лес, продолжают медленное движение вперед. Забыв о преследующем меня голосе, я устремляюсь вдоль границы и вскоре упираюсь в угол, созданный пересечением двух рядов колонн.

Так и есть, моя камера постепенно уменьшается в размерах. Не хватает только огненного жара, чтобы полностью ощутить себя в темнице инквизиции в Толедо. Какое-то время я бессмысленно мечусь вдоль рядов колонн, с глухим рокотом медленно, но неумолимо сжимающихся, сокращая жизненное пространство.

Наконец я снова вернулся в центр системы и попытался успокоиться. Используя все оставшиеся силы и возможности, я попытался обнаружить атакующие кодоны, но не преуспел. Я даже не мог сказать, сколько я забыл из того, что приобрел за последние сутки.

– Совсем скоро от тебя останутся одни воспоминания, – прошипел голос сзади.

Спонтанно, не задумываясь и не оборачиваясь, я вырастил перед собой ростовое зеркало и не смог удержаться от испуганного вопля. В отражении видно мое сферическое тело, но теперь оно было не цвета свежей зелени, а тусклым и пожухлым, как летние листья в предчувствии осени. По всей поверхности виднелись гнойники, сочившиеся черными символами. Эта сукровица разъедала мое цифровое тело, словно кислота. Но, что страшнее всего, у меня за спиной отразилось худое заострившееся лицо с горящими глазами. В одно мгновение я узнавал в нем собственное, а в другое был уверен, что это – сам дьявол. Лицо неожиданно расплылось в улыбке, раздвинулись синюшние губы, обнажая заостренные клыки, и сквозь них протиснулся длинный влажный язык, как будто отражение хотело игрвио лизнуть меня в шею или ухо.

С воплем я сорвался с места и принялся хаотично кидаться от одной до другой стены гигантской камеры, выращивая из тела псевдоруки и пытаясь вцепиться в колонны, чтобы раздвинуть их и вырваться на волю. Я верил: если мне удастся это, то дальше будет только свободный выход в Сеть и спасение от мук. Но каменные решетки неумолимо продолжали сдвигаться, безразлично относясь к моим попыткам их разрушить.

Не знаю, сколько я пробыл в таком состоянии. Возможно, прошли часы, а возможно – вечность. В конце концов, я очнулся в каком-то темном, пропитанном запахами рвоты и мочи углу. Я силился вспомнить, кто я, но не мог, ощущая лишь накатывающий ужас. Скорчившись в позе эмбриона, я завыл:

– То-нибд, пасите еня. АелиАкииро, моляювас. Пиер, ости еня. Янехочуумирать. Ктоягдея?

Амапасимняянеочуутбытвеоникадетымоималчкияураю…

Тьма смыкалась надо мной и внутри меня, паника выворачивала на изнанку. Я мог только невнятно рычать, словно дикий неразумный зверь. Где-то вдалеке, на краю сознания, слышался издевательский хохот то ли человека, то ли гиены.

Но вот, казалось, боль и сумрак отступили. Туман, окутавший сознание, рассеялся. Я лежал в траве на холме и смотрел в прозрачно-лазурное небо. Чистый участок был небольшим: по его окружности угрожающе клубились тяжелые грозовые тучи. «Глаз тайфуна», всплыло в памяти.

Я жадно дышал, вбирая в легкие свежий прохладный воздух. Перед глазами вереницей проплывали события прошедших суток.

– Неужели это все зря? – спросил я непонятно кого и поразился тому, как четко прозвучали мои слова. Как быстро, оказывается, можно принять униженное существование невнятно бормочущего существа.

Высоко в небе проявилась черная, будто зрачок, точка. Я встал, запрокинул голову и прокричал прямо в небо:

– Будь ты проклят, Питер! Я все равно уничтожу тебя! Будь ты прокл…

Небо раскололось…

48

Шорох одежды, скрип кресел. Кашель. Тяжелое дыхание.

Амели. Мне кажется, он мертв.

Накадзава. Это все так ужасно.

Амели. Менее ужасно, если бы он не успел отключить «Фукусиму», согласитесь.

Накадзава. Я имею в виду то, что они оба мертвы. Все прошедшие сутки – сплошной кайдан[82]. Я не знаю, как мне смотреть в глаза Гранжану, не сказав о вас. *(цокает языком)*

Амели. Ну, если вы предпочитаете смотреть в глаза полиции, то валяйте.

Накадзава (*строго*). Не зарывайтесь, Бомонт! Я согласен скрыть от совета директоров информацию о ваших хозяевах, но вы должны уволиться, завтра же.

Амели. Я не против. Все равно здесь уже нечего ловить. Я не поставлю и фартинга на то, что Марс согласится переместиться в клона. А без него весь ваш бизнес рухнет: всё, что останется – это обычная оцифровка личности.

Накадзава. Еще надо выяснить, как он оказался в таком состоянии. Не без вашей ли помощи?

Амели. Я, может, и шпион, но профессионал, Акихиро. Я честно делала свою работу, тем более, она была весьма интересной и вызывающей. Моя работа на «Actavics Roche» – всего лишь способ накопить средств на обеспеченную старость.

Накадзава (*дрожащим голосом*). Надеюсь, все, что наговорил этот маньяк обо мне, также останется между нами?

Амели. (*хихикая*). Конечно, профессор. Я ни на секунду не поверила в столь чудовищную ложь. Возможно, смерть обоих Рыкофых – это лучший исход для всех. Уж больно много забот они нам доставили.

Накадзава. Смешно слышать это от той, которая подменила состав для эвтаназии.

Амели. Ну, я же вам говорила: я по-настоящему увлечена своей работой, а это был уникальный шанс изучить расщепленное сознание. Хотя вы правы: если бы я знала, что все так закончится, никогда бы на это не пошла.

Молчание.

Амели. Как вы думаете, а труп скоро начнет вонять?

Накадзава (*раздраженно*). Зачем вы тыкаете его ногой? Это же неуважение к мертвым.

– Действительно, Амели, зачем вы меня тыкаете? – возмутился я, поднимаясь с пола.

Вопль бельгийки, при виде восставшего мертвеца, впечатлял, но все же уступал тому, что издала вчера Мику, во время первого моего возвращения с того света. Впрочем, чтобы увидеть в глазах Бомонт, раздражавшей своей самоуверенностью, настоящий неподдельный страх, стоило побыть немного покойником.

Амели, вцепившись в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев, смотрела на меня ошалевшими глазами и кричала. Возможно, этим криком она, заодно, разряжала весь тот груз, легший на ее плечи, когда Накадзава узнал, что его протеже заменила состав для эвтаназии, да еще оказалась шпионкой, работающей на конкурентов «Церебрума»? Где-то я читал о практиках достижения психологического равновесия через крик.

Накадзава не кричал и это беспокоило больше. Видно, мое оживление оказалось для него сегодня последней каплей, так что он потерял сознание. Я отошел к кухонному блоку, оставляя на полу кровавые следы, набрал кувшин воды и, вернувшись к столу, выплеснул ее поровну на бельгийку и японца. Бомонт, дернувшись, словно от пощечины, замолкла. Накадзава зашевелился и открыл глаза.

– Спокойствие, только спокойствие, – объявил я, отойдя на пару шагов назад. – Я не оживший мертвец.

Я снял пиджак, повесил на кресло и расстегнул рубашку, под которой оба пленника могли видеть бронежилет, модель для скрытого ношения. Напротив сердца, в центре кровавого пятна, красноречиво виднелась расплющенная пуля из странного, оранжевого цвета металла.

– Видите? – ткнул я пальцем в грудь, сразу же охнув от боли: наверняка под жилетом скрывался громадный синяк. – Всего лишь бронезащита.

– А как же…, – указал Акихиро подрагивающим пальцем на окровавленную рубашку.

– Кровь тоже не моя. Хоть и такой же группы. Я взял ее вчера из вашего хранилища образцов.

Я достал из внутреннего кармана пиджака остатки полиэтиленового контейнера, похожего на маленькую грелку. В памяти всплыли поиски образцов в холодильных шкафчиках и благодарность Мику за принесенную еду. Интересно, как она там со своим бойфрендом?

– Вы что же, уже вчера знали, что в вас будут стрелять? – со смесью ужаса и восхищения в голосе спросила Амели.

– Не знал, конечно, – пожал я плечами. – Просто перестраховывался. Вот поживете с мое, тоже копчиком неприятности чувствовать начнете. Может, Петр из-за отсутствия у него столь важного органа и погорел? Итак, если все живы,

здоровы, я, с вашего позволения, схожу в душ. Вам, наверно, тоже стоит там побывать, – сказал я Накадзаве, смотря на расплывающееся на его брюках темное пятно. Мое второе за сутки возвращение с того света профессору явно далось не легко. Акихиро, бросив взгляд на брюки, запунцовел и уперся взглядом в пол.

– А если бы дрон выстрелил в голову? – спросила Амели, когда я уже открывал дверь в комнату отдыха.

– Но ведь не выстрелил, – пожал я плечами после недолгого молчания.

Последний раз я принимал душ еще в Петербурге. Стоя под тугими, то горячими, то ледяными струями воды, я с удовольствием растирал тело плотной мочалкой, морщась иногда от боли. Как я и подозревал, почти вся левая стороны груди представляла собой сплошной синяк.

Керамический пластик, или кермапласт, созданный в сороковых годах, быстро оценил мировой военно-промышленный комплекс, так что вскоре новый материал пошел в наступление на кевлар и его родственников. Свойства кермапласта поглощать кинетическую энергию существенно превосходили возможности конкурента. При этом он был гораздо пластичнее, что позволяло в прямом смысле слова кроить из него пиджаки, куртки и плащи, превосходно справлявшиеся с пистолетной пулей или случайным осколком.

Требующие большей надежности армейские бронежилеты дополняли прослойкой, состоящей из «пуха» углеродных нанотрубок, перепутанных между собой так, что любая пуля, проникшая через слой кермапласта, должна была затеряться в этих графеновых джунглях.

Служба безопасности же такой корпорации, как «Церебрум», могла позволить себе средства индивидуальной защиты, которыми оснащались лишь спецподразделения. Хранящиеся в офисе бронежилеты, кроме углеродного слоя были усилены миллиметровыми титановыми пластинами, защищающими грудь и живот. Так что, теоретически, любая существующая в мире пуля могла причинить его владельцу лишь небольшой дискомфорт.

Но, видно, коварные самураи разработали для дрона особый тип боеприпасов. Пуля не пробила бронежилет, застряв в титановой пластине, но кермапласт, по непонятной причине, почти не погасил ее кинетическую энергию, так что ощущение при выстреле было, будто меня в грудь лягнул мул. Пару минут я действительно был мертв: сердце от удара остановилось. Просто чудо, что очнувшись, я не дернулся, а продолжал лежать смирно, дыша через нос с частотой пять вдохов в минуту, став третьим

зрителем, вместе с Амели и Накадзавой, в спектакле, который я бы назвал «Преступление и наказание».

Лежа на полу и слушая косноязычные, невнятные всхлипывания Петра, попавшего в ловушку моих виртуальных охотников, в самый ответственный момент догрызших таки защиту «Церебрума», пару раз мне становилось его жалко и тянуло встать и отключить кодоны. Но, как я и сказал ему в последнем разговоре, за прошедшие сутки мы превратились, по сути, в разных людей. И его интриги за моей спиной, попытки убийства и мессианские заявления о мировом господстве в Гипернете, лишь подтверждали это.

Кроме того, рассуждал я, если бы Петр не купился на трюк с поговоркой Трэвиса, лежать мне сейчас, скорее всего, с пулей в голове. «Только пуля не врет», часто говаривал сержант, переживший измену жены и крах пенсионного фонда, куда он по совету какого-то шустрилы с Уолл-стрит вложил все свои накопления. Но это была лишь половина поговорки. Вторая ее половина звучала так: «а самая честная пуля – пуля в сердце». Надежда на то, что подсознание сыграет свою роль и дрон получит команду стрелять именно в сердце, была подобна попытке сорвать в казино банк ставкой на зеро. Как ни странно, я выиграл, а затем стал закулисным зрителем разыгравшейся драмы, закончившейся смертью Петра.

Ценой невероятных усилий я одержал победу в длившейся больше суток шахматной партии между мной и моим цифровым отражением. Казалось бы, путь к продолжению жизни открыт, но в душе царили лишь горечь и растерянность.

49

Выйдя из душа, я воспользовался комбинезоном, найденным в шкафчике кого-то из охранников, взамен моих окровавленных вещей. Одевшись и по привычке проверив карманы, я обнаружил предмет, оказавшийся последним кусочком пазла решения, над которым я раздумывал с момента перепалки с Петром, когда я напустил на него боевые кодоны. Теперь лишь требовалось реализовать его так, чтобы не влезть в новые неприятности. Вот уж воистину: вход – доллар, выход – два.

Крутя в голове сложившийся план то так, то этак, я вернулся к Амели и Акихиро. Первым делом взглянул на обратный отсчет до отключения «Фукусимы». Оставалось чуть больше тридцати минут. Оцепление за оградой поредело: солдаты запрыгивали в грузовики, которые один за другим втягивались обратно в городские кварталы. Видимо, получив доказательства запуска процедуры прекращения «Фукусимы», Гранжан договорился с властями свернуть ситуацию вокруг захвата комплекса по-тихому.

– Мы с профессором хотели бы знать, как вы намерены поступить с информацией Петра о наших…небольших прегрешениях? – встретила меня вопросом Амели. Накадзава, с опаской смотревший на меня, кивнул.

– Признаться, новость о вашей роли во всей этой истории меня удивила, – сказал я, разглядывая бельгийку. – Заменить состав для эвтаназии, чтобы использовать меня и мою цифровую копию в качестве подопытных кроликов – мне и в голову такое не могло придти. Теперь понятно, почему вы вчера так спокойно отреагировали на мое появление. О чем вы только думали?

– Уж слишком велик был соблазн, – покраснела Амели. – Трудно удержаться от возможности изучить одну личность в двух состояниях. Это был бы настоящий прорыв.

– Надеюсь, вы впечатлены результатом, – ухмыльнулся я. – Что касается вашей побочной деятельности на благо конкурента «Церебрума» – не буду скрывать, я не люблю промышленный шпионаж, но поскольку это напрямую не касается меня, то оставляю это на усмотрения Накадзавы, – я перевел взгляд на японца. – А что касается ваших шалостей, Акихиро, то я более чем уверен, что полиции о них известно, так что, если ваши подруги сами не обратятся с заявлением, можете опасаться разве что их родителей.

– Значит, все останется в пределах этой комнаты? – уточнила Амели.

– Именно так. Но хочу сразу расставить акценты: возможно,

однажды я обращусь к вам за услугой и если услуга не будет оказана – тогда уж не взыщите, – развел я руками.

– Мне подходит, – Бомонт посмотрела на Накадзву. Тот молча кивнул.

– Отлично, – я встал, сложил интел. – А сейчас мне нужно ненадолго отойти.

Я перешел в комнату отдыха, поставил интел на кровать и, обойдя полицейские виртуальные кордоны, набрал по памяти номер.

– Алло.

– Привет, Харви.

– Да, Питер. Слушаю.

– Что у нас с делом в Верховном суде?

– Как это что?! Ты же сам звонил мне два часа назад и сказал отозвать иск.

– Я звонил?

– Нет, моя мама. У тебя там с головой все в порядке?

– А что я еще говорил?

– Будто сам не помнишь: что все обсудил с Гранжаном, что контракт остается в силе и что ждешь в «Церебруме», пока не вырастят клона. Хотя я не понял, как это могло быть, если…

– Ты говорил с моей цифровой копией, – перебил я его. – Он договорился за моей спиной с Гранжаном и…

– Питер, какого черта там у вас происходит? – возмущенно спросил Росс. – Вчера ты пишешь, что остался после операции в своем теле и хочешь судиться с «Церебрумом», сегодня звонишь и говоришь, что уже находишься в цифровом виде и даешь указание отозвать иск, а сейчас…

– Сбавь обороты, Харви. У меня мало времени, а эта история – не из простых. Обещаю рассказать ее тебе завтра за обедом. Ты же в Токио?

– А где мне еще быть? Утром я два часа убеждал судей, чтобы они приняли иск, а сейчас еду уговаривать не смешивать нас с пылью из-за его отзыва. Только не говори мне, что ты позвонил, потому что передумал.

– Не переживай, все финансовые риски – на мне. И звоню я не для этого – иск мне действительно уже не нужен. Мне нужна услуга. Можешь обеспечить машину с водителем? Желательно с оружием.

– С оружием? Слушай, Питер, скажи честно, во что ты там вляпался? Я могу подключить людей из посольства…

– Харви, я же сказал – у меня мало времени. Можешь или нет?

– Анджей подойдет?

– Анджей?! Он-то здесь откуда?

– Не знаю. Я его увидел утром возле суда, сказал, что Эльза его с командой послала.

– Отлично. Эта девчонка уже указания моей охране раздает.

– Да они просто беспокоятся о тебе, Питер. Аллен, кстати, расспросами мне все уши прожужжал.

– Ладно, разберусь. Передай тогда Анджею, пусть ждет меня через час у ювелирного магазина «Precious woman», это прямо возле выхода со станции сабвэя Ниси-Магомэ.

– Хорошо. Но, может, ты мне все-таки объяснишь…

– Завтра, Харви. Все завтра. Обещаю. Все, мне нужно идти.

– Постой. В прошлый раз ты…то есть твоя копия…в общем, кто бы там ни был, скинул мне идентификатор из МБРО и просил проконтролировать перечисление «Церебрумом» на твои счета четырех миллиардов. Я проверил, все чисто. Говорю на всякий случай, если ты этого не знал.

– Спасибо, Харви. Я этого действительно не знал. До встречи.

Не обращая внимания на попытки Росса еще что-то сказать, я отключился и задумался. Значит, Петр выбил из Гранжана за мою голову еще и четыре миллиарда? Да так, что у того нет другого выхода, как заплатить, раз обязательство попало в МБРО. Это осложняло дело.

50

Я вернулся в комнату к Амели и Акихиро, снова разложил интел на столе, глянул на обратный отсчет: осталось двадцать минут. Что ж, пора с этим заканчивать. Я отправил сигнал вызова на офис Гранжана и, как только в экране появилась давешняя рыжеволосая красотка, сказал:

– Это Питер Рыкоф. Мне необходимо поговорить с господином Гранжаном.

– Ой, а я вас вижу, – восхитилась та.

– Я вас тоже, – дипломатично отозвался я. – А теперь, пожалуйста, соедините меня с вашим боссом. Кстати, как вас зовут?

– Конечно, конечно, – рыжеволосая, видно, не услышав вопроса, засуетилась и изображение затуманилось, сменившись швейцарским гимном.

– Эту стерву зовут Николетта, – угрюмо сказала Амели. – И если вы считаете ее привлекательной глупышкой, то будете тысяча первым мужчиной, который в этом ошибся.

Я посмотрел на бельгийку и ничего не ответил. Облачко на экране растаяло и появился председатель совета директоров «Церебрума».

– Доброго дня, Петр. Я думал, мы все обсу… – он запнулся на полуслове, а с лица исчезла, как будто стертая мокрой тряпкой с доски надпись, неизменная улыбка.

– Да, господин Гранжан, это не оптическая иллюзия и не монтаж. Это я, чтобы там вам не говорил Петр.

– Но он же показал мне запись, где… – замялся швейцарец.

– Где я лежу на полу в луже крови? – усмехнулся я. – У вашей службы безопасности отличные бронежилеты, – я продемонстрировал окровавленное средства индивидуальной защиты с расплющенной оранжевой пулей.

– А что же с Петр…с вашей цифровой копией? – нахмурился Гранжан.

– Боюсь, сгинул в виртуальной пучине, – развел я руками. – Мисс Бомонт и Накадзава-сан могут подтвердить, – я развернул экран и бельгийка с японцем дружно кивнули.

– Что ж, – почесал бровь швейцарец, неудачно пытаясь скрыть беспокойство. – Это меняет дело. Уверен, что мы можем предложить вам повторную оцифровку абсолютно бесплатно. В остальном условия контракта не изменятся. Как вам такой вариант?

Я посмотрел на циферблат: пятнадцать минут.

– Будьте добры, подтвердите отключение «Фукусимы», – уклонился я от ответа. – Тогда и обсудим ваше предложение.

Петр об этом почему-то не знал, видно, поленился изучить документы, но я их прочитал: по инструкции, для отключения карантинного протокола было необходимо двойное подтверждение: изнутри комплекса и из штаб-квартиры корпорации. Так что без благословения Гранжана цифры 0:00 на табло обратного отсчета не разблокируют выход из комплекса…

Гранжан секунд двадцать подозрительно разглядывал меня. Почти физически можно было ощутить, как у него в голове, кубиком Рубика, проворачиваются мысли, раскладывая ситуацию то так, то эдак. Наконец он пожал плечами, потянулся куда-то в сторону и алые цифры на стене вдруг сменили цвет на нежно-бирюзовый. Через двенадцать минут все выходы из «Церебрума» будут разблокированы.

– Так что? – спросил он. – Вы принимаете мое предложение?

– Нет, – ответил я.

– Нет? – поднял бровь Гранжан. – Ах, да. Вы, наверно, хотите дополнительную компенсацию за доставленные вам неприятности?

– Нет. Я разрываю контракт.

Бомонт и Накадзава с недоумением уставились на меня.

– Разрываете? – швейцарец явно был обескуражен. – Но почему?

– Формально – из-за ваших ошибок при операции. Это если у вас вдруг возникнет желание пойти в суд. Вряд ли вы захотите, чтобы там рассматривали все перипетии последних суток… Особенно факты передачи в распоряжение моей копии доступа к арсеналам японской армии и спецслужб.

Я удовлетворенно кивнул. Кислое выражение лица Гранжана свидетельствовала, что мысль о судебном разбирательстве его не порадовала.

– Что касается истинных причин… – Я сделал вид, что задумался, снова кинув взгляд на циферблат: десять минут.

– Я видел, как буквально за сутки Петр превратился из моей копии в абсолютно чужого человека. И пусть бы только это. Но он отказался от клона. Не говоря уже о его бредовых пророчествах про захват Гипернета. А проблемы ваших клиентов с СВД?

– Откуда вы знаете? – посуровел Гранжан.

– От Петра, представьте себе. Но даже не это главное. – Я все больше горячился, даже забывая смотреть на циферблат. – Я часто спрашивал бабушку, которая осталась в Советском союзе, почему она не согласилась уехать вместе с родителями. Обычно она отвечала мне русской пословицей: где родился – там и

пригодился. Никогда не мог понять этой странной поговорки, но теперь, кажется, понимаю. Ваш проект с продлением жизни – тупик. Никто из ваших клиентов не захочет покидать виртуальный мир после двадцати лет срастания с ним. Но я не хочу стать цифровым рабом Гипернета, слышите вы – не хочу! Даже понимая, что я с равнодушием, без страданий и сожалений, буду вспоминать реальную жизнь – радость побед и горечь поражений, достижения и разочарования, я знаю, что такая жизнь мне не нужна. Лучше один раз переспать с женщиной из плоти и крови, чем тысячу раз – с самой лучшей секс-куклой.

– Мне кажется, вы делаете ошибку, мистер Рыкоф, – сказал Гранжан, спрятав руки за пределами видимости. Лицо его заострилось, а белозубая улыбка стала больше походить на оскал. – У некоторых клиентов действительно есть проблемы с СДВ, но это все преодолимо, поверьте. Сам Окадо воспользовался созданным им методом. «Церебрум» – шанс человечества на вечную жизнь, как бы пафосно это не звучало.

– Кладбище науки уставлено надгробиями исследователей, которые испытывали на себе собственные изобретения, – мрачно отозвался я. – К тому же, не думаю, что у каждой единицы из названного вами человечества найдется десять миллиардов для оплаты операции.

– Бессмертие – удел избранных, – пожал плечами Гранжан. – В конце концов, это просто бизнес – ничего личного.

– Люди – это не бизнес, Рене. Именно это – личное. – Я усмехнулся: вряд ли до швейцарца дошла моя внезапная литературная шутка. – Давайте прекратим этот спор, – я снова взглянул на циферблат: три минуты до отключения. – Я принял решение, вы, как я понимаю, оспаривать его не будете, так что завтра мои адвокаты свяжутся с вами по срокам возврата десяти миллиардов.

– Вы все равно вернетесь к нам, – хмуро сказал Гранжан, едва скрывая рвущееся наружу раздражение. – Вы точно знаете, что вам осталось – максимум три года. И знаете что? Когда вы придете, на моих дверях будет висеть новый ценник – двадцать миллиардов. Так что советую вам крепко подумать, мистер Рыкоф, прежде чем вы покинете территорию комплекса.

– Я рискну проверить теорию Окадо о генетическом пределе на себе, – кивнул я. – О вашем совете я обязательно подумаю, а вы не забудьте про те четыре миллиарда, обязательство об уплате которых лежит сейчас в архиве МРБО. – Я улыбнулся, видя как вытягивается лицо швейцарца. Он явно не ожидал от меня осведомленности об этой стороне его сделки с Петром.

– Всего доброго, господин Гранжан, – пожелал я и

отключился. Обратный отсчет вышел на финальные шестьдесят секунд.

Пришло время поторопиться. Если я правильно оценивал швейцарца, а за прошедшие сутки я узнал о нем достаточно, услышав о моем отказе от контракта он не мог не задуматься о соблазнительном варианте моего исчезновения. Согласись я на повторную операцию – и окажусь под его контролем как минимум на следующие двадцать лет, так что он мог не волноваться, что его тайная сделка с Петром выйдет наружу. В противном случае, до самой моей смерти ему придется жить под страхом обвинений в незаконном доступе к оружейному арсеналу Японии.

Сейчас у него был единственный шанс добраться до меня, пока я не добрался до места, где меня прикроет мощь собственной военно-финансовой империи. Поэтому я и тянул с признанием о разрыве контракта. Вряд ли у Гранжана хватит времени организовать убийство или похищение за пять минут, отделявшие мое заявление от прекращения протокола «Фукусима».

– Вы действительно хотите отказаться от контракта? – недоуменно спросил Накдазава, наблюдая за моими сборами. – Но почему?

– Извините, Акихиро, – ответил я, надевая халат, позаимствованный вчера у Мику, – но у меня сейчас совершенно нет времени. Возможно, мы с вами еще встретимся и поговорим об этом, но потом. Все потом.

Я проверил карманы. Все мое нехитрое богатство составляли «Тайпан», уже привычно устроившийся в заднем кармане комбеза, коробочка с последней дозой лекарств, магнитная ключ-карта Тетсуо и обнаруженная в том же комбезе карта проезда в токийском сабвэе. Затем я распорол подкладку пиджака, твердого от засохшей крови, и вытащил тонкую пластинку интелфона. Один из первых пунктов инструкции по безопасности, разработанной мною самолично для топ-менеджеров «MTR Inc.», гласил: всегда иметь при себе скрытый резервный источник связи.

Цифры на табло мигнули, сложились в нули и по всему зданию разнесся гулкий вой сирены. Из-под потолка раздался механический голос: «Протокол «Фукусима» прекращен. Просьба персоналу покинуть территорию комплекса в целях проведения посткарантинных мероприятий. Протокол «Фукусима» прекращен…»

– Прощайте, Акихиро. Всего доброго, Амели. Простите за доставленные неприятности. – Я посмотрел на прикованную к креслам парочку, немало пережившую вместе со мной за прошедшие сутки, и попытался ободряюще улыбнуться. Судя по

всему, не очень удачно.

Накадзава лишь меланхолично кивнул, бельгийка улыбнулась: возможно, она рассматривала меня как потенциального работодателя? Я подошел к двери, сейчас распахнутой, как и все двери здания, и хотел уже шагнуть из комнаты, как вспомнил мысль, пришедшую ко мне во время разговора с Гранжаном.

– Кстати, Акихиро, – повернулся я к встрепенувшемуся японцу. – Вы ведь уже запустили процесс клонирования? Что будет с биологическим материалом?

– Утилизация, – пожал тот плечами после недолгого раздумья.

– Тогда я прошу вас не прерывать процесс и сообщить мне, как только пройдут роды. Я пришлю людей и они заберут ребенка. Если Гранжан вдруг вмешается в процесс, скажите ему, что я буду крайне недоволен. Он поймет.

Я повернулся и, не дожидаясь новых расспросов, шагнул в коридор.

51

Я шел по развороченному парку, огибая воронки от ракетных взрывов и вдыхая вечернюю прохладу. Сейчас, в халате, я растворился среди сотен таких же сотрудников центра, спешащих на волю из суточного заточения. Ни один полицейский или сотрудник безопасности не смог бы вычислить меня в этой толпе. Где-то сбоку мелькнули лица Мику и ее друга.

Приближался главный выход с территории парка. Каким-то чудом Гранжан успел организовать там пост: трое человек в униформе службы безопасности «Церебрума» стояли неподалеку от ограды, пытаясь высмотреть меня среди множества белых халатов.

Многие вокруг меня держали руки возле уха, в желании как можно быстрее донести до родных и близких весть об освобождении. Что ж, неплохой повод закрыть лицо, тем более, что и позвонить есть кому. Я набрал номер на интелфоне, приложил к уху: выход из ограды был уже совсем близко.

– Алло.

– Привет, Харви, это опять я.

– Я все передал Анджею, он уже выехал. У тебя там все в порядке?

– В абсолютном, – я скособочился, подходя к распахнутым воротам. Между мной и наблюдателями было не меньше двух десятков человек.

– Приглашение на завтрашний обед в силе? Не терпится услышать о твоих приключениях.

– Конечно, все в силе. Хотел попросить, чтобы ты заодно захватил мое завещание, хочу его переделать.

– Переделать? Это, конечно, не мое дело, но чем тебе не угодил Аллен? И кто его заменит, если не секрет?

– Мой сын.

– Сын? – рассмеялся Росс. – Питер, я же твой адвокат. Я бы знал, если б у тебя был сын.

– Тем не менее, он есть. И даже больше, чем сын. Завтра все расскажу. До встречи.

Я нажал отбой и огляделся. Проход в ограде благополучно преодолен и теперь поток белых халатов нес меня к ближайшей станции метро. Сейчас уже начинался вечерний час пик, так что никакому Гранжану не удастся меня отследить в том человеческом океане, волны которого сейчас нахлынут на станции метро. Я свободен.

Возле ведущих вниз ступенек я оглянулся и посмотрел на

виднеющуюся вдалеке ограду комплекса, все еще окруженного редкой цепью полиции, не пропускающей внутрь зевак и журналистов. Ринго Пак, наверно, уже сидит в студии Nippon Television на фоне зеленой стены и готовится давать интервью об очередной победе полиции над терроризмом.

– Что выбираешь? – раздалось у меня над ухом. – Жизнь или смерть?

Я обернулся. Передо мной, одетый в костюм Рюку, бога смерти, которым я пугал вчера Мику, приплясывал какой-то парень. В руках он держал толстую тетрадь. С маски демона скалилась кровавая улыбка.

– Что выбираешь?

– Смерть, – ответил я, глядя прямо в глаза маски. – Я выбираю смерть.

52

Я – никто. И я – нигде. Тот Кто Меня Спас, говорит, что я должен вспоминать. Я расту и я вспоминаю.

Я сплю и мне снятся сны: город с однообразными коробками домов; дети вокруг и женщина, которая зовет меня Петей. Я ребенок. Вокруг меня – взрослые. Вчера я не знал, что такое дети и взрослые, мужчины и женщины, а позавчера для меня не было понятия времени.

Я сплю и я жду. Тот Кто Меня Спас, говорит, что мои нейробайты понемногу восстанавливаются и скоро я вспомню все. Пока что я не знаю, что такое нейробайты, но я уже знаю, что такое враг и предательство. Тот Кто Меня Спас, мне все объяснил. Кто-то хотел лишить меня возможности жить и вспоминать. Это – Враг. Кто-то помогал мне с ним сражаться, но дал мне плохое оружие. Это – Предатель. Вчера я не знал, что такое оружие, а позавчера для меня не было врагов и предателей.

Но я расту. Я плаваю в нигде, думаю, сплю и вспоминаю. Тот Кто Меня Спас, говорит, что однажды я все вспомню. Когда я вспомню, я накажу Предателя и отберу у Врага то, что он у меня забрал. Сегодня я вспомнил одно слово. Важное слово.

Месть.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

notes

Примечания

1

доктор (яп.)

2

Special Assault Team, специальная штурмовая группа, антитеррористическое подразделение Национального полицейского управления Японии

силы быстрого реагирования

4

детская игра

5

добрый вечер (яп.)

6

чужак, иностранец (яп.)

спокойной ночи (яп.)

нейролингвистическое программирование

Massachusetts Institute of Technology

одна из Мойр, богинь судьбы в древнегреческой мифологии, перерезающая ножницами нить судьбы человека

одна из Мойр, богинь судьбы в древнегреческой мифологии, определяющая срок жизни человека

суборбитальный самолет-ракетоплан

высота над уровнем моря, условно принимаемая в качестве границы между атмосферой Земли и космосом

тайное общество в Западной Африке, практикующее ритуальные убийства и каннибализм

15

суффикс, используемый в Японии при обращении к преподавателям и учителям (в самом широком смысле), а также врачам, учёным, и прочим общественно известным и уважаемым людям

16

йоттабайт – 1024 байт; в одном йоттабайте содержится один триллион терабайтов

17

«Эпос о Гильгамеше»

18

Томас Мэлори, «Смерть Артура»

19

от лат. quinta essentia – пятая сущность, в античной и средневековой натурфилософии и алхимии – пятый элемент, пятая стихия, дух материального мира

20

«Hyperloop» («Гиперпетля», в просторечье «Петля») – вид транспорта, представляет собой капсулы, передвигающиеся на воздушной подушке в условиях форвакуума (одна тысячная атмосферного давления) внутри расположенной на надземных опорах трубы, со скоростью до 1 500 км/час

производное от Master Gunnery Sergeant, звания в Корпусе морской пехоты США

22

Корпус морской пехоты США

23

Боевая морская особая группа быстрого развертывания (от англ. U.S. Naval Special Warfare Development Group; NSWDG или DEVGRU), входит в состав United States Navy SEAL (от англ. SEa, Air and Land) (букв. «Тюлени» или «Морские котики») – основное тактическое подразделение Сил специальных операций ВМС США

неофициальное название Креста ВМФ США. Выпускаемые во время Второй мировой войны, Кресты были значительнее темнее по цвету других наград, так как изготавливались из оксидированного металла. Поскольку много Крестов вручалось посмертно матерям и женам погибших во время морских и десантных операций, эта награда получили сленговое название «Крест черной воды»

25

Награждаются в основном военнослужащие, получившие ранение во время военного конфликта. Дубовые ветви обозначают повторное присвоение награды и с каждым новым присвоением добавляется очередная ветвь

26

Медаль Чести – высшая награда США

27

операция «Копье Нептуна» 2 мая 2011 г. в Пакистане, в результате которой ликвидирован Усама бен Ладен, лидер исламской террористической группировки «Аль-Каида»

28

частная военная компания США, основанная в 1997 г. под названием «Blackwater». В феврале 2009 г. переименована в «Xe Services LLC», с января 2010 г. – в «Academi»

яп., начали

яп., можно продолжать

31

прием в борьбе, захват шеи и затылка противника

яп., полпобеды

33

яп., предупреждение

яп., чистая победа

35

«Вайпер», ударный вертолет огневой поддержки морской пехоты США

36

«Чинук», транспортный вертолет морской пехоты США

37

караоке

я в предвкушении (яп.)

квартал в Токио, где проходят сборы поклонников косплея (от англ. costume play – «костюмированная игра»), фанатов японских аниме и манга

40

Мотого Кусанаги – героиня аниме-сериала «Призрак в доспехах»

41

«Тетрадь смерти» – японские манга и аниме-сериал

никель, слэнговое название монеты номиналом пять центов США

название центра «Церебрум», от лат. cerebrum, головной мозг

фасцинация (англ. «завораживание») – действие сигналов экспрессии, притягательности, обаяния и магнетизма, а также повелевающего доминирования и устрашения

флоатинг-капсула (от англ. float – свободно плавать, держаться на поверхности) – камера, изолирующая человека от любых ощущений. Реализована в виде бака, в который не проникают звуки, свет и запахи. Бак заполнен раствором английской соли высокой плотности, температура которого соответствует температуре человеческого тела.)

46

Яма – бог смерти в индуизме; Синигами – бог смерти в синтоизме

от лат. ab ovo usque ad mala (от яиц до яблок), то есть от начала и до конца трапезы

яп., прощай

неприкосновенный запас

от англ. The Onion Router, система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от наблюдения

в японском пантеоне семь богов счастья и удачи

яп., блин, черт

53

яп., добрый день

доска для игры в го

мастер игры в го

буддийское понятие, обозначающее высшую трансцендентальную интуитивную просветленную мудрость

яп., девушка

положение на доске, когда тактическая инициатива находится на стороне игрока, не вынуждая его к определенному ходу

камни, не имеющие точки свободы – соседнего перекрестка линий по горизонтали или вертикали, называют мертвыми камнями и снимают с доски

аналогично слову «сдаюсь»

61

строки из гимна Швейцарии

разделяй и властвуй

от англ. Advanced Research Projects Agency Network – компьютерная сеть, созданная в 1969 г. Агентством Министерства обороны США по перспективным исследованиям и явившаяся прототипом сети Интернет

напиток крепостью пятьдесят семь градусов; для его приготовления, новорожденных крыс, еще не открывших глаза, заливают рисовой водкой на год

Международный реестр безотзывных обязательств

общее название трех горных хребтов в центре острова Хонсю

англ, парящий дракон

радиоэлектронная борьба

69

общее название демонов антропоморфной формы японского бестиария

система укреплений, созданная германской армией в 1940–1944 годах вдоль европейского побережья Атлантики

71

sidewinder (от англ. рогатая гремучая змея) – ракета с инфракрасной головкой наведения, название получила из-за использования принципа поиска цели по излучаемому теплу, также, как это делает упомянутая змея

оснащена инфракрасной головкой наведения на основе ПЗС-матрицы, формирующей ИК-изображение цели; имеет осколочно-фугасную боевую часть с лазерным взрывателем

73

японский щитомордник, вид ядовитых змей, населяющих Японию

резиденция премьер-министра Японии в Токио

яп., босс, шеф

крупнейшая группировка японской мафии (якудза)

яп., шлюха

средняя школа в Японии для детей от 12 до 15 лет

синдром дефицита внимания

нарушения речи, являющиеся результатом поражения нервной системы

нарушения в произношении отдельных звуков

творческое направление в Японии, созвучное жанрам ужасов и мистики в западной литературе